Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (31) 2020

Главный редактор:
Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:
Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:
Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:
Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., д-р юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., д-р юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд юрид. наук, доктор права, магистр административных наук
Сиземова О.Б., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:
Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Баньковский А.Е., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Кригер А.Е., канд. юрид. наук, доцент
Михалева Д.А., канд. юрид. наук, доцент
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Репьев А.Г., канд. юрид. наук, доцент
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук, доцент
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент
Шаганова О.М., канд. юрид. наук
Шебалин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:
Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой
Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www.http://vestnik.buimvd.ru.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 17.08.2020.
Выход в свет 21.08.2020.
Заказ № 254. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 21,8. Тираж 80 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2020

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (31) 2020

Editor-in-Chief:
Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Deputy Editor-in-Chief:
Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Responsible for Issue:
Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:
Abyzov R.M., Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored lawyer of Russia
Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Anisimov P.V., Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored lawyer of Russia
Afanasiev V.S., Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor
Baranov A.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor
Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor
Filippov P.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor
Knjazkov A.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Koryakin I.P., Doctor of Juridical Sciences
Kuzmina I.D., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Maile A.D., Candidate of Juridical Sciences, Doctor of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences
Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor
Sizemova O.B., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor
Shepel T.V., Doctor of Juridical Sciences, professor
Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:
Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences
Bankovskij A.E., Candidate of Juridical Sciences
Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Bublik I.G., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Chesnokov A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Kriger A.E., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Mikhaleva D.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Repev A.G., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Semenyuk R.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shaganova O.M., Candidate of Juridical Sciences
Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Shmidt A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Executive Secretary:
Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova
Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Registration certificate PI No. FS77-57487 dated 27.03.2014.

The journal is included into the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Attestation Commission for publishing of major results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog of «RosPechat» Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Adress of editor, editor's and printing office: 656038, Altai territory, Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chkalovastr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. http://vestnik.buimvd.ru.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation and publishing department.

Passed for printing 17.08.2020.
Issue date 21.08.2020.
Order 254. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 21,8.
Issue 80 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

Акапьев В.Л., Дрога А.А., Савотченко С.Е. Правовые проблемы перехода к цифровой экономике.....7

Насыров Р.В., Иванов А.В. К вопросу об отражении особенностей отечественного правосознания в русском языке 13

Тарасов Н.К. Меры государственного принуждения: плюрализм подходов к классификации в теоретической юриспруденции России конца XIX – начала XX в. 18

Темрезов Т.Б. Предел как юридическое средство: теоретико-инструментальный аспект 25

Хисамова З.И., Бегишев И.Р. История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект».....31

Административное право и административный процесс

Бачурин А.Г. Административно-правовое регулирование и перспективы совершенствования функциональной подсистемы охраны общественного порядка единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций 39

Бучакова М.А., Гайдуков А.А. Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации в сфере противодействия семейному насилию.....46

Кожуховский Е.С. Понятия и соотношение категорий «профилактика» и «предупреждение» 51

Меженина О.В. Поступление на службу в органы внутренних дел России: некоторые проблемы правового регулирования и правоприменения.....56

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Бугера Н.Н. Незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище как признак хищения: теория и правоприменительная практика.....62

Булгакова В.Р. Генезис института уголовной ответственности за подделку документов в российском законодательстве 67

Ермакова О.В. Конструкция состава нарушения неприкосновенности жилища: недостатки законодательной модели.....72

Лоос Е.В. Ответственность сотрудников полиции за превышение должностных полномочий с применением насилия.....76

Тепляшин П.В., Молоков В.В. Корреляционный анализ криминологических показателей преступности.....81

Тимко С.А., Подшивалов А.П. К вопросу о детерминации краж и угонов автомототранспортных средств.....88

Чернигова А.Ю. К вопросу об объекте жестокого обращения с животными 95

Шатилович С.Н. Уголовная ответственность за халатность сотрудников органов внутренних дел, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений 101

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

Баумтрог В.Э., Каширский Д.Ю. К вопросу о дефиниции «специальная техника органов внутренних дел» 110

Букаев Н.М., Сираканян А.Р. Использование полиграфа при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил охраны труда и техники безопасности 115

Горшкова В.С. Особенности производства осмотра места происшествия по факту подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства.....120

Карданов Р.Р. Некоторые особенности построения следственных версий 125

Кондаков А.В., Евстропов Д.А. Отдельные аспекты применения люминесцентных порошков для выявления следов рук 130

Моляров Е.А. Структурный анализ оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности».....136

Гражданско-правовые отношения

Велекжанина А.А. Правовая природа опциона на заключение договора.....141
Заборовский В.В. Реализация иммунитета адвоката в ходе привлечения его к ответственности при осуществлении им профессиональной деятельности.....147
Мельник С.В., Спиридонова Ю.С. Интеллектуальные права на аудиовизуальные произведения в сети Интернет: сущность, проблемы реализации.....153
Моисеев С.В. Организационно-правовые формы юридических лиц в КНР (общее и особенное).....158
Портянова П.Д. Дискретность права в области применения «права на забвение».....162
Чельцова М.Г., Чельцов М.В. Социальный риск и проблемы его учета в праве социального обеспечения.....169

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

Akapev V.L., Droga A.A., Savotchenko S.E. Legal Problems of Transition to the Digital Economy 7
Nasirov R.V., Ivanov A.V. Revisiting the Reflection of the Peculiarities of the Russian Legal Consciousness in the Russian Language.....13
Tarasov N.K. State Coercion Measures: Pluralism of Approaches to Classification in the Theoretical Jurisprudence of Russia in the Late XIX – Early XX Century.....18
Temrezov T.B. Limit as a Legal Means: Theoretical and Instrumental Aspect.....25
Khisamova Z.I., Begishev I.R. The History of the Formation of Theoretical and Legal Approaches to the Interpretation of the Concept of «Artificial Intelligence».....31

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

Bachurin A.G. Administrative and Legal Regulation and Prospects of Improvement of the Functional Subsystem of Public Order of the Unified State System of Emergency Prevention and Response 39
Buchakova M.A., Gaidukov A.A. Problems of Improving the Legislation of the Russian Federation in the Countering Domestic Violence 46
Kozhukhovskiy E.S. Concept and Relationship of Categories «Prevention» and «Warning» 51
Mezhenina O.V. Entry into Service of the Internal Affairs Bodies of Russia: some Problems of Legal Regulation and Law Enforcement 56

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

Bugera N.N. Illegal Entry into a Home, Premises or other Storage Facility as a Sign of Theft: Theory and Law Enforcement Practice 62
Bulgakova V.R. Formation of the Institute of Criminal Liability for Forgery of Documents in the Russian Legislation.....67
Ermakova O.V. Legislative Structure of the Inviolation of Inviolability of Housing: Disadvantages of the Legislative Model 72
Loos E.V. Responsibility of Police Officers for Abuse of Authority with Violence 76
Teplyashin P.V., Molokov V.V. Correlation Analysis of Criminological Indicators of Crime 81
Timko S.A., Podshivalov A.P. On the Issue of Determining Theft and Theft of Vehicles.....88
Chernigova A.Yu. Revisiting the Object of Animal Cruelty 95
Shatilovich S.N. Criminal Liability for Negligence of Employees Internal Affairs Bodies that Perform their Duties for the Maintenance, Protection and Escort of Suspects (Accused) with a Crime 101

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

Baumtrog V.E., Kashirsky D.Yu. Revisiting the Definition «Special Equipment of Internal Affairs Bodies».. 110
Bukaev N.M., Sirakanyan A.R. Using a Polygraph in the Investigation of Crimes Related to Violation of Health and Safety Regulations 115
Gorshkova V.S. Features of Examination of the Scene of the Accident upon Forgery or Destruction of the Vehicle Identification Number.....120
Kardanov R.R. Some Features of Construction of Investigative Leads 125
Kondakov A.V., Evstropov D.A. Certain Aspects of the Use of Luminescent Powders for Identification of Handprints 130
Moliarov E.A. Structural Analysis of the Operational-Search Measure «the Identification of Persons».....136

CIVIL LEGAL RELATIONS

Velekzhanina A.A. Legal Nature of an Option to Conclude a Contract.....141
Zaborovskiy V.V. Implementation of Lawyer's Immunity in the Course of Bringing him to Responsibility in the Context of Professional Activity.....147

Melnik S.V., Spiridonova Yu.S. Intellectual Property Rights to Audiovisual Works on the Internet: Essence, Problems of Implementation.....153
Moiseev S.V. Organizational Legal Forms of Legal Entities in the People's Republic of China (General and Special).....158
Portyanova P.D. Discreteness of Law in the Application of Right to Be Forgotten.....162
Cheltsova M.G., Cheltsov M.V. Social Risk and Problems of its Accounting in Social Security Law 169

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 346.7
В.Л. Акапьев, *канд. пед. наук*
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
E-mail: akapevvl@yandex.ru;
А.А. Дрога
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
E-mail: ABulet@rambler.ru;
С.Е. Савотченко, *доктор физ.-мат. наук, доцент*
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
E-mail: savotchenko@hotbox.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье проведен анализ состояния правового регулирования цифровой экономики в России. Показано, что уже существует правовая основа для внедрения цифровой экономики. Выделены основные направления развития правовой основы и указаны конкретные действующие законодательные акты, в которые необходимо внести изменения. Особое внимание уделено проблемам правового регулирования документооборота, оборота электронных ценных бумаг и электронных денежных средств.

Ключевые слова: цифровая экономика, защита информации, электронная подпись, действующее законодательство России.

V.L. Akapev, *Candidate of Pedagogical Sciences*
Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail:akapevvl@yandex.ru;
A.A. Droga
Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: ABulet@rambler.ru;
S.E. Savotchenko, *Doctor of Physics and Mathematical Sciences, assistant-professor*
Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: savotchenkose@mail.ru

LEGAL PROBLEMS OF TRANSITION TO THE DIGITAL ECONOMY

The analysis of the state of the legal regulation of the digital economy in Russia is derived out. It is shown that there is already a legal basis for the introduction of a digital economy. The main directions of the development of the legal framework are highlighted and specific legislation in force, which needs to be amended, are indicated. Particular attention is paid to the problems of legal regulation of document circulation, turnover of electronic securities and electronic money.

Key words: digital economy, information protection, electronic signature, current legislation of Russia.

Рассмотрение правовых аспектов перехода к цифровой экономике подразумевает исследование действующего законодательства, выделение основных препятствий его реализации, а также рассмотрение возможного решения данных проблем путем внесения изменений в нормативные правовые акты. Цифровая экономика постепенно проникает во все сферы нашего общества. Она затрагивает не только экономические отношения, но и отношения, возникающие в области медицины, образования, промышленности, а также напрямую влияет на благосостояние граждан [1].

Под цифровой экономикой принято понимать «систему экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационных технологий» [7, с. 108].

Информация является основным фактором производства в рамках цифровой экономики. В настоящее время происходит цифровизация различной информации, постепенно она превращается в ценный товар. Именно поэтому очень важно на законодательном уровне закрепить нормы, которые смогут регулировать отношения, возникающие в цифровой экономике.

Необходимо четко определить правовые аспекты перехода к цифровой экономике, своевременно подготовить нормативную базу для благоприятного ее внедрения и функционирования, создать эффективный механизм защиты персональной информации и обеспечить безопасность информационных процессов.

Целью данной работы является определение перспектив формирования нормативной правовой базы для перехода и развития цифровой экономики в России. В работе анализируется общее состояние нормативного правового регулирования цифровой экономики, характеризуется действующее законодательство, затрагивающее вопросы цифровой экономики, выделяются особенности нормативно-правовой регламентации перехода к цифровой экономике.

Действующее законодательство в основном направлено на регулирование рыночной экономики и совсем не приспособлено к цифровой. Но, несмотря на это, ключевые источники права все же могут регулировать основные ее направления. В качестве таких источников выступают Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, федеральные законы об интеллектуальной собственности, торговле, защите прав потребителей и прочие нормативные правовые акты, закрепляющие основные понятия и принципы, которые можно отнести и к цифровой экономике. Так, Конституция РФ является главным гарантом прав и свобод человека и гражданина. В ней также закрепляются основы, которых должен придерживаться законодатель при составлении прочих законов, в т.ч. регулирующих экономические отношения. Она в первую очередь признает все виды собственности и гарантирует их защиту. Помимо этого, гарантируется свободное перемещение товаров, услуг, закрепляется единое экономическое пространство. Запрещается какое-либо воспрепятствование при перемещении товаров.

Конституция РФ закрепляет право на тайну переписки и частной жизни, запрещает хранить и использовать персональную информацию без согласия гражданина. Данные нормы напрямую связаны с деятельностью, которая возникает в рамках цифровой экономики. Они являются базисом, и нарушение данных норм повлечет за собой юридическую ответственность. Все прочие законы, регулирующие данную сферу, должны соответствовать положениям Конституции РФ.

Помимо Конституции РФ, к основным законам, регламентирующим экономику, можно отнести Гражданский кодекс РФ. Именно в нем и определяются основные понятия, связанные с экономикой в целом. Так, четвертая часть содержит в себе понятия интеллектуальных прав, государственной регистрации и индивидуализации данных прав, закрепляет право на свободу распоряжаться объектами интеллектуального труда. Также определяет порядок создания и ликвидации юридического лица, основные требования и документы, необходимые для создания организации.

Ключевые положения, связанные с торговлей, в т.ч. с использованием сети Интернет, защитой прав потребителей, обязанностями сторон при заключении договора, нашли свое отражение в соответствующих федеральных законах.

Таким образом, некая основа для внедрения цифровой экономики имеет место быть. Но вышеперечисленные законы регулируют лишь ключевые моменты. Однако в данный момент правовое обеспечение не в состоянии в полной мере регулировать цифровую экономику. Оно отстает от потребности практики и нуждается в корректировках [11]. Поэтому для перехода к цифровой экономике необходимо подготовить особое правовое поле, которое будет соответствовать предъявляемым требованиям и разрешать конфликты, возникающие в рамках цифровой экономики. Рассмотрим далее возможные варианты внесения соответствующих изменений в законодательную базу.

По итогам заседания Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 г. утвержден паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Данная программа предусматривала создание правовых, технических условий, способствующих развитию цифровой экономики в РФ. Основой дан-

ной программы выступают: Государственная программа «Информационное общество» (утвержденная постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 313), Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» и др. Программа направлена на достижение цели, определенной Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 в части решения задач и достижения стратегических целей по направлению «Цифровая экономика». Предусматривалось создание правовых условий, способствующих развитию цифровой экономики, механизма управления процессами, связанными с цифровой экономикой, создание новых правовых институтов, законодательства, регулирующего отношения в данной сфере.

Следует также отметить Федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», направленный на разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, способствующих снятию первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, в частности, в таких сферах, как: гражданский оборот, финансовые технологии, интеллектуальная собственность, телекоммуникации, судопроизводство и нотариат, стандартизация и др.

В 2019 году был принят «Закон о краудфандинге» («О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ»). Принятый нормативно-правовой акт устанавливает правовой режим цифрового токена, а также правила выпуска инвестиционных токенов различных типов.

Советом Федерации был также одобрен законопроект (№ 750699-7) и принят закон о цифровом нотариате, согласно которому разрешается проводить ряд нотариальных действий удаленно: засвидетельствовать перевод, принять денежные средства в депозит, выдать выписку из реестра уведомлений о залоге движимого имущества и совершить другие нотариальные действия.

Федеральный закон от 29.06.2018 № 173-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепил механизмы взаимодействия государства и частных организаций в сфере разработки, создания и модернизации IT-объектов, в т.ч. государственных информационных систем, а также данный закон внес поправки в другие немаловажные законы, регламентирующие ту или иную отрасль цифровой экономики.

Также здесь можно отметить, что в российском законодательстве закрепляется важное в цифровой экономике понятие «цифровые права» (новая статья 141.1 ГК РФ), под которыми понимаются особые «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам; осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения им возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Перед законодателем стоит важная и непростая задача – создать нормативную правовую базу, которая сможет в полной мере гарантировать защиту законных прав граждан, обеспечить прозрачность сделок и документооборота. Также необходимо определить правовой статус субъектов отношений, возникающих в рамках цифровой экономики, принципы и понятия, особенности цифровой экономики, а также права и обязанности участников, виды юридической ответственности.

Указанные нововведения предусматривают не только принятие новых отдельных нормативных правовых актов, но и внесение изменений в базовые законы, например в Гражданский, Административный, Уголовный кодексы РФ.

Как отмечалось в упомянутой выше Программе, формирование нормативной правовой базы цифровой экономики протекает в три этапа. На первом этапе планируется разработка и принятие первоочередных мер правового регулирования цифровой экономики. К ним относится подготовка перечня правовых ограничений, которые препятствуют ее функционированию, а также определение понятий и институтов, связанных с цифровой экономикой. Так, планировалось унифицировать правила подачи исков, жалоб и ходатайств в электронном виде с использованием сети Интернет, предоставить возможность совершать нотариальные действия с помощью электронных документов, заверенных электронной подписью. Необходимо также предоставить нотариусу право дистанционно совершать ряд действий, например удостоверение различных сделок, верности копий документов, исполнение электронных надписей и пр. Здесь появляется необходимость внесения изменений в Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» для предоставления возможности заключать договоры в сфере оказания услуг связи в электронной форме.

Для прозрачности сделок в сфере транспорта предусматривается ряд изменений в Гражданском кодексе РФ. Так, указание в электронном паспорте транспортного средства сведений о собственнике и доступ к информации о наличии договора залога влечет непосредственное изменение закона. Помимо этого, в Гражданском кодексе РФ необходимо закрепить новые формы сделок, в частности электронные сделки. Также зафиксировать формы цифровой оферты и цифрового договора, уточнить общие и от-

дельные требования при совершении электронных сделок [6]. Данная реконструкция законодательства будет способствовать созданию новых институтов и их юридическому закреплению.

В правовом регулировании нуждаются и трудовые отношения, возникающие в рамках цифровой экономики. Сначала необходимо определить основные понятия и принципы, связанные с трудовым правом. Зафиксировать особенности заключения трудового договора, в частности заключение электронного трудового договора, отказ от бумажных обязанностей участников трудовых отношений и полный переход к безбумажному взаимодействию работника и работодателя.

Особое внимание необходимо уделить созданию правовой основы для обеспечения доверия участников цифровой экономики. Для этого необходимо внести соответствующие изменения в ряд нормативных правовых актов, в частности в федеральные законы от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» и т.д. Основные изменения затронут вопросы, связанные с расширением возможности идентификации и аутентификации. Для аутентификации участников отношений будут использоваться различные методы и средства, в т.ч. электронная подпись, абонентский номер [4, с. 66]. Данные меры направлены на установление достоверности совершаемого действия конкретным лицом.

Развитие цифровой экономики тесно связано с документооборотом, именно поэтому необходимо предпринять меры по усовершенствованию законодательства в данной области. Ведение документации вручную не отвечает требованиям современной обстановки. Но для полного перехода к автоматизированному документообороту требуется урегулировать ряд отношений, связанных с документооборотом. На сегодняшний день данную область регулируют такие нормативные правовые акты, как Гражданский кодекс РФ, ФЗ «Об электронной подписи», ФЗ «О бухгалтерском учете» и т.д. В указанных законах определяются понятия электронного документооборота, электронной подписи, устанавливается правовой статус документа. Но в связи с развитием цифровой экономики необходимо вносить изменения и в данные законы и разрабатывать новые, которые в полной мере смогут отвечать предъявленным требованиям.

Следует конкретизировать перечень внутренних документов, которые предназначены для анализа и принятия решений работниками организации, создать уникальный код для подтверждения достоверности электронного документа. В целях обеспечения безопасности пользования электронными документами целесообразно будет установить ответственность за использование электронной подписи посторонними лицами [9, с. 163].

Следует установить стандарты идентификации объектов цифровой экономики. Так, идентификация транспортного средства, оборудования, роботов и т.д. нуждается в юридическом оформлении путем внесения изменений в соответствующие нормативные правовые акты.

Другим немаловажным аспектом, который следует учитывать при формировании правовой базы, выступает межнациональный характер цифровой экономики. Развивать цифровую экономику в отдельно взятом государстве без возможности сотрудничества с другими развитыми странами представляется невозможным. Именно поэтому очень важно разработать нормативные правовые акты, регулирующие процессы, протекающие в цифровой экономике на межнациональном уровне.

Особое внимание следует уделить праву обработки и хранения данных, их использованию в коммерческих целях. Необходимо продумать и разработать законопроект, направленный на защиту персональных данных в системе цифровых технологий.

Следует также вынести на рассмотрение законопроект о робототехнике и искусственном интеллекте как о продукте цифровой экономики. Очень важно законодательно закрепить, кто же будет нести ответственность за ошибку искусственного интеллекта при оформлении электронного договора. Так как машины в настоящий момент не являются субъектами права, целесообразно установить ответственность за противоправную деятельность роботов на их разработчиков. Данный вопрос является весьма актуальным потому, что постепенно робототехника внедряется во все сферы нашей жизни. Искусственный интеллект уже стал неотъемлемой частью образовательного процесса, медицины, промышленности, торговли и других немаловажных сфер. Чем стремительней развиваются технологии, тем острее встает вопрос об их правовом регулировании. Большинство сделок, совершаемых в рамках цифровой экономики, связано именно с искусственным интеллектом [2, с. 41]. Отсутствие четкой регламентации ставит под угрозу возможность защитить свои права в случае технической ошибки.

Помимо прочего, растет необходимость изменения антимонопольного законодательства под цифровую экономику. В данный момент разрабатывается так называемый «пятый пакет» поправок в антимонопольное законодательство. Он предполагает внести изменения в понятия доминирующего положения в рамках цифровой экономики, определить понятия ценовых алгоритмов. Главным нововведением будет являться отмена иммунитета интеллектуальной собственности. Также вводится запрет на дискримина-

цию при представлении доступа к данным о потребителях. Указанные направления необходимо тщательно проработать и реализовать в самые короткие сроки [3].

Цифровая экономика уже давно затронула рынок ценных бумаг. В настоящее время почти каждая ценная бумага представлена в электронном виде и продается в электронной среде. Одной из проблем является правовая неопределенность в отношении блокчейна. Система «блокчейн» в настоящее время не регламентируется ни одним нормативным правовым актом. Существует мнение, что меры по правовой регламентации бессмысленны, т.к. указанная система не имеет определенного объекта правоприменения и ее основные понятия, принципы работы постоянно меняются [10, с. 711].

Правовое регулирование новых технологий в сфере цифровых ценных бумаг должно быть направлено на защиту прав и интересов граждан и предпринимателей, которые являются участниками возникающих отношений, а также на создание основы для защиты национальных интересов России. Область урегулирования можно разделить на четыре основных блока:

1. Закрепить в законе понятие «криптокены».

2. Определить статус криптовалют и «первый контур обмена».

3. Для апробации новых финансовых технологий создать «регулятивную песочницу».

4. Закрепить правила отдельных видов операций с криптовалютами и криптокенами.

Важным элементом цифровой экономики выступают электронные денежные средства. Основные сведения об электронных деньгах отражены в Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе». В нем закреплены основные понятия, процессы осуществления перевода денежных средств, использование электронных денег как средств платежа, а также требования, предъявляемые к электронным деньгам, и осуществление надзора за их реализацией в национальной платежной системе.

Однако в законе не указано о соблюдении конфиденциальности персональных данных, о возможности получения компенсации в случае ошибки программного обеспечения. Именно безопасность является важнейшим фактором в данной области. В случае сбоев или недостаточной защищенности систем, в которых хранятся электронные денежные средства, мошенники могут нанести материальный ущерб гражданам или организациям, а также подвергнуть постороннему вмешательству персональные данные пользователей. Именно поэтому следует закрепить в законодательстве возможность страхования электронных денег, чтобы в случае непредвиденной ошибки или вмешательства нанесенный им ущерб частично был компенсирован [10].

Вполне очевидно, что налоговая система РФ в данный момент не может в полной мере осуществлять и контролировать процесс налогообложения. Из-за дифференцированной ставки налогов на различные товары и услуги в первую очередь необходимо законодательно закрепить классификацию товаров и услуг, представленных в рамках цифровой экономики.

Другой проблемой является идентификация покупателя, определение его местоположения и правового статуса. В данный момент единственными решениями данной проблемы выступают электронная подпись, расчетный счет и IP-адрес, но все это является временной мерой. Представляется целесообразным найти более надежное и точное решение данной проблемы [4, с. 641].

Целесообразно будет установить определенные льготы для создателей и разработчиков информационных технологий, провести мероприятия, способствующие выявлению определенных препятствий, и принять нормативные акты, которые будут устранять правовые ограничения. Следует также обратить внимание не только на производителей информационных технологий, но и на организации, которые занимаются их внедрением [3].

Таким образом, необходимо комплексно подойти к решению стоящей перед государством задачи, принять во внимание все особенности цифровых технологий и создать благоприятную правовую среду для перехода к цифровой экономике. Создание новых технологий, обрабатывающих и использующих информацию, должно быть регламентировано на законодательном уровне. Главной задачей законодателя является защита прав и законных интересов граждан и обеспечение кибербезопасности.

В заключение можно сформулировать основные направления совершенствования правовой базы, способствующие эффективному развитию цифровой экономики.

1. Определение правового статуса субъектов отношений и виды их юридической ответственности, закрепление понятий и принципов цифровой экономики.

2. Детальное рассмотрение вопроса о нормативном регулировании электронной подписи. Ситуация осложняется тем, что электронные и бумажные носители очень часто используются вместе, что затрудняет их нормативное правовое регулирование и определение их правового статуса.

3. Четкое правовое регулирование оборота электронных денежных средств. На современном этапе операции с электронными денежными средствами регулируются Конституцией РФ и рядом других фе-

деральных законов. Данная область, пожалуй, одна из самых важных в цифровой экономике и требует наиболее подробного и комплексного исследования с целью выявления пробелов в законодательстве и своевременном их устранении.

4. Создание правового поля для урегулирования конфликтов в цифровой экономике. В основном конфликты возникают из-за того, что в законе недостаточно конкретизированы права и обязанности участников экономических отношений, а также из-за неоднозначной трактовки некоторых нормативных правовых актов.

5. Адаптация налогового законодательства к условиям цифровой экономики, а также создание нового механизма налогообложения, который сможет в полной мере ответить всем требованиям, предъявляемым новыми технологиями.

Вполне очевидно, что подготовить качественную нормативную правовую базу в короткие сроки является весьма сложной задачей.

Литература

1. Азизкулов Д.М. Цифровая экономика: понятие, особенности и перспективы на российском рынке // Вектор экономики. 2018. № 3. С. 62.

2. Баранов П.П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 1. С. 39-45.

3. В ФАС обсудили изменения антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики. URL: http://d-russia.ru/v-fas-obsudili-izmeneniya-antimonopolnogo-zakonodatelstva-v-usloviyah-tsifrovoj-ekonomiki.html (дата обращения: 19.05.2019).

4. Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики // ЮрФак. URL: https://urfac.ru/?p=725 (дата обращения: 12.05.2019).

5. Ефремов А.В. Гражданско-правовое регулирование электронной подписи: проблемы передачи права использования электронной подписи // Современный взгляд на будущее науки: сборник статей международной научно-практ. конф-ции. 2017. Ч. 3. С. 157-164.

6. Кузнецова О.А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений в сфере телекоммуникационных услуг: монография. М.: Юстицинформ, 2018. 207 с.

7. Мальцев А.Ю., Сидунова Г.И. Цифровая экономика в образовании // Экономика и социум: электронное научно-практическое периодическое издание. 2018. № 7 (50). С. 108-116.

8. Раздорожный К.Б. Проблемы правового регулирования электронных денег в Российской Федерации // Аллея науки. 2018. № 6. Т. 6. С. 733-739.

9. Селезнева Л.Ю., Измалкова И.В. Проблемы налогообложения в условиях цифровой экономики // Современные научные исследования и разработки. 2018. № 11. Т. 1. С. 641-643.

10. Тамаров П.А. Перспективы развития российской платежной инфраструктуры в контексте трансформации глобальной финансовой системы // Мир новой экономики. 2018. № 2. С. 48-54.

11. Южаков В.Н., Ефремов А.А. Направления совершенствования правового регулирования в сфере стимулирования развития информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5. С. 62-69.

УДК 340.114.5:811.161.1
Р.В. Насыров, *канд. юрид. наук, доцент*
Алтайский государственный университет
E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru;
А.В. Иванов, *канд. филос. наук*
Алтайский государственный университет
E-mail: avialtai@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье ставится вопрос о возможности рассмотрения особенностей российского правосознания сквозь призму семантики русского языка. Констатируется необходимость более пристального внимания со стороны ученых-юристов к российскому обыденному правосознанию. Показано, что характерные черты последнего выявляются при анализе значений и коннотаций, которые придаются правовым терминам в повседневной речи носителей русского языка. На основе анализа истории и этимологии лексем «государство» и «закон» раскрывается особенность отечественного правосознания, проявляющаяся в отношении к государству и формальному праву как социальным институтам, реализующим прежде всего охранительную функцию. Отмечается, что обоснованная лингвистами важная роль в русском языке эмоционально-оценочных слов свойственна и для юридической терминологии, когда проявляется стремление не просто охарактеризовать в правовом термине соответствующее юридическое явление, но осуществить его оценку. Ставится вопрос о корректности перевода и использования иностранных слов, используемых в российской юридической науке и законодательстве. Делается вывод о перспективности исследования российского правосознания на основе использования достижений лингвистической науки.

Ключевые слова: правосознание, русский язык, языковая картина мира, лингвистический поворот, право, юридический термин, государство, закон, обязанность, должность.

R.V. Nasirov, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Altai State University
E-mail: nasirov.rafail@yandex.ru;
A.V. Ivanov, *Candidate of Philosophical Sciences*
Altai State University
E-mail: avialtai@yandex.ru

REVISITING THE REFLECTION OF THE PECULIARITIES OF THE RUSSIAN LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article raises a question about the possibility of considering the peculiarities of the Russian legal consciousness through the prism of semantics of the Russian language. The necessity of closer attention from the side of legal scholars to the Russian everyday legal consciousness is stated. It is shown that the characteristics of the latter are identified in the analysis of meanings and connotations, which are given to legal terms in the everyday speech of native speakers of the Russian language. On the basis of the analysis of history and etymology, the lexeme «state» and «law» reveal the peculiarity of the domestic legal consciousness, manifested in relation to the state and formal law as social institutions that implement, above all, the protective function. It is noted that the important role of emotional-evaluation words justified by linguists in the Russian language is also peculiar for legal terminology, when there is a desire not only to characterize in the legal term a corresponding legal phenomenon, but also to evaluate it. The question is raised about the correctness of translation and use of foreign words used in Russian legal science and legislation. The conclusion is made about the prospects of research into the Russian legal consciousness based on the use of linguistic science achievements.

Key words: legal consciousness, Russian language, language world view, linguistic turn, law, legal term, state, statute, duty.

В названии статьи выражается стремление обосновать важность для раскрытия основ отечественного правосознания лингвистического поворота, который ярко проявился в социально-гуманитарных исследованиях последних десятилетий. Это научное направление является методологической основой данной статьи и предполагает не просто выявление в различных языках общих закономерностей их строения и функционирования, а раскрытие особенностей той или иной культуры через анализ соответствующей языковой картины мира.

Стоит признать, что в отечественном доктринальном правосознании проявляется дефицит погружения в объективно существующую социальную реальность, важнейшим аспектом которой выступает язык. Еще в XVIII в. в предисловии к своей «Российской грамматике» М. Ломоносов критически упомянул «природных россиян, которые к чужим языкам, нежели к своему труды прилагали» [10, с. 6]. Принципиальное требование рецепировать иноземные знания с учетом особенностей русского языка содержится в следующем суждении: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики» [10, с. 8]. Ф. Прокопович пытался убедить, что языки различаются лишь формами, конструкциями и звуками, а общее логическое содержание у них едино [4, с. 80]. Но уже в XVIII в. наблюдается преодоление упрощенно-универсалистского подхода к языку, обосновывается, что в каждом языке, наряду с элементами общечеловеческими, есть и своеобразные – национальные, заслуживающие такого же пристального изучения, как и всеобщие нормы языка [2]. В России сформировалась и получила мировое признание школа языкознания, о значении одного из направлений которой академик В.В. Виноградов писал: «Изучение семантической истории "заимствованных" слов, связанных со сравнительно-историческим исследованием судьбы их в других языках, в том числе и в родном для них языке, содействует открытию семантических своеобразий русского литературно-языкового процесса» [3, с. 4]. Полагаем, что и юристам необходимо при разработке правовых теорий и юридических конструкций погрузиться в реальное российское бытие, в т.ч. и в семантику родного русского языка.

Лингвистический поворот в социально-гуманитарных исследованиях основан на осознании того, что язык является не только средством социальной коммуникации, но и фактором, определяющим её содержательные аспекты. М. Хайдеггер пишет: «Язык есть дом бытия. В жилище языка обитает человек. Мыслители и поэты – хранители этого жилища. Их стража – осуществление открытости бытия, насколько они дают ей слово в своей речи, тем сохраняя её в языке. Мысль не потому становится прежде всего действием, что от нее исходит воздействие или что она прилагается к жизни. Мысль действует, поскольку мыслит» [14, с. 192]. Поэтому правомерен вопрос о том, в какой степени использование русского языка в правовых текстах раскрывает реалии российского бытия. Фундаментальным является вопрос о корректности и аутентичности использования и перевода иностранных слов.

Начавшийся в XVIII в. процесс активного заимствования западноевропейской правовой культуры привел к тому, что многие исконно русские слова получили искаженный и даже противоположный смысл. Нечто подобное произошло со словом *самодержавие*, которое было отожествлено с французским *absolutisme* (абсолютизм). Д.А. Хомяков пишет: «Вся суть реформ Петра сводится к одному – замене русского самодержавия – абсолютизмом. Самодержавие, означающее первоначально просто единодержавие, становится после него римско-германским императорством. Власть ради власти, автократия ради самой себя – вот чем Петр и его преемники, а за ним и их современные апологеты стремились заменить живое народное понятие об органическом строе государства» [15, с. 219-220]. Речь идет о том, что условия возникновения, цели и идеологические основы российского самодержавия и западноевропейского абсолютизма не были идентичными. Ф. Гиренок точно заметил, что с такого рода поспешного и поверхностного «перевода на русский язык западных терминов начинается беспочвенность русского мышления» [5, с. 34].

Возвращаясь к тезису М. Хайдеггера «Язык – дом бытия», обратим внимание на то, что философ различает язык и речь, т.е. не всякое высказывание и суждение соответствует языку как «дому бытия». В § 35 книги «Бытие и время» содержится полезное для российских правоведов описание такого модуса речи, как *gerede* – «разговор», и М. Хайдеггер предупреждает, что он применяет слово *gerede* не в уничижительном значении «болтовни», а для описания повседневного существования человека. Речь носителей обыденного правосознания как предмет анализа имеет то преимущество, что в ней характерные черты и установки отечественного правового менталитета проявляются естественно и спонтанно.

С учетом изложенного приведем наглядные примеры из повседневной речи носителя русского языка. Почему в русской речи распространено выражение «авось!»? Использование этого слова, как правило, выражает стремление сохранить самообладание и надежду на позитивное разрешение дела в отдельных ситуациях, в которых невозможно все предвидеть и проконтролировать. Также примером своеобразия русской речи может выступать распространенный от-

вет на какое-либо предложение – «Да-нет-наверное!». Удивительно то, что эти три слова сливаются в одно означающее. Как можно объяснить этот вошедший в ткань русской речи формально-логически недопустимый, абсурдный ответ на вопрос? В этом высказывании («да-нет-наверное!») отражается хронотоп, т.е. ритм и пространство восприятия окружающего мира носителем русского языка. Если использовать понятие герменевтического круга, то «да» звучит на той стадии коммуникации, когда собеседник выражает общую, первичную, по сути, спонтанную установку на согласие. Далее отвечающий, следуя динамике герменевтического круга, «возвращается» в себя и произносит «нет», выражающее конкретное восприятие ситуации. Но исторические условия формирования российского менталитета всегда характеризовались неустойчивостью и непредсказуемостью; в качестве архетипа в русском сознании заложено ожидание того, что всё может быстро и неожиданно измениться. Поэтому всегда существует склонность, давая однозначный ответ, добавлять «наверное». Возможно, что этим же объясняется часто и невольно звучащее в русской речи вступление к какому-либо суждению: «Ну, я не знаю!».

Если бы русские философы попытались отрефлексировать эти своеобразные проявления русской повседневной речи (но не воспринимали бы их как «слова-паразиты» или признаки неразвитости рационально-логического мышления), то еще в XIX в., возможно, сформулировали бы начала особой логики построения суждений. Допустимость такого рода построения суждений была обоснована в XX в. в рамках таких направлений научной мысли, как синергетика и неклассическая (постнеклассическая) методология. (Неслучайно, что именно в России с её обширными пространствами и сложным ландшафтом Н.И. Лобачевский стал одним из создателей неевклидовой геометрии, а Н.А. Васильев предвосхитил развитие неклассической (неаристотелевой) «воображаемой» логики [1. с. 103].)

По мнению П. Калитина, в первой половине XVIII – начале XIX в. вне светской науки в среде православных монахов – последователей московского митрополита Платона (Левшина, 1737-1812) родилась оригинальная философско-богословская школа на основе особого «отрицательно-утвердительного стиля мышления» с формулой «есть и не есть зараз»: «Речь идет о творчестве, приобретающем постоянно противоречивую, или дерзновенно и "безумно" антиномическую, форму национального самосознания в его системообразующем и "полифоническом" выражении» [7, с. 12]. Признаем, что вопреки законам формальной логики восприятие и оценка многих социальных явлений в отечественном правосознании осуществляется противоречиво и амбивалентно в соответствии с формулой «есть и не есть зараз». Примером изложенного является предложенная Н.А. Бердяевым характеристика русского народа как государственного и одновременно безгосударственного. Это означает, что, с одной стороны, существует убежденность в том, что Россия не может существовать без «грозы», т.е. сильной государственной власти; в этом проявляется склонность не к тоталитаризму, но к настороженному и одновременно смиренному приятию оправданного и конструктивного авторитаризма. С другой стороны, всегда существует стремление к вольнице, к жизни без государства. Вполне возможно совмещение этих модусов российского сознания с выделением сфер «государева и земского дел» и установлением постоянного и возможно иногда противоречивого диалога между их представителями.

Лингвисты выявили особую роль пространственных образов и коннотаций в формировании русской языковой картины мира. Это проявилось в таких фундаментальных для юристов концептах, как *государство* и *закон*. Введенный в оборот Н. Макиавелли и получивший в западноевропейских языках значение государства термин *stato* (*state, der Staat, l'étato*) отражает понимание государства как субъекта власти, определяющего в целом состояние общественной жизни. М. Фуко пишет: «Этот аппарат [государства] должен быть сопряженным со всем телом общества, и не только в крайних пределах, которые он соединяет, но и в мельчайших деталях, ответственность за которые он на себя берет» [13, с. 313]. Иная установка, что государство не должно контролировать все сферы общественной жизни (один из основных принципов демократической и либеральной мысли!), заложена в самой этимологии этого русского слова. Термин *государство* произошел от слов «государь», «господарь», «господин», которые составлены из двух общеиндоевропейских корней: «gost» – «гость, приезжий» и «podis» – «хозяин» [16, с. 112]. Государство воплощается во власти «хозяина», носителя суверенитета, но при этом непосредственно присутствует в обществе время от времени, а не постоянно. Станет ясно, как возник такой образ государства, если вспомнить, что первоначальный способ налогообложения в Киевской Руси имел форму полюдья – объезда князьями племен, которые сохраняли значительную автономию с соответствующими органами самоуправления и способами разрешения внутренних споров.

Анализ отечественного правосознания сквозь призму языка и повседневной речи подтверждает выводы философов и культурологов о том, что Россия является страной незавершенной модернизации, т.е. сохраняются многие представления и установки традиционного мировоззрения. В условиях очевидного «краха проекта модерна» эти черты российского менталитета необходимо трактовать не как требующие

устранения недостатки, а как особенности, которые необходимо учитывать и даже развивать в позитивном направлении. В.А. Синюков так определяет итог развития советского права на основе не аутентичной, а заимствованной идеологии: «Социалистически понятый естественно-правовой "реализм" на русской почве довел советское законодательство до социального (социалистического) натурализма, но так и не смог обрести трансцендентального элемента и культурной тождественности» [12, с. 225]. Так, в современном российском правосознании сохраняется стремление разрешить социальный конфликт мирно и непосредственно, а обращение в суд рассматривается как крайняя мера. Негативно стоит оценивать не эту внутреннюю установку большинства носителей отечественного правосознания, а отсутствие легальных и развитых форм досудебного разрешения споров. Игнорирование архетипа не приводит к его исчезновению, а возникают «подпольные» формы его проявления. Речь идет о том, что Президент России в Послании Федеральному Собранию в 2001 г. определил в качестве «теневой юстиции» [11].

Пространственные коннотации проявляются и в глубинном значении русского слова *закон*. Парадоксальной, на первый взгляд, выглядит этимология этого слова, в котором приставка «за» придает всему термину значение находящегося за пределами того (или не соответствующего тому), что выражено в корне этого слова. Оказывается, что «кон» – это «начало», то, что было «искони» [16, с. 154]. Для традиционного сознания характерно драматически-напряженное восприятие истории, которая началась с утраты первичного, «исконного» порядка, основанного на «ко́не». (Напомним о таком архетипе мифологического мировоззрения, как представление о «золотом веке».) При этом частично начала первичной социальной гармонии сохранялись в естественных ячейках общества. Так, Новгород возник в результате объединения первоначально самостоятельных слобод (поселков), которые назывались «концами» и сохраняли элементы самоуправления, т.е. решали многие внутренние вопросы на основе *ко́на* – обычаев, традиций. Вопросы, относящиеся к полномочиям общегородских властей, решались на основе «за-кона», т.е. юридических норм. (Например, в допетровской России одним из синонимов термина *иск* было слово *розлюбье*. Так, если внутри семьи конфликты начинают разрешаться не «полюбовно», а ссылками на юридические нормы, то это явно признак кризиса этой семьи, отсутствия в ней *ко́на.*)

Историк В.О. Ключевский настаивает на том, что необходимо строго различать порядок княжеских отношений и земский порядок на Руси: «Последний поддерживался не одними князьями, даже не ими преимущественно, имел свои основы и опоры» [8, с. 164]. Историк отмечает, что определение встречающегося в летописях выражения «закон русский» как обычного права языческой Руси является «неясным и неточным», и приходит к следующему выводу: «Значит закон русский – это юридический обычай Руси, смешанного варяго-славянского класса, который господствовал над восточными славянами и вел дела с Византией. Этот обычай был такого смешанного происхождения и состава, как и класс, жизнь которого он нормировал» [8, с. 193]. Таким образом, из этих суждений ученого следует, что тот порядок, который был установлен зарождающейся публичной властью, и соответствующие (внешние по отношению к обычаям местного населения) нормы и назывались «Законом русским». Тот факт, что первый памятник систематизированного права в истории России получил название «Русская Правда», объясняется тем, что в нем отражены в преобразованном виде (в процессе княжеского судопроизводства) обычаи местного населения, т.е. нормы, которые естественно функционировали в рамках того, что В.О. Ключевский называл «земским порядком».

В правосознании принято выделять рациональные и эмоциональные компоненты. Особенностью российского правосознания является его образно-эмоциональная составляющая. Это соответствует выводам лингвистов, которые в своих сравнительных исследованиях фиксируют важную роль в русском языке эмоционально-оценочных слов и выражений: «Эти национально-культурные стереотипы включают не столько рациональные основания оценки, сколько эмоциональные, субъектные характеристики обозначаемого. Классификационными критериями являются оценочные и образные основания номинации, представляющие знания о реалиях данного класса через призму аксиологических норм и символических интерпретаций, закрепленных в сознании определенного социума (в традициях русской этнической культуры)» [9, с. 260].

В достижении цели выявления характерных черт правосознания в том или ином языке бо́льший интерес вызывают, говоря условно, именно «странности», логические непоследовательности в речевой коммуникации представителей данного общества. Рассмотрим следующий пример. Очевидно, что такое явление, как коррупция, предполагает, что хронологически получению какого-либо блага субъектом предшествует *посул*, предложение что-либо *дать*, а уже затем наступает этап его принятия, т.е. решение *взять*. В английском языке слово *bribe* первоначально имело значение *милостыня,* затем *краденная вещь* и, наконец, с XVI в. приобретает современное значение материальной или иной ценности, принимаемой должностным лицом; поэтому выражения *transfer of a bribe* и *receiving a bribe* означают *передача* и *получение вещи,*

ценности (взятки). Немецкому *Bestechungsgeld,* скорее, соответствует русское *посул* как обещание вознаграждения. Но в отечественном юридическом языке для обозначения двух взаимосвязанных, но все же разных составов преступления применяется именно слово *взятка*, т.е. не утвердился более логичный термин *посул*, и не возник такой юридический термин, как, например, *датка.* Здесь, вероятно, проявляется архетипическая установка, выраженная, например, Аристотелем в различии добродетели гражданина и политика – к носителю государственной власти предъявляются более высокие этические требования. (Подобное встречаем и у М. Горького в пьесе «На дне». Пепел в ответ на суждение Клеща о чести и совести возражает: «Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть».) То есть в акте коррупции повышенная степень общественной опасности более проявляется не тогда, когда обычный человек что-то предлагает *дать*, а в тот момент, когда должностное лицо, носитель власти, решает *взять.* Такую логику находим у российского уголовного законодателя: ответственность за получение взятки (ст. 290 УК РФ) предшествует даче взятки (ст. 291 УК РФ) и в отдельных случаях является более строгой.

Сочетание традиционных ценностей и установок с прагматичными понятиями и институтами современного, принципиально секуляризованного общества, государства и права порождает противоречия и диссонансы в отечественном правосознании. А. Дугин для характеристики российского социума как общества, противоречиво сочетающего модернизацию с традиционализмом, использует понятие археомодерна. Философ пишет: «В археомодерне традиционное начало, то есть структура, живет в тени. Это принципиальный момент. Структура в археомодерне находится в тени, пребывает в плену, в подземелье, в погребе» [6, с. 21]. Причину постоянно возникающего недоверия к носителям государственной власти необходимо видеть в этом несоответствии этоса и образа жизни чиновников статусу представителя элиты общества, его лучшей части. Рационально-плоский концепт «слуга народа» не может быть идейно-мировоззренческой основой повышения ответственности и нравственного уровня «государственных мужей». Термин «слуга» в контексте дел «Града земного» вызывает ассоциации с человеком, который стремится меньше работать и склонен к воровству.

С точки зрения традиционной установки предъявлять более высокие требования к представителям элиты общества показателен следующий факт в истории русского языка. Еще в XVIII – начале XIX в. слова *должность* и *обязанность* были синонимами [3, с. 145]. Но далее слово *должность*, в основе которого возвышенная лексема *долг*, приобрело значение места, где чиновник призван не просто как частное лицо реализовывать свои *обязанности,* а следовать *долгу.*

Таким образом, приведенные выше суждения и примеры убеждают в том, что для достижения отечественной политико-правовой культурой состояния самоидентификации и зрелости в перечень реалий российского бытия, которые должны учитываться в процессе правового регулирования, необходимо включить русский язык и соответственно особенности российского правосознания.

Литература

1. Бажанов В.А. Н.А. Васильев как мыслитель. К 100-летию открытия воображаемой логики // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 103-113.

2. Безлепкин Н.И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. 272 с.

3. Виноградов В.В. История слов. М.: Российская академия наук. Отделение литературы и языка, 1999. 1138 с.

4. Вомперский В.П. Риторики в России XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1988. 180 с.

5. Гиренок Ф. Пато-логия русского ума. М.: Аграф, 1998. 416 с.

6. Дугин А.Г. Археомодерн. М.: Арктогея, 2011. 142 с.

7. Калитин П.В. Уравнение русской идеи. М.: УРСС, 2002. 278 с.

8. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: в 3-х кн. М.: Мысль, 1995. Кн. 1. 596 с.

9. Коновалова Н.И. Эмоциональная и рациональная оценка в народной фитонимии // Рациональное и эмоциональное в русском языке: межвузовский сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2012. С. 259-265.

10. Ломоносов М. Российская грамматика Михаила Ломоносова. СПб.: печатана при Императорской Академии наук, 1755.

11. Послание Президента Российской Федерации от 03.04.2001. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/36350 (дата обращения: 15.04.2020).

12. Синюков В.А. Российская правовая система: введение в общую теорию. М.: Норма, 2010. 670 с.

13. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.

14. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

15. Хомяков Д.А. Православие, самодержавие и народность. М.: ДАРЪ, 2005. 464 с.

16. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Г.В. Краткий этимологический словарь русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1975. 544 с.

УДК 340.123
Н.К. Тарасов
адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: nicrosoft@mail.ru

МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ПЛЮРАЛИЗМ ПОДХОДОВ К КЛАССИФИКАЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ РОССИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Несмотря на большое количество общетеоретических и отраслевых исследований проблем, касающихся государственного принуждения, характеристика многоаспектного феномена «государственное принуждение» и классификация мер государственного принуждения до настоящего времени вызывают научные дискуссии. Автор статьи обращается к теоретическому наследию отечественного правоведения конца XIX – начала XX в. и проводит анализ представлений российских ученых о типологизации мер государственного принуждения. Сделан вывод о том, что отечественными юристами конца XIX – начала XX в. предпринимались попытки классификации мер государственного принуждения, которые нашли отражение в плюрализме подходов к определению оснований для дифференциации мер государственного принуждения. Внимание акцентировано на том, что серьезный вклад в рассмотрение проблем применения государственного принуждения в России внесли ученые-полицеисты.

Ключевые слова: Российская империя, принуждение, государственное принуждение, меры принуждения, классификация мер государственного принуждения, исключительное положение, полицейско-правовая теория, полицеисты.

N.K. Tarasov
postgraduate student of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: nicrosoft@mail.ru

STATE COERCION MEASURES: PLURALISM OF APPROACHES TO CLASSIFICATION IN THE THEORETICAL JURISPRUDENCE OF RUSSIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY

The characteristics of the multidimensional phenomenon of «state coercion» and the classification of state coercion measures cause scientific discussion despite a large number of general theoretical and sectoral studies of problems related to state coercion. The author of the article refers to the theoretical heritage of Russian jurisprudence of the late XIX – early XX century and analyzes the views of Russian scientists on the typology of state coercion measures. It is concluded that domestic lawyers of the late XIX – early XX century attempted to classify state coercion measures, which are reflected in the pluralism of approaches to determining the grounds for differentiating state enforcement measures. Attention is focused on the fact that a serious contribution to the consideration of the problems of the use of state coercion in Russia was made by Russian police scientists.

Key words: Russian Empire, coercion, state coercion, coercion measures, classification of state coercion measures, exceptional situation, police-legal theory.

В научной литературе сложилось многообразие подходов к изучению феномена государственного принуждения. При различных теоретико-методологических подходах проблемы государственного принуждения трактуются по-разному [22, с. 62-66]. С этим связано и то, что юридическая наука, несмотря на достаточно большой опыт в области исследования феномена принуждения, единого определения понятия «государственное принуждение» не выработала [9, с. 24; 17, с. 97-98; 27, с. 285-292; 30, с. 292-298]. Все это приводит к размытости оценки принудительного характера правового воздействия на общественные отношения и обусловливает сложности в выработке решений по управлению государством в целом и определению его правовой политики в частности.

Важным направлением в исследовании государственного принуждения является различение его по видам и формам, что позволяет произвести классификацию принуждения, которая важна для его комплексной характеристики и понимания его роли в обществе. Однако, несмотря на большое количество общетеоретических и отраслевых исследований государственного принуждения, проблема классификации остаётся открытой [10, с. 5-13; 14, с. 163-168; 16, с. 314-315].

Отдельные аспекты указанной проблематики нашли свое отражение в теоретическом наследии российских юристов конца XIX – начала XX в. [28, с. 222-228], поэтому обращение к трудам их представителей будет способствовать и развернутой характеристике государственного принуждения, и выявлению развития государственно-правовой мысли имперской России в области применения государственного принуждения.

В числе тех, кто обращал свой исследовательский интерес на государственное принуждение, известные ученые: И.Е. Андреевский, В.Н. Лешков, М.М. Шпилевский, Н.А. Грифцов, И.Т. Тарасов, М.Н. Палибин, В.В. Ивановский, Е.Н. Трубецкой, П.Н. Шеймин, Э.Н. Берендтс, В.Ф. Дерюжинский, Н.Н. Белявский, А.А. Жижиленко, В.А. Гаген, А.И. Елистратов.

Профессор Московского университета князь Е.Н. Трубецкой отмечал, что в теории права принуждение рассматривается в двух аспектах: как физическое насилие и как устрашающее воздействие на человеческую волю (психическое принуждение) [32, с. 18]. В качестве критерия классификации Е.Н. Трубецкой избрал специфику методов осуществления государственного принуждения, позволяющую выделять в нём физическое и психическое принуждение [1, с. 73].

По данному основанию государственное принуждение дифференцировал и профессор А.А. Трифонов, по мнению которого средствами принуждения к исполнению правовых норм или обязанностей могут служить:

- угроза (психическое принуждение);
- прямое употребление силы (физическое принуждение).

Угроза может служить средством принуждения к исполнению положительных и отрицательных норм; прямое употребление силы может служить только для пресечения действий, но не для понуждения к действиям [31, с. 36]. А.А. Трифонов предлагал дифференцировать меры принуждения в зависимости от того, идет ли дело о *пресечении* запрещенного действия, о *препятствии* действию (*пропульзивное* принуждение, например охрана владения) или о *понуждении* к действию (*компульзивное* принуждение, например принуждение к личному исполнению в срок обязательства) [31, с. 49]. По мнению А.А. Трифонова, воспрепятствовать действию можно, противопоставляя силу силе (физическое или механическое принуждение); понудить к действию можно только угрозой (психическое принуждение), которая может быть общей (уголовно-правовая норма) или индивидуальной [31, с. 49]. А.А. Трифонов обращал внимание на то, что меры пропульзивного принуждения или меры пресечения, принимаемые полицией, должны быть подчинены тем же нормам, какие признаются в теории для обороны: меры пресечения могут быть принимаемы против всякого правонарушения, сколько бы ни были маловажны его последствия (причем сами меры пресечения не могут быть определены в законе, а зависят от обстоятельств дела, с соблюдением того лишь правила, что эти меры должны соизмеряться со средствами нападения) [31, с. 56].

Данный подход разделял и профессор Императорского Казанского университета В.В. Ивановский. По его мнению, принуждение как процесс воздействия на социального субъекта имеет множество вариантов проявления в форме психического и/или физического принуждения [8, с. 144]. Источником психического принуждения является закон. В случае отступления от требований закона государственное принуждение из статического состояния переходит в динамическое: исполнительные органы государственной власти применяют в зависимости от характера фактических обстоятельств конкретную меру принуждения, начиная от мер психического принуждения слабой степени и заканчивая наиболее суровыми формами принуждения – мерами физического принуждения [8, с. 144]. Психическое принуждение выражается в приказаниях и запрещениях, угрозах прибегнуть к физическому принуждению или иным мерам, сопряженным с невыгодными последствиями для лица, оказывающего сопротивление исполнению законного требования со стороны органа власти. Невыгодные последствия могут быть чрезвычайно разнообразны и касаются или личности гражданина, или его имущества [8, с. 144].

В современной юридической литературе в качестве критерия классификации мер принуждения используется его отношение к праву [2, с. 43; 15, с. 35]. На основании этого критерия в конце XIX – начале XX в. Е.Н. Трубецкой выделял: *правомерное принуждение*, «если оно исходит из признанной правом власти, которая при этом не выходит из пределов предоставленных ей правом полномочий», и *неправомерное принуждение*, если применяется «непризванными к тому лицами, самозваными властями, или если власть, хотя бы установленная правом, нарушает пределы своих полномочий» [32, с. 18].

Глубокий анализ общественных отношений, связанных с применением государственного принуждения, с различением видов принуждения, способов реализации, целей его применения, осуществил профессор уголовного права и криминологии Санкт-Петербургского университета А.А. Жижиленко. Ученый исходил из того, что меры государственного принуждения относятся к средствам правоохраны. Правоохранительные принудительные средства, полагал А.А. Жижиленко, можно разделить на две группы:

- меры предупреждения противоправного деяния («неправды»);
- меры, направленные на устранение «правовых последствий» противоправного деяния [7, с. 74].

Различие между этими группами заключается в том, что предупредительные меры направлены на создание затруднений для появления противоправного деяния, а вторая группа мер применяется как реакция тем или иным способом на наличное, возникшее или длящееся противоправное деяние. Учитывая широкое разнообразие правовых последствий противоправных деяний, вторую группу мер А.А. Жижиленко предлагал дифференцировать в зависимости от их функций и назначения на следующие четыре группы:

- наказание;
- меры защиты;
- меры пресечения;
- возмещение вреда [7, с. 74].

Профессор А.А. Жижиленко отмечал, что из этих групп правовых последствий противоправного деяния первые две могут быть противопоставлены двум последним в том отношении, что они направляются на личность того, кто им подвергается, тогда как последние две характеризуются как меры, направленные на восстановление нарушенного правомерного состояния. В этой связи правовед отмечает, что иногда приходится признавать двойственную природу некоторых правоохранительных средств, т.к. они выполняют одновременно несколько функций. Например, лишение свободы может быть или мерой предупредительной, поскольку речь идет о задержании человека, опасного или подозреваемого в совершении правонарушения, или мерой карательной (наказание), или же мерой социальной защиты, поскольку оно применяется в отношении рецидивиста [7, с. 30].

Наряду с *предупредительными мерами*, которые предпринимаются в отношении опасных для правопорядка субъектов и которым присуща исключительно предупредительная функция, существуют такие предупредительные меры, которые, кроме цели достижения предупреждения недозволенного деяния, имеют цель обеспечения интересов того лица, в отношении которого они применяются. Это меры в отношении опасных невменяемых или ненормальных субъектов, имеющие цель не только предупредить правонарушение, но и в то же время лечить или же охранять тех, к кому они применяются. Данные меры А.А. Жижиленко называет *предупредительно-лечебными* [7, с. 90]. Меры такого характера заключаются в принудительной изоляции умалишенных и в принудительном лечении, например, алкоголиков.

Следующую группу предупредительных мер представляют меры, направленные на обеспечение исполнения известных обязанностей, лежащих на определенном лице, и предпринимаемые в предположение о возможном их неисполнении. Данные меры А.А. Жижиленко относит к *предупредительно-обеспечительным* мерам [7, с. 93].

Исследуя меры принуждения, которые предоставляются законодательством Российской империи органам власти для пресечения противоправных деяний, А.А. Жижиленко выделил особые меры пресечения противоправных деяний, которые сгруппировал следующим образом:

- использование оружия;
- меры удаления;
- меры привода;
- меры задержания [7, с. 93].

Серьезный вклад в разработку вопросов классификации мер государственного принуждения внесли ученые-полицеисты, которые выявили специфику государства полицейского типа, определили формы положительной (без использования мер государственного принуждения) и отрицательной (с использованием мер государственного принуждения) деятельности полиции [19, с. 302-306; 20, с. 228-235; 29, с. 3-21; 28, с. 222-228; 13, с. 18-23].

Изучению проблем функционирования институтов исполнительной власти и ее конструктивной составляющей – государственному принуждению большое внимание уделял московский профессор И.Т. Тарасов [22, с. 74-75]. И.Т. Тарасов указывал, что в целях реализации законов, действующих в государстве, должностные лица органов исполнительной власти должны быть наделены соответствующими полномочиями и правом применять меры принуждения [5, с. 25]. Все формы *принуждения, применяемые госу-*

дарственными органами, по мнению И.Т. Тарасова, могут быть сведены к четырем группам:

- наделение полиции и администрации судебной властью как средством принуждения;
- личное задержание;
- вооруженное принуждение;
- исключительное, осадное или чрезвычайное и военное положения [26, с. 36].

Идеи И.Т. Тарасова о разумном использовании мер государственного принуждения нашли развитие в трудах его современников и ученых Российской Федерации [23; 29, с. 51-60; 13, с. 18-23].

В полицейско-правовой теории государственное принуждение рассматривается как одно из средств государственного управления (руководства) обществом, с помощью которого государственные органы и их должностные лица в рамках отрицательной полицейской деятельности осуществляют свои полномочия по предупреждению опасностей, препятствующих развитию благосостояния граждан. В зависимости от опасности, требующей предотвращения, полицейская деятельность осуществляется как:

- *полиция административная* (в случаях, когда опасности и препятствия угрожают отдельным отраслям благоустроенной деятельности (например, полиция дорожная, горная, лесная); деятельность в каждой из этих отраслей имеет элементы, обеспечивающие правильное и безопасное отправление дела);
- *полиция безопасности* (в случаях, когда необходимо предупреждать опасности, которые угрожают государству как целостному образованию [18, с. 5-6]. Принудительные меры, которые выражаются в предупреждении, пресечении, устранении опасностей, угрожающих интересам и правам граждан, осуществляются путем ограничения личных и имущественных прав самих граждан [25, с. 69]. В отрицательной полицейской деятельности принуждение применяется с целью устранения причин и условий, нарушающих безопасность отдельного лица, общества или государства; предупреждения и пресечения умышленных деяний людей, посягающих на права других субъектов; предупреждения и пресечения угроз, вытекающих из неумышленных деяний человека. Сфера отрицательной полицейской деятельности затрагивает большой круг охраняемых общественных отношений (гражданские, административные, уголовно-правовые), что предопределяет тот или иной способ правоохраны).

Сильнее всего затрагивают личность те меры принуждения, которые применяются исполнительными органами в области полиции безопасности. Профессор Императорского Казанского университета В.В. Ивановский выделил следующие *формы принуждения в области полиции безопасности*:

- отобрание вида на жительство, требование явки, привод, запрещение выезда;
- полицейский надзор [8, с. 147] (по мнению В.В. Ивановского, полицейский надзор является не только предупредительной полицейской мерой, но и тяжелым внесудебным наказанием, соединенным со значительными ограничениями правоспособности поднадзорных [8, с. 148];
- полицейский арест (по мнению В.В. Ивановского, выступает в качестве и меры пресечения, и в качестве предупредительной меры [8, с. 149-150]);
- употребление оружия (это крайняя мера полицейского принуждения; она выражается в двух формах: в форме употребления оружия полицейскими агентами и в форме применения военной силы по распоряжению гражданской администрации);
- исключительное и военное положение (исключительное положение – по мнению В.В. Ивановского, это форма государственного принуждения, направленная не на отдельных лиц, а на целые населенные пункты и состоящая в приостановке действия «обыкновенных законов» и применении законов исключительных и временных [8, с. 157]; исключительное положение применяется как усиленная и чрезвычайная охрана, вызвано целями охраны государственного порядка и состоит в усилении власти государственных учреждений и ответственности как частных лиц, так и административных властей).

Исследователь проблем правоприменения М.Н. Палибин определял полицейскую деятельность не только как деятельность специальных органов власти, но и любую деятельность государства и других лиц по созданию «условий безопасности и благосостояния, без которых невозможно» развитие личности [24]. В области полицейской деятельности М.Н. Палибин выделил различные формы государственного принуждения:

- личное задержание;
- производство домовых обысков и выемок;
- арест имущества;
- вскрытие частной корреспонденции;
- вооруженное принуждение [24, с. 30].

Характеризуя данные меры, М.Н. Палибин подчеркивал, что личное задержание выражается в аресте, полицейском надзоре и административной ссылке, а вооружённое принуждение определяется правом полиции использовать оружие и прибегать к помощи военных (армии) [24, с. 32]. М.Н. Палибин обратил внимание на то, что в том случае, если государству грозит нарушение его целостности и утрата независимости, «когда от данной минуты зависит самое бытие государства» [24, с. 47], государство должно прибегнуть к исключительным мерам охраны, которые влекут за собой временные ограничения гражданской свободы. К таким мерам М.Н. Палибин относил: объявление местностей в состоянии усиленной или чрезвычайной охраны; объявление местностей

на военном положении [24, с. 49-50]. М.Н. Палибин дал характеристику чрезвычайного законодательства и исключительных правовых режимов (чрезвычайного и военного положений, которые временно расширяют объем принудительных мер со стороны государства в отношении физических и юридических лиц), которая получила уточнение и развитие в трудах его современников [11, с. 87-95; 12, с. 137-141] и российском законодательстве XXI в. [23].

Меры, связанные с объявлением местностей в состоянии усиленной или чрезвычайной охраны, объявлением местностей на военном положении, профессор Варшавского университета В.А. Гаген относил к особой форме государственного принуждения – введению исключительного положения. Данная форма – исключительное положение – проявляется тогда, когда нормальное течение государственной жизни прервано чрезвычайными событиями, на которые государственная власть вынуждена реагировать не только в форме обычных проявлений государственного принуждения, но еще и в формах, специально приспособленных к данным экстренным обстоятельствам [3, с. 10]. Это такие формы принуждения, которые «еще глубже и чувствительнее» затрагивают правовую сферу индивида и заставляют его «ощущать существование иного порядка, отступающего от нормального» [3, с. 116]. Подход В.А. Гагена к характеристике исключительного положения разделяли его современники – ученые-полицеисты [11, с. 87-95; 12, с. 137-141; 29, с. 51-60]. Комплекс нормальных полномочий государственной власти, когда она осуществляет свои полномочия в обычное (мирное) время, по мнению В.А. Гагена, составляли такие меры государственного принуждения:

- административное употребление оружия;
- административная отсылка;
- административная высылка;
- административный (полицейский) арест;
- административный (полицейский) надзор;
- административное принудительное исполнение [3, с. 10].

В.А. Гаген выделил два способа принуждения в зависимости от того, обязательна ли санкция суда на осуществление принуждения, – *судебный* (административная власть для принудительного осуществления своих распоряжений должна обращаться к суду) и *административный* (административная власть реализует меры принуждения в отношении гражданина без судебного контроля) [3, с. 5].

Оригинальный подход к дифференциации мер государственного принуждения предложил профессор Н.А. Грифцов. Правовед выделял потребность государства в полицейской деятельности – полиции безопасности и благосостояния – деятельности государства, направленной на создание условий благосостояния каждой отдельной личности и на устранение тех опасностей, которые возможны при недостатке этих условий [4, с. 174]. Меры, применяемые полицией безопасности, Н.А. Грифцов разделил по масштабу и направленности социальных действий на общие, коллективные и индивидуальные.

Меры общие применяются ко всем гражданам и, по мнению Н.А. Грифцова, являются самыми тяжкими (например, осадное или военное положение). В целях недопущения произвола при их применении Н.А. Грифцов предлагал законодательно закрепить в качестве оснований применения конкретные правонарушения, на которые данные меры будут направлены; условия, при которых они могут быть применимы; должностное лицо, которое может распорядиться в применении данных мер [4, с. 54].

Меры коллективные применимы в случаях ожидания опасности от большого количества лиц, предотвращения возможных массовых беспорядков и правонарушений. К числу таких мер Н.А. Грифцов относил:

- запрещение ношения оружия;
- полное обезоруживание;
- разгон полицией толпы людей;
- закрытие питейных, трактирных и других заведений подобного рода;
- запрещение покидать дом малолетним, женщинам и иным лицам;
- надзор за иностранцами;
- постоянные обыски и надзор за подозрительными лицами;
- надзор за торговлей [4, с. 54].

Применение конкретных коллективных мер зависит от опасности, которая грозит, и от лиц, от которых эта опасность исходит [4, с. 55]. Правовед отмечал, что всякая коллективная мера «есть ограничение прав целой массы лиц с целью предупреждения возможного нарушения некоторых прав, потому нужно сопоставить права, угрожаемые быть нарушенными, с правами, которые ограничиваются». Так как такое сопоставление затруднительно, Н.А. Грифцов предлагал, чтобы основанием для ее применения выступала точка зрения общества, и «если, по мнению общества, угрожаемые права не столь важны, то коллективные меры не должны быть принимаемы» [4, с. 55-56].

Единоличные меры применимы в отношении отдельного лица с целью предупреждения правонарушения. Принятие данных мер, подчеркивал Н.А. Грифцов, требует учета субъективного фактора. «Единоличные меры, чтобы быть целесообразными, требуют: 1) знания со стороны полиции самого лица; 2) знания обстановки, в которой находится лицо. Ни того, ни другого, конечно, быть не может при частных и быстрых сменах полицейского персонала, оттого и единоличные меры при несоблюдении этого

условия большею частью неудачны и слишком строги» [4, с. 56].

Анализ различных подходов к типологизации государственного принуждения позволяет сделать вывод о наличии у них общих черт. Большинство исследователей (за исключением Е.Н. Трубецкого) в качестве классификационного критерия используют целевое предназначение мер принуждения. Осуществляя классификацию, исследователи выделяют такие формы принуждения, как употребление оружия, арест, надзор, а исключительное положение выделяют в отдельную специальную форму государственного принуждения. Такой подход демонстрируют В.В. Ивановский, И.Т. Тарасов, М.Н. Палибин, В.А. Гаген. Особенности классификаций составляют, как правило, объемы классификационных групп, в которые включают перечень либо большого (как, например, у Н.А. Грифцова), либо небольшого числа форм принуждения.

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. отечественными юристами предпринимались попытки классификации мер государственного принуждения. Базовой классификационной единицей при систематизации мер принуждения в отечественном правоведении конца XIX – начала XX в. выступала «форма» – форма принуждения как определенное подмножество принудительных мер, связанных общими целями, основаниями, правовыми последствиями и порядком их применения. В качестве оснований дифференциации форм государственного принуждения выступали: качественная специфика методов осуществления государственного принуждения, позволяющая выделять в нём физическое и психическое принуждение; отношение к праву (правомерное и неправомерное государственное принуждение); масштаб и направленность социальных действий (общие, коллективные и индивидуальные меры государственного принуждения); способ охраны правопорядка (меры предупреждения противоправного деяния; меры, направленные на устранение правовых последствий противоправного деяния); функции и назначение мер государственного принуждения (наказание, меры защиты, меры пресечения, возмещение вреда); необходимость обращения в суд при осуществлении принуждения (судебный, административный).

Особый вклад в разработку вопросов, касающихся классификации государственного принуждения, внесли отечественные юристы, развивавшие полицейско-правовую теорию. Учеными-полицеистами была предпринята попытка типологизировать меры государственного принуждения в зависимости от характера полицейской деятельности: положительной – без использования мер государственного принуждения и отрицательной – с использованием мер государственного принуждения. Выделив полицию безопасности и полицию благосостояния, полицеисты фактически обозначили критерии для определения характера охраняемых общественных отношений, который, в свою очередь, обусловливает тот или иной способ охраны правопорядка, на основании которого (способа) возможна дифференциация принуждения на виды (например, пресечение, восстановление, наказание (взыскание)).

Литература

1. Балахонский В.В. Феномен «государственное принуждение»: философско-правовой анализ // Российская полиция: три века служения Отечеству: мат-лы юбилейной международной научной конф-ции, посвященной 300-летию российской полиции (Санкт-Петербург, 23-25 апреля 2018 г.) / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 71-74.

2. Веселов Е.Г. Физическое или психическое принуждение как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 198 с.

3. Гаген В.А. Учебник административного права. Ростов-на-Дону: Тип. Т-ва С.С. Сивожелезов, 1916. 234 с.

4. Грифцов Н.А. Полицейское право. Лекции проф. Грифцова. СПб., 1882. 1010 с.

5. Егоров Н.Ю. Административная юстиция как средство обеспечения прав и свобод личности (опыт анализа теоретического наследия И.Т. Тарасова) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 10-17.

6. Егоров Н.Ю. Проблемы применения административного принуждения в России в теоретическом наследии И.Т. Тарасова // Государство и право в изменяющемся мире: мат-лы международной научно-практ. конф-ции, Н. Новгород, 5 марта 2015 г. Н. Новгород: РГУП, 2016. С. 24-28.

7. Жижиленко А.А. Наказание: Его понятие и отличие от других правоохранительных средств. Пг.: Тип. «ПРАВДА». 1914. 684 с.

8. Ивановский В.В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления). 3-е изд. Казань: Тип.-лит. Императорского Казанского Университета, 1908. 539 с.

9. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. 498 с.

10. Каплунов А.И. О классификации мер государственного принуждения // Государство и право. 2006. № 3. С. 5-13.

11. Козинникова Е.Н. Исключительное положение как чрезвычайный правовой режим (опыт анализа нормативных актов и работ полицеистов Российской империи конца XIX – начала XX века) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 11. С. 87-95.

12. Козинникова Е.Н. Чрезвычайный правовой режим как особая среда полицейской деятельности // Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс]: мат-лы юбилейной международной научной конф-ции, посвященной 300-летию российской полиции (Санкт-Петербург, 23-25 апреля 2018 г.) / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. С. 137-141.

13. Козинникова Е.Н. Цензура как предмет полицейско-правовой теории в Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 1 (85). С. 18-23.

14. Латушкин М.А. Проблемы классификации государственно-правового принуждения // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 1. С. 163-168.

15. Магомедрасулов М.М. Особенности принуждения в правовом государстве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 177 с.

16. Макарейко Н.В. Государственное принуждение: проблемы теории и практики реализации: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 354 с.

17. Михеева Т.Н. Значение и пределы государственного принуждения в условиях развития правового государства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 97-99.

18. Назимов А.Е. Лекции по полицейскому праву / под ред. студ. Б.Ф. Лемеша-Лемешинского. Одесса: Тип. и Хромо-Лит. А.Ф. Соколовского, 1903. 211 с.

19. Нижник Н.С. О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв.: мат-лы международной научной конф-ции (Витебск – Псков, 27 февраля – 3 марта 2017 г.) / гл. ред. А.В. Егоров. Витебск: Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 2017. С. 302-306.

20. Нижник Н.С. Полицейско-правовая теория: основные этапы становления в России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции): мат-лы международной научно-теоретической конф-ции (Санкт-Петербург, 28 апреля 2016 г.): в 2 т. / под ред. Н.С. Нижник. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. Т. II. С. 228-235.

21. Нижник Н.С. Российская полицеистика – наука и искусство управления государством // Вопросы государства и права: сборник научных статей / под общ. ред. Л.В. Карнаушенко. Краснодар, 2015. С. 3-21.

22. Нижник Н.С., Дергилева С.Ю. Государство и право в теоретико-правовых воззрениях А.И. Елистратова. М.: Юрлитинформ, 2017. 373 с.

23. О чрезвычайном положении: федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277; 2016. № 27. Ч. 1. Ст. 4153.

24. Палибин М.Н. Повторительный курс полицейского права. 2-е изд. СПб.: Изд. Юрид. Книжн. Магазина Н.К. Мартынова, 1900. 255 с.

25. Степанов Я.С. Конспект лекций полицейского права. Казань: Тип.-Лит. И.С. Перова, 1890. 131 с.

26. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права. М.: Печатня С.П. Яковлева, 1897. 718 с.

27. Тарасов Н.К. «Государственное принуждение»: трактовка дефиниции в юридической литературе конца XIX – начала XX века // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: мат-лы VIII Всероссийской научно-практ. конф-ции (17 мая 2019 г.) / ред. кол.: Л.В. Карнаушенко, А.А. Швец, Е.А. Пушкарев и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. С. 285-292.

28. Тарасов Н.К. О детерминантах обоснования применения мер государственного принуждения полицейско-правовой теорией России в конце XIX – начале XX века // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2019. № 1 (41). С. 222-228.

29. Тарасов Н.К. Российская полицеистика конца XIX – начала XX века об основаниях и пределах применения мер государственного принуждения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 51-60.

30. Тарасов Н.К. Феномен «принуждение»: подходы к определению сущности в современной гуманитарной науке // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: мат-лы VIII Всероссийской научно-практ. конф-ции (17 мая 2019 г.) / ред. кол.: Л.В. Карнаушенко, А.А. Швец, Е.А. Пушкарев и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2019. С. 292-298.

31. Трифонов А.А. Полицейское право. Лекции, читанные в военно-юридической академии. СПб.: Тип. Морского министерства, 1886. 242 с.

32. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1917. 227 с.

УДК 340.1

Т.Б. Темрезов
Черкесский городской суд Карачаево-Черкесской Республики
E-mail: rustam_bairamkul@mail.ru

ПРЕДЕЛ КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО: ТЕОРЕТИКО-ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье с позиции инструментального подхода анализируется такой феномен, как предел. Используя устоявшиеся доктринальные позиции, нормативный правовой материал, автор выдвигает гипотезу, что предел играет исключительно важную роль в процессе правовой регламентации общественных отношений. Предел выступает в качестве юридического средства, направленного на разрешение стоящих перед ним целей. Используя многообразие средств и способов познания, автор обосновывает характерные качества предела как юридического средства, одним из которых выступает его имплементация в норму права, олицетворение им основного, первичного средства-инструмента, выполняющего стимулирующую и ограничительную функции, занимающего уникальное место в механизме правового регулирования. В качестве вывода аргументируется тезис, что пределы относятся к основным юридическим средствам, в доминанте своей действуют совместно с иными правовыми феноменами.

Ключевые слова: предел, юридическое средство, норма права, механизм правового регулирования, ограничение, дозволение.

T.B. Temrezov
Circassian city court of the Karachay-Cherkess Republic
E-mail: rustam_bairamkul@mail.ru

LIMIT AS A LEGAL MEANS: THEORETICAL AND INSTRUMENTAL ASPECT

The article analyses such a phenomenon as a limit from the point of view of the instrumental approach. Using established doctrinal positions, normative legal material, the author hypothesizes that the limit plays a crucial role in the process of legal regulation of public relations. The limit is a legal instrument aimed at resolving its objectives. Using a variety of means and methods of knowledge, the author justifies the characteristic qualities of the limit as a legal means, one of which is its implementation into the norm of law, its embodiment of the main, primary tool-instrument, which performs a stimulating and restrictive function, occupies a unique place in the legal regulatory mechanism. As a conclusion, it is argued that the limits relate, referring to the basic legal means, in the dominant of their own act together with other legal phenomena.

Key words: limit, legal remedy, rule of law, legal regulation mechanism, restriction, permission.

Предел представляет собой сложный и интересный феномен, более чем востребованный в правовом регулировании общественных отношений. Предел нельзя отождествлять с ограничением, исходя из того обстоятельства, что предел есть и у ограничения, причем у любой его разновидности. Ограничивать что-либо (например, права, свободы, законные интересы) можно только до определенного предела. Последний должен быть в обязательном порядке зафиксирован в норме права, находящей свое выражение в юридически значимой форме, прежде всего в форме нормативного правового акта.

Неординарность категории «предел» подтверждает и то, что последний есть не только у ограничений, но и у дозволений, в т.ч. и наиболее гиперболизированной их разновидности – правовых преимуществ [13].

Анализ существующих в доктрине дефиниций предела позволяет согласиться с тем, что «предел в праве – это закрепленное в издаваемых и санкционируемых государством юридических нормах установление дозволительно-ограничительных границ и (или) объема правовой регламентации общественных отношений посредством установления максимальных и минимальных вариантов деятельности» [16, с. 33].

При этом имплементация предела в норму не является самоцелью. Предел относится к той совокупности правовых явлений, которые характеризуются как юридические средства. Именно в этом качестве проявляются характерные признаки, присущие пределу как самостоятельному правовому феномену, а равно и качества, позволяющие отнести его к инструментальной сфере правового регулирования. «Юридические (правовые) средства – это совокупность правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей» [8, с. 106].

Как думается, предел в праве более чем органично корреспондирует данной характеристике, несомненно, представляя собой институциональное образование инструментального плана. При этом надо понимать, что предел как категория гораздо фундаментальнее большинства иных правовых феноменов, причем не только таких однолинейных, как, например, приостановление, но и ограничений, исключений, преимуществ, равно как и всех иных.

Такой вывод основывается на анализе сущности предела, который присутствует в каждом правовом явлении. Соответственно, инструментальную роль предел выполняет и как составная часть того или иного феномена, и как самостоятельный правовой инструмент. Здесь можно констатировать органическое единство двух названных обозначений пределов.

Так, в частности, А.Г. Репьев, рассматривая механизм установления преимуществ, называет предел в качестве автономного компонента данного механизма. Ученый относит пределы к средствам сдерживания и вполне обоснованно считает, что их нельзя отождествлять с ограничениями. Последние не идентичны пределам ни по содержанию, ни по регулятивному потенциалу [14, с. 15, 29-30]. Подобный тезис лишь подтверждает озвученную ранее позицию о том, что предел и ограничения, хотя и тесно взаимосвязанные, но не одинаковые феномены. В контексте инструментального подхода пределы выполняют иную роль, чем ограничения. Последние в отношении преимуществ не допускают выгод вопреки основаниям их установления. В свою очередь, в проекции к правовым преимуществам именно пределы привносят в механизм их установления свойства лимитированности, достаточности, объективности, разумности.

Таким образом, предел в праве, бесспорно, относится к инструментальной составляющей, играя сложную и многогранную роль правового инструментария. При этом магистральное амплуа принадлежит пределу не как структурному инструментальному компоненту другого правового феномена и даже не как элементу механизма реализации (установления) чего-либо, а именно как независимое юридическое средство, предназначенное для разрешения хотя и специфических, но социально значимых целей.

Обозначение предела как юридического средства неизбежно затрагивает вопрос об особенностях имплементации и нахождения его в механизме правового регулирования (далее – МПР).

МПР сам по себе представляет совокупность юридических средств, оказывающих правовое воздействие на общественные отношения [1, с. 30]. МПР имеет достаточно сложную структуру, содержание которой составляет предмет научных дискуссий. Относительно бесспорным является включение в структуру МПР юридической нормы, ибо именно издание нормы права служит начальной стадией регламентации общественных отношений [4, с. 97]. К.В. Шундиков пишет о первом элементе МПР как о «юридических средствах нормативного характера», разъясняя затем, что он подразумевает под ним именно юридическую норму [20, с. 56].

Обобщая представленные позиции ученых, мы, в свою очередь, полагаем, что наличие предела в норме права не только детерминирует нахождение их в МПР, но и позволяет обозначить их в качестве именно средств-инструментов.

Традиционно юридические средства подразделяются на средства-инструменты и средства правореализации [7].

Средства-инструменты как раз и фиксируются в правовых нормах, выражающихся в различных фор-

мах и находящихся, как правило, в императивной парадигме [8]. Здесь хотелось бы еще раз акцентировать внимание на нашей позиции, что именно такими средствами и выступают пределы. Они объективируются в нормы права, находят свое внешнее выражение в официально признанных формах и властно определяют пределы (конечную грань) правового регулирования.

Правореализация также входит в состав МПР. По мнению В.А. Сапуна, механизм реализации права является подсистемой механизма правового регулирования, представляя собой совокупность как регулятивных, так и охранительных средств [15, с. 11].

Пределы активно используются в правореализационном и прежде всего правоприменительном процессе. Любой акт реализации права ограничен каким-либо официально установленным пределом. Например, и об этом будет подробно сказано ниже, приговор либо постановление суда, устанавливающие уголовное или административное соответственно наказание обязательно содержат минимальный и максимальный пределы. В данном контексте можно согласиться с тем, что именно «…правоприменитель находит для урегулирования конкретного общественного отношения соответствующие средства, воплощающиеся в индивидуальном решении» [5, с. 62].

В данном контексте стоит признать, что предел – это неотъемлемый компонент индивидуального правового регулирования (далее – ИПР). Последнее также имеет свои пределы, о чем более чем убедительно пишет И.А. Минникес. Пределы ИПР, по мнению ученого, – «это границы правового вмешательства в общественные отношения при помощи индивидуальных правовых средств» [10, с. 9].

При соотношении пределов как средств-инструментов и средств-правореализации надо понимать, что они не противоречат друг другу, а находятся в органическом единстве. Вместе с тем представляется важным расставить приоритеты при сопоставлении названных разновидностей пределов. Здесь можно воспользоваться апорией С.Ю. Суменкова, который аналогичным образом подходит к анализу исключений из правил. «Очевидно, – справедливо утверждает ученый, – что доминирующее значение имеют средства-инструменты, поскольку обладают нормативным характером» [17, с. 289].

Если говорить о приоритете предела в правовой норме, то необходимо отметить, что пределы относятся к так называемым основным юридическим средствам. «Основные правовые средства напрямую используются субъектами права для достижения своих интересов, вспомогательные обслуживают основные, содействуя их реализации» [9, с. 90-91].

Безусловно, не вызывает сомнения, что предел является основным средством, разрешающим стоящие перед ним цели.

При этом особенностью предела выступает то, что и сам предел, и проанализированные выше его разновидности (например, лимиты, цензы) действуют в связке с иной правовой категорией, сопутствуя в т.ч. регламентирующему воздействию последнего.

Однако то, что предел всегда действует вместе с каким-либо институциональным образованием, не может служить поводом для обозначения предела в качестве вспомогательного правового инструментария. Наоборот, именно предел выступает в качестве магистрального феномена в той либо иной бинарной паре. Так, например, категория «усмотрение» не может существовать без установленного предела.

Данная апория может быть доказана тем, что «пределы правового усмотрения представляют собой правовые, морально-правовые и внеправовые (экономические, политические, социальные и др.) границы, в рамках которых допустима дискреция, а выбранное и реализуемое судом решение будет являться правомерным» [11, с. 62-63].

То есть именно предел (а точнее его наличие) детерминирует саму возможность существования усмотрения, а условия последнего предопределяются границами (рамками), олицетворяющими данный предел.

Более того, по мнению А.А. Никитина, сам механизм оценки усмотрения в праве целесообразно производить с позиции соблюдения предела, т.к. «…оценка правового усмотрения с точки зрения правомерности его внешнего выражения возможна только при совместном использовании количественных и качественных пределов усмотрения» [11, с. 56-57].

Конечно, вопрос об усмотрении в праве является спорным, дискуссионным и неоднозначным, требующим своего самостоятельного разрешения, о чем и свидетельствует монографическая работа А.А. Никитина. Однако именно в призме проблематики усмотрения более чем ярко заметна магистральная роль предела как основного юридического средства.

К.В. Шундиков, характеризуя юридические средства, в качестве одного из поводов их деления называет информационно-психологическую направленность, в соответствии с которой юридические средства классифицируются на стимулирующие и ограничительные [19, с. 17].

Подобного рода стратификация более чем уместна для пределов, играющих роль правового инструментария. В данном контексте предел выступает в качестве средства ограничительного характера.

Так, например, предел по возрасту ограничивает возможность службы в органах принудительного ис-

полнения (ч. 1 ст. 87 Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») (далее – ФЗ № 328) [12]. В этом случае олицетворение пределом средства-ограничения более чем очевидна, ибо предел используется как ограничитель пребывания на службе лиц, достигших установленного возраста.

Вместе с тем предел может быть реализован и как стимулирующее средство. Так, в ч. 2 ст. 87 указанного нормативного правового акта предусмотрено исключение из правила об обязательном увольнении со службы лиц, достигших предельного возраста. В части третьей анализируемой статьи установлено, что лица, хотя и достигшие предельного возраста, но соответствующие требованиям здоровья и прошедшие положительно последнюю аттестацию, имеют право заключить новый контракт. Тем самым законодателем намеренно вводится относительно гибкий предел с возможностью его перемещения. Состояние здоровья сложно отнести к факторам, полностью зависящим от человека, хотя забота о здоровье и обеспечение его должного уровня имеет все же во многом субъективный характер и, являясь причиной преодоления возрастного предела, также выступает определенным стимулом. В свою очередь, гибкость возрастного предела, поставленная в зависимость от положительной аттестации сотрудника, однозначно играет стимулирующую роль.

При этом, и в этом сложность предела как особой правовой категории, превалирующая составляющая природы данного феномена имеет все же ограничительный характер. Стимулировать безгранично (без предела) априори нельзя, подобное неизбежно приведет к злоупотреблению. Неслучайно, как думается, в иллюстрируемом нормативном предписании, регламентирующем возрастные пределы службы в органах принудительного исполнения, конечный предел все же установлен. Так, ч. 3 ст. 87 ФЗ № 328 предусматривает, что возможность продления службы и тем самым расширение возрастного предела допускаются ежегодно с заключением контракта. Однако такое продление также имеет свой предел, зафиксированный в этой же норме. Он составляет не более пяти лет после наступления предельного возраста нахождения на службе.

Интеграция в пределе качеств стимула и ограничения позволяет, уже исходя из других оснований классификации юридических средств, относить его к так называемым первичным юридическим средствам.

Пределы тем самым являются правовым инструментарием, функционирующим на уровне автономного блока в механизме правового регулирования. Основным предназначением предела в составе данного механизма является определение предела правового регулирования. Сам вопрос о пределах правового регулирования представляется сложным и дискуссионным, требующим как минимум отдельного исследования [2]. Однако то, что именно предел в праве устанавливает предел правового регулирования, нельзя считать тавтологией, а стоит воспринимать как реальный факт, обусловленный к тому же объективными факторами. Об этом более чем красноречиво пишет Ю.А. Тихомиров: «Объективные пределы правового регулирования определяются экономическими и политическими условиями, особенно базисом общества» [18, с. 14].

Это, на наш взгляд, лишний раз доказывает как магистральное значение предела, применяемого как особое юридическое средство, так и его «исходность», органически взаимосвязано со всеми иными средствами правовой регламентации.

Важное значение имеет характеристика предела как юридического средства в контексте отнесения его к регулятивному либо охранительному инструментарию. Это зависит от функциональной нагрузки правового предела, как и в случае со стимулами и ограничениями.

На наш взгляд, предел относится к регулятивному юридическому средству. Это объясняется прежде всего тем, что именно предел и определяет границу самого правового регулирования. Предел как регулятор направлен на установление конечной составляющей правовой регламентации того либо иного отношения, подпадающего под регулятивное воздействие права.

Предел как юридическое средство как раз и необходим для понимания того факта, достигло ли право своей цели, урегулирована ли до нужного предела та или иная жизненная ситуация. Тем самым предел выступает и индикатором завершенности, а соответственно, и эффективности правового регулирования.

При этом сложная по своей сути природа предела не отрицает и отнесения определенной части пределов к охранительным юридическим средствам.

Речь идет о негативных санкциях, в которых содержатся виды и меры наказаний. Как представляется, у каждого наказания есть свой предел, это аксиоматично. Единственное исключение, детерминирующее имманентно возникающий вопрос об отмене данного вида наказания, – смертная казнь. Здесь действительно сложно предложить какой-либо предел, поскольку речь идет о наказании, связанном с посягательством на абсолютное благо – право на жизнь, у которого предел установить нельзя.

Во всех иных случаях пределы имеют место быть. Предел выступает тем средством, которое обо-

значает допустимость применения конкретного вида наказания к субъекту, признанному виновным в совершении правонарушения и подвергнутому этому наказанию.

Такого рода пределы достаточно дифференцированы. Исходя из классификации пределов, сразу можно обозначить минимальный (нижний) и максимальный (верхний) пределы, в обязательном порядке присутствующие у каждого наказания.

При этом пределы могут быть точно и четко обозначены в санкции самой статьи, а некоторые имеют отсылочный характер.

Так, в частности, в ч. 1 ст. 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [3] (далее – КоАП РФ) установлено, что административный арест назначается на срок до пятнадцати суток. Последний временной предел является максимальным сроком ареста. Однако, как ни парадоксально, ни в указанной норме, ни в производных от нее других нормативных предписаниях, предусматривающих арест в качестве меры взыскания (например, ч. 2 ст. 5.35 КоАП РФ – максимальный срок ареста обозначен до пяти суток), – нигде не устанавливается минимальный предел ареста. Гипотетически можно предположить, что срок административного ареста может исчисляться не только в сутках, но даже в часах. При всей абсурдности такого положения, он укладывается в законодательную логику, согласно которой срок задержания в административном порядке включается в срок административного ареста. В соответствии со ст. 27.5 КоАП РФ срок административного задержания исчисляется в часах, варьируясь от трех до сорока восьми часов (что характерно, нижний предел административного задержания также законодательно не установлен).

Как думается, такое положение не является вполне приемлемым, нуждается в оптимизации, поскольку административный арест, назначаемый в исключительных случаях, непосредственно связан с ограничением прав личности, ее свободы и относится к одним из самых строгих административных наказаний.

По нашему мнению, минимальный (нижний) предел административного ареста должен иметь место и исчисляться в сутках. При этом при назначении данного наказания конкретному физическому лицу необходимо руководствоваться принципами справедливости и гуманизма. Последний детерминирует создание нормы, предусматривающей возможность назначения административного ареста «ниже низшего предела». Такая норма в отношении штрафа предусмотрена КоАП РФ (ч. 2.2, 3.2 ст. 4.1). В уголовном праве регуляция предела как важнейшего средства правоохраны более совершенна.

Подводя итог всему вышеизложенному, хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, пределы в праве являются юридическими средствами, направленными на разрешение стоящих перед ними специфических целей. Такие юридические средства могут выступать как средствами-инструментами, так и средствами правореализации. При значимости и тех и других приоритет отдается прежде всего средствам-инструментам как нормативно закрепленным феноменам.

Во-вторых, пределы относятся к основным юридическим средствам. При этом их особенностью является то, что они в доминанте своей действуют совместно с иными правовыми феноменами. Подобного рода корреляция проходит при превалировании предела, выполнении им магистральной роли при инструментальном воздействии на общественные отношения.

В-третьих, пределы, олицетворяя самостоятельные юридические средства, вместе с тем служат и первичными средствами, которые положены в основу базовых компонентов механизма правового регулирования.

В-четвертых, пределы как юридические средства обладают информационно-психологической направленностью, выполняя как стимулирующую, так и ограничительную нагрузку. Пределы относятся к регламентирующей составляющей правового регулирования, однако предназначены и для обеспечения охранительной функции права.

Литература

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юрид. лит., 1966. 187 с.

2. Иванов Р.Л. Пределы правового регулирования: понятие и виды // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 4 (29). С. 6-18.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 01.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Российская газета. 2020. 6 апр.

4. Комаров С.А. Механизм правового воздействия // Общая теория государства и права / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма, 2007. Т. 3. С. 92-113.

5. Малько А.В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3. С. 54-65.

6. Малько А.В. Основы теории правовых средств // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Серия: Юриспруденция. Тольятти, 1998. Вып. 1. С. 138-139.

7. Малько А.В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. 1999. № 2. С. 4-16.

8. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003. 250 с.

9. Малько А.В., Шундиков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов: Изд-во СГАП, 2003. 296 с.

10. Минникес И.А. Индивидуальное правовое регулирование: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 54 с.

11. Никитин А.А. Общие вопросы усмотрения в праве. Саратов: ИЦ «Наука», 2019. 167 с.

12. О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 40. Ст. 5488.

13. Репьев А.Г. «Предельность» как принцип законодательного установления правовых преимуществ // Юридическая техника. Ежегодник: «Ограничения в праве: теория, практика, техника». 2018. № 12. С. 499-502.

14. Репьев А.Г. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2020. 50 с.

15. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 49 с.

16. Суменков С.Ю., Ловцов А.Н. Понятие и признаки пределов в праве // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 30-33.

17. Суменков С.Ю. Исключения в праве: теоретико-инструментальный анализ. М.: Юрлитинформ, 2016. 376 с.

18. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. 400 с.

19. Шундиков К.В. Цели и средства в праве: общетеоретический аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 24 с.

20. Шундиков К.В. Механизм правового регулирования: учебное пособие. Саратов: СГАП, 2001. 104 с.

УДК 34:340.113
З.И. Хисамова, *канд. юрид. наук*
Краснодарский университет МВД России
E-mail: alise89@inbox.ru;
И.Р. Бегишев, *канд. юрид. наук, заслуженный юрист Республики Татарстан*
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)
E-mail: begishev@mail.ru

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ПОДХОДЫ К ТОЛКОВАНИЮ ПОНЯТИЯ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

Проведен комплексный анализ существующих в научной литературе определений понятия «искусственный интеллект». Показано, что наиболее убедительна и последовательна позиция тех ученых, которые склонны к описанию рассматриваемого понятия посредством обозначения его сущностных свойств и признаков. К таким свойствам и признакам искусственного интеллекта можно отнести способность к рассуждению и контролю, правопониманию и правосознанию, обучению и развитию, автономности деятельности и принятия решений и т.д. На основе результатов комплексного анализа разработан авторский вариант понятия «искусственный интеллект» как правовой категории, предложено ввести его в научный оборот.

Ключевые слова: история государства и права, теоретико-правовой подход, искусственный интеллект, правовая категория, когнитивность, интеллектуальность, автономность, адаптивность, самообучение, человеческий мозг, нейрон, нейронная сеть, цифровая информация, машинное обучение, цифровые технологии.

Z.I. Khisamova, *Candidate of Juridical Sciences*
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: alise89@inbox.ru;
I.R. Begishev, *Candidate of Juridical Sciences, Honored Lawyer of the Republic of Tatarstan*
Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML)
E-mail: begishev@mail.ru

THE HISTORY OF THE FORMATION OF THEORETICAL AND LEGAL APPROACHES TO THE INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF «ARTIFICIAL INTELLIGENCE»

A comprehensive analysis of existing definitions of the concept of «artificial intelligence» in the scientific literature is carried out. It is shown that the most convincing and consistent position of those scientists who are inclined to describe the concept in question by designating its essential properties and key characteristics. Such properties and characteristics of artificial intelligence include the ability to reason and control, legal understanding and legal awareness, learning and development, autonomy of activity and decision-making, etc. Based on the results of a comprehensive analysis, an author's version of the concept of «artificial intelligence» as a legal category was developed, and it was proposed to introduce it into scientific circulation.

Key words: history of state and law, theoretical and legal approach, artificial intelligence, legal category, cognition, intelligence, autonomy, adaptability, self-learning, human brain, neuron, neural network, digital information, machine learning, digital technology.

В современный период новейшей истории необходимость создания искусственного интеллекта (далее – ИИ) находится в центре внимания научного сообщества, при этом нельзя не сказать, что интерес к данному явлению имеет место у специалистов как технических, так и гуманитарных наук. В течение длительного времени был предпринят ряд попыток образования самостоятельно мыслящей и действующей системы, именуемой ИИ и осуществляющей свою деятельность параллельно с человеческой сознательной деятельностью.

ИИ выступает как производная от интеллекта естественного. Проблему определения ИИ часто сводят к определению интеллекта в целом. Например, в литературе часто присутствует вопрос: интеллект – это некое монолитное формирование или он включает совокупность ряда способностей? Может ли ИИ быть создан? Есть ли возможность создания компьютерных машин, которым свойственен интеллект? Исчерпывающие ответы на указанные вопросы отсутствуют, однако сами вопросы позволили сформировать задачи и методологию, являющие собой основу теории и практики современного ИИ [16, с. 18].

ИИ выступил предметом различных научных направлений достаточно недавно, именно поэтому имеет место недостаточное определение его структуры, а также круга вопросов, которые с ним связаны. Так, хотя предпосылки изучения ИИ и имели место уже в начале XVIII в., формирование направления относят только к середине 40-х – 50-х гг. XX в.

В начале 40-х годов за счет развития компьютерной техники появилась возможность использовать ресурсы ее памяти и процессорной мощности для создания интеллектуальных программ. При помощи вычислительных машин были реализованы формальные системы рассуждений, а также были проведены испытания того, насколько они достаточны для проявления разумности на практике [15, с. 34].

Как научное направление ИИ приобрел вес уже после того, как окончилась Вторая мировая война. Это произошло благодаря заслугам таких ученых, как А. Тьюринг, У. Мак-Каллок и У. Питтс.

На основе проведенных теоретических исследований, а также практических разработок в области имитации ряда простых интеллектуальных функций многие ученые пришли к выводу, что создать ИИ достаточно просто и в ближайшем будущем рядом с человеком будут функционировать «думающие машины».

Основоположником теории ИИ считается выдающийся английский математик, криптограф, член Лондонского королевского общества А. Тьюринг, выдвинувший в статье «Вычислительные машины и разум» [45, p. 446] тезис о том, что машины так же, как и люди, способны использовать доступную информацию, а также разум, чтобы решать проблемы и принимать решения. Он был одним из первых исследователей, который считал возможным создать полноценную искусственную имитацию человеческого интеллекта. Кроме того, им был описан тест, позволяющий определить, когда машины смогут сравняться с человеком [41]. Указанный подход, предложенный ученым, был раскритикован философами, но методика все же предопределила прагматический подход, используемый относительно ИИ до сих пор.

Американскими учеными – нейрофизиологом и одним из основателей кибернетики У. Мак-Каллоком [36] и нейролингвистом, логиком и математиком У. Питтсом [40] – в совместной научной работе «Логическое исчисление идей, относящихся к нервной активности» [37] впервые предложена математическая модель искусственной нейронной сети. Именно результаты указанного научного исследования заложили основы разработки ИИ и революционного представления о мозге человека как о компьютере.

Впервые термин «искусственный интеллект» (анг. *Artificial Intelligence, AI*) был предложен американским информатиком, членом национальной академии наук Соединенных Штатов Америки, лауреатом премии А. Тьюринга Дж. Маккарти на Дартмутском семинаре – научной конференции по вопросам ИИ, организованной в 1956 г. в одноименном университете. Среди ученых, принявших соглашение об утверждении нового названия для данной области и согласовавших вышеназванный термин, были М. Минский, К. Шеннон, Н. Рочестер и другие исследователи [35].

Актуализация проблем исследования естественного и ИИ произошла уже в 70-е гг. XX в., но в данный период ученые уже осознавали, что ни естественнонаучный, ни философский подходы не видят, каким образом может быть создан машинный аналог естественного интеллекта, обладающий способностью к рефлексии [23].

На современном этапе исследования ИИ также далеки от завершения. Дискуссионным до сих пор является вопрос, касающийся определения понятия «интеллект», четко не обозначен его состав, а также главные механизмы. Исследования в области ИИ ведутся достаточно активно, однако однозначное суждение исследователей, касающееся возможности построить ИИ, способный реализовать функции интеллекта человека, отсутствует. Соответственно, открытым остается вопрос, возможна ли в принципе машинная имитация человеческого интеллекта.

Современные исследователи работают над задачей, связанной с возможностью имитации машинами различных аспектов деятельности человеческого интеллекта. Интерес к данной проблеме «подогревают» следующие факты: в 1997 г. Г.К. Каспарову нанесла поражение компьютерная программа «Deep Blue»,

а В.Б. Крамнику в 2002 г. пришлось свести вничью матч, в котором его соперником была программа «Deep Fritz». Соответственно, проблема развития и совершенствования ИИ не утрачивает актуальности и в современной действительности.

Нельзя не отметить, что само понятие «искусственный интеллект» имеет в литературе значительное количество определений и интерпретаций. Такое положение дел привело к тому, что рассматриваемое понятие интерпретируется учеными по-разному.

Согласно одному из определений ИИ – это наука и технология, включающая набор средств, позволяющих компьютеру на основании накопленных знаний представлять ответы на вопросы и формулировать на их основе экспертные заключения, т.е. получать знания, не вкладываемые в него разработчиками [14, с. 50]. В рамках другого определения ИИ – это математическая модель, способная к обучению, созданная по подобию человеческого мозга [10, с. 132].

Иные авторы ИИ определяют как систему, способную рационально решать сложные проблемы или принимать надлежащие действия для достижения своих целей независимо от условий [11, с. 73]. При этом не уточняется сфера применения указанных систем, их область деятельности (внешний мир, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет, ограниченный пространственный участок территории), кроме того, вряд ли обоснованно определять искусственный интеллект столь широко, подобный уровень абстракции позволит устанавливать свойства искусственного интеллекта во многих бытовых приборах, что явно не соответствует изложенной выше сущности искусственного интеллекта.

Ряд исследователей достаточно широко определяют искусственный интеллект как компьютеризированную систему, поведение которой связано с наличием разума [43, p. 420].

По мнению других, искусственный интеллект является системой, которая способна к решению определенных поставленных перед ней проблем и может выполнять определенные действия, чтобы решить указанные выше проблемы. При этом условия, в которых осуществляет свою деятельность искусственный интеллект, значения не имеют.

Р. Курцвейл считает, что ИИ – это прерогатива машин, которые требуют наличия интеллектуальных способностей при их реализации человеком [34]. Однако в данном случае вызывает состояние неопределенности текстуальная конструкция (требует наличия интеллектуальных способностей), поскольку любое, даже самое элементарное по своей сути действие может быть расценено как проявление интеллекта.

П.Г. Уинстон, в свою очередь, считает ИИ вычислительной машиной, которая имеет возможность «делать такие вещи, которые для людей представляются разумными» [19, с. 40].

Р. Беллманн рассматривает искусственный интеллект через призму понятия «автоматизация действий», в группу которых включает «принятие решений, решение задач, обучение» [26].

А. Эндрю позиционирует искусственный интеллект как вычислительную машину, которая способна к «интеллектуальному поведению» [25]. Сходную точку зрения высказал Дж. Слэйгл, считающий, что в основе искусственного интеллекта лежит эвристическое программирование [17].

Широкое определение искусственного интеллекта предложено исследователями В.Н. Ручкиным и В.А. Фулиным. Они считают, что рассматриваемое понятие есть «совокупность мета-процедур представления знаний, рассуждений, поиска релевантной информации в среде имеющихся знаний, их пополнение, корректировка и пр., имитирующих деятельность человека». Система «искусственного интеллекта – это аппаратный информационно-программный комплекс, действие которого выступает аналогичным действию механизмов мышления личности и сходно с решениями, которые принимал бы человек-эксперт, выступающий профессионал в рассматриваемой области» [15]. Указанное определение мы склонны расценивать как весьма удачное, поскольку оно довольно точно отражает особенности когнитивных механизмов человека.

Через понятие «машины» ИИ определяет также и А.В. Шилейко, считающий, что «в качестве искусственного интеллекта может определяться некая машина, если у нее есть возможности моделировать хотя бы одну функцию, традиционно включаемую в сферу разумной деятельности» [23].

По мнению Д.В. Смолина, искусственный интеллект можно интерпретировать как систему, имеющую способности и возможности целеустремленно изменять (с учетом состояния информационных входов) некоторые параметры функционирования, а также способ собственного поведения, при этом на последний будет оказывать влияние текущее состояние информационных входов [18].

Л.С. Болотова определяет искусственный интеллект в виде искусственной компьютерной системы, способной к имитации интеллекта человека: такая система имеет возможность к получению, обработке и хранению информаций и знаний, а также способна осуществлять над ними различные действия, в совокупности являющиеся мышлением [6].

В работе В.Н. Синельниковой и О.В Ревинского указано, что ИИ есть компьютерная программа, созданная людьми и имеющая возможность в соответствии с заложенной в ней командной архитектуры создавать новую информацию [16, с. 20]. Схожей

точки зрения придерживается А.А. Щитова, понимающая под ИИ программу, обладающую таким уровнем интеллектуальности, что способна осознать себя и принимать самостоятельные решения [24, с. 96]. В целом мы поддерживаем данные позиции, но с оговоркой, отнеся данные дефиниции к сущности слабого ИИ.

С учетом вышеизложенного интересной представляется позиция В.С. Дороганова и М.И. Баумгартена, которые указывают следующее. По своей сущности искусственный интеллект представляет собой математическую модель, расположенную в определенном техническом устройстве. Указанная модель – это способная к самообучению модель нейронных связей, готовых воспринимать информацию объективной реальности, обрабатывать ее и в результате этого получать новое знание, не вкладываемое разработчиками [10, с. 134], т.е. создавать подобие человеческого мозга. Резюмируя, можно отметить, что в отличие от мозга человека, имеющего биологическое происхождение, ИИ – образование кибернетическое, вследствие чего возникает необходимость разъяснения некоторых важных отличий, оказывающих влияние на способность ИИ к осознанному поведению.

Н. Нильсон считает, что искусственный интеллект есть деятельность, позволяющая сделать компьютеры разумными [39]. По мнению автора, искусственный интеллект можно считать и антропогенным продуктом, способным к интеллектуальному поведению, и машиной, способной к выполнению таких действий, которые обычно требуют присутствия интеллекта человека [38].

Наряду с термином «искусственный интеллект» также употребляется понятие «искусственный сверхинтеллект». Данный термин встречается в исследованиях И. Гуда [31] и Н. Бострома [7]. Первый ученый считает, что искусственный сверхинтеллект способен в несколько раз превзойти интеллект любого самого умного человека. Второй автор отмечает, что сверхразум является интеллектом, который значительно превосходит когнитивные возможности человека практически во всех областях. По его мнению, коллективный сверхразум позиционируется как интегральная система, включающая большое число интеллектов, стоящих уровнем ниже. Организация рассматриваемой интегральной системы такова, что ее производительность значительно превосходит таковую любой другой когнитивной системы [7].

Новый международный энциклопедический словарь английского языка Уэбстера включает четыре определения рассматриваемого понятия, в которых искусственный интеллект выступает:

- представлением о том, что машины могут быть подвергнуты такому усовершенствованию, что будут способны выполнять функции, свойственные разуму человека;

- средством, позволяющим расширить возможности интеллекта человека на основе использования компьютера;

- направлением в компьютерной науке, связанным с разработкой компьютеров, которые способны к осуществлению мыслительных процессов, свойственных человеку;

- наукой о технических способах более эффективного использования компьютеров на основе улучшенных техник программирования [44].

Также ряд подходов к определению искусственного интеллекта имеет место в трудах С. Рассела и П. Норвига. В рамках первого из них авторы берут за основу мышление человека, в соответствии с которым и должен создаваться и развивать ИИ, приобретая способность мыслить, обучаться и пр. Основой второго подхода выступает поведение человека, согласно данному подходу искусственный интеллект должен быть способен к действиям, для реализации которых необходим разум. В качестве основы третьего и четвертого подходов, соответственно, выступают рациональное мышление и рациональное поведение [42].

Э. Челюдакис считает искусственный интеллект совокупностью систем, которые способны к восприятию окружающего мира, на основе чего могут осуществлять независимо и непредсказуемым образом ряд различных действий [29].

М. Дельво полагает, что юнитом искусственного интеллекта выступает некий кибернетический объект, которому свойствен указанный интеллект, который приобретает автономию через реализующие обмен с окружающей средой датчики. Указанный объект может анализировать полученные данные и оперировать ими, может самообучаться, имеет физическую поддержку, а также способен к адаптации своего поведения к окружающей среде [30].

Имеет место и более широкая классификация. Так, в отчете обсерватории киберпреступности Австралийского национального университета искусственный интеллект подразделяется на три категории: *Weak AI, Medium AI и Strong AI* [28].

Согласно рассуждениям австралийских ученых, первые два элемента вышеуказанной классификации обладают ограниченным набором функций и строго определенным назначением. Направленность их заключается в получении, накоплении и поиске информации, исходя из запросов пользователя. В вышеуказанном отчете подобными разновидностями ИИ признаются многие предметы, которыми человек пользуется повсеместно (к примеру, голосовые ассистенты цифровых устройств). Разграничение между *Weak AI и Medium AI* построено на эффективности

взаимодействия с человеком, скорости принятия решений и комфорте коммуникации [28].

Следует отметить, что существенные отличия имеет *Strong AI*, который обладает способностью к самообучению и автономному, осознанно-волевому поведению [28, p. 28]. Указанная способность, на наш взгляд, может стать важнейшим признаком, поскольку возможность самообучения предполагает самостоятельное, автономное выявление новых знаний на основе способности к восприятию, обработке, накоплению и использованию информации внешнего мира.

Интересен также вопрос, касающийся механизма принятия решения искусственным интеллектом. Указанный механизм был обоснован М.Т. Джонсом, по мнению которого для поиска оптимального решения ИИ первоначально воспринимает случайное текущее решение, не оценивая его эффективность, после же производит исследование первичного случайного решения, чтобы установить его эффективность для разрешения поставленной проблемы, результатом чего выступает оригинальное решение, лишенное недостатков первичного [9].

Процесс принятия искусственным интеллектом решений по-разному описан в литературе. К примеру, Э.М. Пройдаков указывает, что искусственный интеллект состоит из нескольких слоев искусственных нейронов, в которых обрабатываются данные и формулируется результат [13].

Несколько иное описание изложено в работе М.Т. Джонса, который, описывая процесс принятия решений, основывается на методе симуляции восстановления. Исследователь разделяет алгоритм принятия решения на пять этапов, при этом искусственный интеллект разрабатывает несколько альтернативно возможных решений и на основе оценки эффективности каждого из них формулирует вывод о принятии итогового решения. Однако необходимо учесть, что техническая литература не содержит указания на участие либо прикосновенность человека к деятельности искусственного интеллекта [9].

До недавнего времени в действующем российском законодательстве отсутствовало определение понятия «искусственный интеллект». Сейчас это понятие закреплено в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. и определено как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека» [12].

Анализ цитируемой дефиниции позволяет выявить следующие существенные свойства ИИ:

1) имитация когнитивных функций человека;

2) самообучение;

3) поиск решений без заранее заданного алгоритма;

4) сопоставимость результатов интеллектуальной деятельности ИИ и человека.

Следует отметить, что в Национальной стратегии особо отмечено, что «комплекс технологических решений включает в себя информационно-телекоммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных» [12].

Схожее определение ИИ приводится в научной литературе. Так, исследователи утверждают, что ИИ представляет собой «автономную интеллектуальную систему, обладающую способностями к осознанно-волевому поведению, самообучению и самоконтролю, моделирующую деятельность нейронных сетей и синапсов человеческого мозга посредством аккумулирования, накопления, изучения и использования информации, имеющую материальное выражение в технических устройствах – юнитах ИИ» [2]. Находясь в общем согласии с этим определением, позволим себе несколько дополнить его. Едва ли возможно ограничивать материальное выражение ИИ только его юнитами, т.е. предметами материального мира, имеющими в нем объективное выражение и предназначенными для реализации его интеллектуального потенциала. Как верно отмечено в положениях Национальной стратегии, ИИ может выражаться также в информационной инфраструктуре, т.е. являться по своей физической сути средой передачи цифровой информации.

В свою очередь, в первом отечественном учебнике по цифровому праву ИИ определяется как моделируемая (искусственно воспроизводимая) интеллектуальная деятельность мышления человека [5, с. 628].

В целом на основе обобщения приведенных дефиниций возможно констатировать достигнутый консенсус относительно способности ИИ к самообучению, действию без заранее установленных алгоритмов, автономности в принятии решений.

Таким образом, на сегодняшний день разработано несколько подходов к толкованию определения «искусственный интеллект». Кроме того, можно также обозначить ряд аспектов, касающихся исследования рассматриваемого понятия в трудах российских и зарубежных авторов, объединив их в группы.

В частности, ряд комплексно-правовых аспектов исследуемого феномена нашел свое отражение в трудах таких зарубежных исследователей, как П. Черка, Ю. Григене и Г. Сирбиките, М. Шерер, А.Т. Андреа Кастильо и пр.

Правосубъектность ИИ, правовые перспективы изучения данного вопроса нашли отражение в трудах О.А. Ястребова, Г.А. Галджиева, А.В. Нестерова, Ф.В. Ужова, В.Н. Черкасова, Д.С. Гришина, Н.С. Еманова, С.Б. Полич и др. Также данного вопроса касались и зарубежные авторы: М. Дельво, Н. Невеньяс, Л. Соумул, П. Черка, В. Курки, Д. Робертсон, Д. Винсент и др.

Проблемы правопонимания и регулирования термина «искусственный интеллект» в области права интеллектуальной собственности исследовались такими авторами, как А.А. Карцихия, В.Н. Синельникова, О.В. Ревинский, Г.А. Ахмедов, М. Ильменский, М.М. Поповский и др. Также интерес к данной проблеме проявляли и зарубежные авторы: Э. Кайнсер, Д. Раффо, А. Гуадамус и др.

Исследованию возможностей, особенностей, перспектив и пределов задействования технологий посвящены труды Г.А. Гаджиева, В. Шершульского, И. Кондрашова, А. Серго и др. Также проблема задействования технологий юнитов ИИ в деятельности экспертов-криминалистов стала предметом рассмотрения таких отечественных авторов, как Е.В. Булгакова, И.К. Кондратьева, а также зарубежных исследователей: Д. Римас, Ф. Леви, Э. Риссланд и др.

Исследование рисков, которые имеют связь с применением искусственного интеллекта, произведено в трудах А.В. Титова, С.Н. Зайковой, О.Ю. Лозовской, А.Н. Орехова и др. Из зарубежных авторов интерес к рассматриваемой проблеме проявили С. Хокинг, Н. Бостром, Э. Юдковский, М. Тегмарк, Э. Пальмерини и др.

Кроме того, в своих трудах авторы касаются ряда нравственно-этических аспектов и проблем разработки, производства, программирования, оборота, применения, обучения, прекращения деятельности и утилизации искусственного интеллекта. Среди исследователей, обратившихся к данному вопросу, можно назвать Ю.Ю. Петруни, А.В. Слободскую, И.М. Александрова, а также зарубежных исследователей – С. Надела, Д. Франко, Д. Балкина и др.

Проблемы использования возможностей искусственного интеллекта в военных целях раскрыты в работах как отечественных авторов (А.В. Нестерова, В.Б. Козюлина, А.В. Гребенщикова, К.Л. Сазонова, С.А. Голобоко и др.), так и зарубежных (Э. Пфэмлэн, Д. Бирк, Ю. Мякинков, К. Андерсон, М. Уоксмэн и др.).

При этом, несмотря на широкий спектр исследований, посвященных трактовке, различным направлениям применения, а также правовым аспектам понятия «искусственный интеллект», неисследованные горизонты данной дефиниции довольно широки. По этой причине уровень интереса к многоаспектному рассмотрению и анализу термина «искусственный интеллект» достаточно высок, что позволяет говорить о достаточно широких перспективах развития подходов к его изучению.

Таким образом, можно с достаточной определенностью сказать, что существует множество способов описания ИИ: посредством указания на механизм действия, основных принципов работы, спектра решаемых задач и т.д. и т.п. Однако, на наш взгляд, наиболее убедительна и последовательна позиция тех ученых, которые склонны к описанию феномена ИИ посредством обозначения его сущностных свойств и признаков (способность к рассуждению и контролю, правопониманию и правосознанию, обучению и развитию, автономности деятельности и принятию решений и т.д.).

При этом все указанные признаки в той или иной степени определяют значительные затруднения прогнозирования поведения ИИ, что представляется особо значимым с точки зрения правовой науки, поскольку позволяет определять ИИ как полноценного субъекта правоотношения [1, 3, 4, 8, 20-22, 27, 32, 33].

В связи с вышеизложенным предлагаем ввести в научный оборот авторский вариант понятия «искусственный интеллект» как правовой категории, под которым следует понимать когнитивно-интеллектуальную и автономно-адаптивную систему, наделенную способностями к осознанно-волевому поведению, позволяющую имитировать деятельность нейронов и нейронных сетей человеческого мозга посредством обработки информации, поступающей из окружающей среды.

Литература

1. Бегишев И.Р., Бикеев И.И. Преступления в сфере обращения цифровой информации. Казань: Изд-во «Познание», 2020. 300 с.

2. Бегишев И.Р., Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. «Искусственный интеллект» как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 79-91.

3. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 767-775.

4. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект и робототехника: теоретико-правовые проблемы разграничения понятийного аппарата // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2020. Т. 30. № 5. С. 130-138.

5. Блажеев В.В., Егорова М.А. Цифровое право: учебник. М.: Проспект, 2020. 640 с.

6. Болотова Л.С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях: учебник. М.: Финансы и статистика, 2012. 664 с.

7. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.

8. Денисов Н.Л. Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // Международное уголовное право и международная юстиция. 2019. № 4. С. 18-20.

9. Джонс М.Т. Программирование искусственного интеллекта в приложениях. М.: ДМК Пресс, 2011. 312 с.

10. Дороганов В.С., Баумгартен М.И. Возможные проблемы, возникающие при создании искусственного интеллекта // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2013. № 4 (98). С. 132-135.

11. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2019. 420 с.

12. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

13. Пройдаков Э.М. Современное состояние искусственного интеллекта // Науковедческие исследования. 2018. С. 129-153.

14. Пройдаков Э.М. Современное состояние исследований в области искусственного интеллекта // Цифровая экономика. 2018. № 3 (3). С. 50-63.

15. Ручкин В.Н., Фулин В.А. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы. СПб.: БХВ-Петербург, 2009. 240 с.

16. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17-27.

17. Слэйгл Дж. Искусственный интеллект. Подход на основе эвристического программирования. М.: Мир, 1973. 320 с.

18. Смолин Д.В. Введение в искусственный интеллект: конспект лекций. М.: Физматлит, 2004. 208 с.

19. Уинстон П.Г. Искусственный интеллект. М.: Мир, 1980. 520 с.

20. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Сущность искусственного интеллекта и проблема определения правосубъектности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 2. С. 96-106.

21. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта // Baikal Research Journal. 2019. Т. 10. № 2.

22. Хисамова З.И., Бегишев И.Р. Уголовная ответственность и искусственный интеллект: теоретические и прикладные аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 564-574.

23. Шилейко А.В. Дискуссии об искусственном интеллекте. М.: Знание, 1970. 48 с.

24. Щитова А.А. О потенциальной правоспособности искусственного интеллекта // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 94-98.

25. Эндрю А. Искусственный интеллект. М.: Мир, 1985. 264 с.

26. Bellman R.E. An Introduction to Artificial Intelligence: Can Computers Think?. San Francisco: Boyd & Fraser Publishing Company, 1978. 146 p.

27. Bikeev I.I., Kabanov P.A., Begishev I.R., Khisamova Z.I. Criminological Risks and Legal Aspects of Artificial Intelligence Implementation // In Proceedings of the International Conference on Artificial Intelligence, Information Processing and Cloud Computing. New York: Association for Computing Machinery, 2019. P. 1-7.

28. Broadhurst R., Brown P., Maxim D., Trivedi H., Wang J. Artificial Intelligence and Crime // Report of the Australian National University Cybercrime Observatory for the Korean Institute of Criminology. Canberra: Australian National University, 2019. P. 1-70.

29. Chelioudakis E. Deceptive AI Machines on the Battlefield: Do They Challenge the Rules of the Law of Armed Conflict on Military Deception? Tilburg: Tilburg University, 2018. 59 p.

30. Delvaux M. Draft Report with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. European Parliament, 2016. 22 p.

31. Good I.J. Speculations Concerning the First Ultraintelligent Machine // Advances in Computers. 1966. Vol. 6. P. 31-88.

32. Khisamova Z.I., Begishev I.R., Gaifutdinov R.R. On Methods to Legal Regulation of Artificial Intelligence in the World // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Vol. 9. № 1. P. 5159-5162.

33. Khisamova Z.I., Begishev I.R., Sidorenko E.L. Artificial Intelligence and Problems of Ensuring Cyber Security // International Journal of Cyber Criminology. 2019. Vol. 13, iss. 2. P. 564-577.

34. Kurzweil R. The Age of Intelligent Machines. Cambridge, MA: MIT Press, 1990. 580 p.

35. McCarthy J., Minsky M.L., Rochester N., Shannon C.E. A Proposal for the Dartmouth Summer Research Project on Artificial Intelligence. August 31, 1955 // AI Magazine. 2006. Vol. 27. № 4. P. 12-14.

36. McCulloch W.S. Embodiments of Mind. Cambridge, MA: MIT Press, 1965. 402 p.

37. McCulloch W.S., Pitts H.W. A Logical Calculus of the Ideas Immanent in Nervous Activity // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1943. Vol. 5. № 5. P. 115-133.

38. Nilsson N.J. Artificial Intelligence: A New Synthesis. Beijing: Morgan Kaufmann; China Machine Press, 1998. 513 p.

39. Nilsson N.J. The quest for artificial intelligence: a history of ideas and achievements. New York: Cambridge University Press, 2009. 707 p.

40. Pitts H.W. Some observations on the simple neuron circuit // Bulletin of Mathematical Biophysics. 1942. Vol. 4. № 3. P. 121-129.

41. Rockwell A. The History of Artificial Intelligence // Harvard University. URL: http://sitn.hms.harvard.edu/flash/2017/history-artificial-intelligence (дата обращения: 10.01.2020).

42. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. New Jersey: Prentice Hall, 1995. 905 p.

43. Searle J.R. Minds, brains, and programs // Behavioral and Brain Sciences. 1980. № 3 (3). P. 417-457.

44. Smith S.S. The New International Webster's Comprehensive Dictionary of the English Language: Encyclopedic Edition. New York: Trident Press International, 2003. 1936 p.

45. Turing A. Computing Machinery and Intelligence // Mind. Oxford: Oxford University Press, 1950. Vol. 59. № 236. P. 433-460.

Административное право и административный процесс

УДК 342.951:351.74
А.Г. Бачурин, *канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: vooky22@yandex.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ЕДИНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Статья посвящена рассмотрению административно-правовых основ деятельности функциональной подсистемы охраны общественного порядка единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Проводится анализ и обобщение существующей нормативной правовой базы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Приводятся нормы международного права, изучается российское законодательство. Особое внимание уделяется ведомственным приказам МВД России. Делается вывод о том, что в настоящее время сформирована единая правовая база функциональной подсистемы охраны общественного порядка единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, представляющая систему разнообразных нормативных правовых актов. Отмечается, что нормативное правовое регулирование не лишено некоторых недостатков, в связи с чем предлагаются авторские меры по совершенствованию деятельности функциональной подсистемы охраны общественного порядка.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, ликвидация чрезвычайных ситуаций, функциональная подсистема, охрана общественного порядка, полиция.

A.G. Bachurin, *Candidate of Juridical Sciences*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: vooky22@yandex.ru

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION AND PROSPECTS OF IMPROVEMENT OF THE FUNCTIONAL SUBSYSTEM OF PUBLIC ORDER OF THE UNIFIED STATE SYSTEM OF EMERGENCY PREVENTION AND RESPONSE

The article is devoted to the consideration of the administrative and legal foundations of the functioning of the functional subsystem of public order protection of the unified state system for the emergency prevention and response. The analysis and generalization of the existing regulatory framework of the unified state system for emergency prevention and response is carried out. The norms of international law are given, the Russian legislation is studied. Particular attention is paid to departmental orders of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It is concluded that a single legal base has been formed for the functional subsystem of public order protection of the unified state system for the emergency prevention and response, which represents a system of various regulatory legal acts. It is noted that normative legal regulation is not without some drawbacks, in connection with which, author's measures are proposed to improve the functioning of the functional subsystem of public order protection.

Key words: emergency situations, emergency response, functional subsystem, public order policing, police.

Значительная разветвленность инфраструктуры, увеличение крупного производства, рост транспортной сети, внедрение разноуровневых управляющих систем в Российской Федерации определяют высокую вероятность проявления ошибочных действий, во многом связанных с так называемым человеческим фактором. Данный фактор влияет на увеличение числа чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) техногенного характера. В 2018 году в различного рода техногенных ЧС, по данным МЧС России, погибло 709 человек, пострадало 33 838 [19]. Значительными остаются и риски ЧС природного характера, в которых погибло 8 человек, пострадало 53 637, что делает подобные явления также весьма опасными для населения и общества.

Высокий уровень защищенности от чрезвычайных ситуаций возможен лишь при эффективных, слаженных действиях органов государственной власти Российской Федерации в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее – ЕГСПЧС). В данную систему входит и МВД России. Так, нормами права определено, что одним из полномочий, реализуемых МВД России, является участие в «мероприятиях в рамках единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [23].

Р.А. Максимов отмечал, что чрезвычайные ситуации отличаются такими свойствами, как неопределенность, значительные последствия, необходимость задействования специальных средств государственного управления [5, с. 24].

Приведем примеры различного рода чрезвычайных ситуаций, сгруппировав их по принадлежности к тем или иным явлениям, процессам.

Так, чрезвычайные ситуации, связанные с природными явлениями, относят к чрезвычайным ситуациям природного характера.

К данной группе относят:

1. Геофизические явления. Например, землетрясения магнитудой 4-4,3 баллов в 2020 г. имели место в Республике Алтай, на Камчатке [31].

2. Геологические явления. Так, в 2002 г. при сходе ледника в Кармадонском ущелье погиб известный режиссёр и актер Сергей Бодров.

3. Метеорологические опасные явления. 23 июня 2018 г. в г. Барнауле Алтайского края произошла сильная буря, в результате которой были пострадавшие и серьезные разрушения [4].

4. Гидрологические явления. Подобного рода явления имеют место практически ежегодно в Российской Федерации. В 2014 году в результате паводка были практически полностью затоплены многие села Чарышского и других районов Алтайского края.

5. Природные пожары. В 2019 году масштабные лесные пожары в Сибири причинили ущерб на сумму более 14,4 млрд рублей, а смог от пожаров застилал небо многих российских регионов и зарубежных государств.

6. Инфекционная заболеваемость людей. Подобный вид ЧС особенно актуален в свете мировой пандемии коронавируса COVID-19.

Чрезвычайные ситуации, связанные с авариями и катастрофами на производствах, объектах, транспорте, относят к чрезвычайным ситуациям техногенного характера.

К данной группе относят:

1. Транспортные аварии и катастрофы. В 2019 году в авиационных происшествиях в России погибло 43 человека, 41 человек – при жесткой посадке самолета Sukhoi Superjet 100 5 мая 2019 г. [29].

2. Пожары, взрывы. В Российской Федерации сотрудников полиции часто задействуют на оцеплении при взрывах бытового газа, с обрушением жилых домов, пожарах. Так, в 2018 г. произошло 29 взрывов бытового газа, при которых погибло 8 человек, 91 пострадал [29]. Огромной трагедией для всей страны стал пожар 25 марта 2018 г. в г. Кемерово, где в помещениях торгового центра «Зимняя вишня» погибло 60 человек, 37 из погибших – дети [3].

Чрезвычайные ситуации социального характера.

К чрезвычайным ситуациям социального характера относят: войны, в т.ч. локальные военные конфликты, голод, терроризм, социальные волнения, перерастающие в массовые беспорядки.

Одной из самых страшных разновидностей чрезвычайных ситуаций являются военные действия. Российская полиция (милиция) принимала и принимает активное участие в боевых операциях в республиках Северного Кавказа. По официальным данным на 2010 г. только в ходе первой и второй войн в Чечне погибло 2894 сотрудника МВД России [27].

Во многом с вооруженным конфликтом на Северном Кавказе связаны проявления терроризма в России. Террористические атаки оставили страшный след в истории современной России. Только за 10 лет, с 2008 по 2018 г., теракты унесли жизни 218 человек, 892 пострадали [30].

Деятельность территориальных органов МВД России при выполнении задач по предупреждению и ликвидации последствий ЧС, перечисленных ранее в нашем исследовании, осуществляется в рамках функциональной подсистемы охраны общественного порядка (далее – ФП ООП) единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [12].

Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и в чрезвычайных ситуациях, в т.ч. и под-

системы охраны общественного порядка, регламентируется правовыми актами различной юридической силы: нормами международного права, национальным законодательством Российской Федерации и её субъектов, а также ведомственными нормативными правовыми актами МВД России.

Например, Декларация о предотвращении ядерной катастрофы [2] предостерегает, что применение ядерного оружия способно погубить земную цивилизацию. Данный документ предписывает действовать так, чтобы свести на нет опасность возникновения ядерного конфликта, определяя это как высший долг и прямую обязанность государств-участников ООН.

Конвенцией 1993 г. запрещается разработка, производство и применение химического оружия.

Особая опасность чрезвычайных ситуаций, связанных с ядерной энергией, подчеркивается соответствующими международными договорами, например Конвенцией о ядерной безопасности (заключена в г. Вене 17 июня 1994 г.).

Странами – участниками СНГ одобрено Соглашение о взаимодействии в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (заключено в г. Минске 22 января 1993 г.).

Значительный массив нормативных правовых актов в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций сформирован в национальном законодательстве Российской Федерации.

В статье 41 Конституции закреплено право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь.

Отдельным федеральным законом [10] определяется понятие единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, закрепляются полномочия органов государственной власти и местного самоуправления, права и обязанности граждан в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций. Большое значение имеет «система мероприятий по подготовке к защите и по защите населения, материальных и культурных ценностей на территории Российской Федерации от опасностей, возникающих при военных конфликтах или вследствие этих конфликтов, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера» [7].

Федеральным законом «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ прописан алгоритм установления зон экологического бедствия, зон чрезвычайных ситуаций. Положения, связанные с защитой населения от эпидемий, эпизоотий как разновидностей чрезвычайных ситуаций, предусмотрены в федерльных законах «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ и «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ.

Безопасность особых объектов как возможных источников (мест) угроз ЧС регламентируется федеральными законами: «Об использовании атомной энергии» от 21 ноября 1995 г. № 170-ФЗ, «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ, «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» от 21 июля 2011 г. № 256-ФЗ.

Указами и распоряжениями Президента Российской Федерации определяются меры по совершенствованию единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [17], дополнительные мероприятия, связанные с обеспечением пожарной безопасности [8].

Предусмотрена система экстренного оповещения населения об угрозе возникновения или о возникновении чрезвычайных ситуаций [18]. Закрепляются полномочия Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий [13].

Утверждаются основы государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 г. [21]. Распоряжением Президента РФ от 15.08.2019 № 267-рп назначаются члены коллегии Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий.

Отдельным пакетом постановлений Правительства Российской Федерации определены:

- порядок создания и использования резервов материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [15];
- силы и средства единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [9];
- положение о подготовке населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [14];
- классификация чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера [11];
- комплекс мер по обеспечению эвакуации граждан Российской Федерации из иностранных государств в случае возникновения чрезвычайных ситуаций [12].

Перечисленные выше правительственные акты не являются исчерпывающими. Так, высший исполнительный орган государственной власти Российской Федерации регулирует многие вопросы, связанные с деятельностью единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Кроме федерального уровня, задачи, стоящие перед единой государственной системой предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, решают территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, а также уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

На территории Алтайского края закон от 17 марта 1998 г. № 15-ЗС регулирует правоотношения, возникающие в процессе защиты территории от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Постановлением Правительства Алтайского края утверждены Положение о территориальной подсистеме единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, а также перечень сил постоянной готовности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [22].

В рамках рассматриваемой темы большое значение имеют и ведомственные нормативные правовые акты МВД России, определяющие тактические действия и построение сил и средств органов внутренних дел, задействованных в зоне ЧС.

Порядок организации и деятельности функциональной подсистемы охраны общественного порядка, входящей в единую государственную систему предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, закреплен приказом МВД России от 13 июля 2007 г. № 633. Приказом МВД России от 11 декабря 2009 г. № 950 утвержден порядок подготовки материалов в проект ежегодного государственного доклада о состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Таким образом, в настоящее время сформирована правовая база организации деятельности ФП ООП в ЕГСПЧС, представляющая совокупность нормативных правовых актов различной юридической силы, обеспечивающих должное воздействие на общественные отношения в изучаемой области. Особое значение имеют ведомственные приказы МВД России, определяющие конкретные алгоритмы действий в условиях чрезвычайных ситуаций, чрезвычайных обстоятельств.

Деятельность ФП ООП в ЕГСПЧС обусловлена рядом условий, таких как:

1. Увеличение числа выполняемых функций.

2. Жесткие временные рамки оперативного выполнения задач.

3. Создание специальных органов управления.

4. Увеличение служебной и морально-психологической нагрузки на личный состав.

В таких условиях главным критерием деятельности ФП ООП является «готовность». Говоря о готовности, В.В. Черных отмечал, что её степень можно выразить в количественных и качественных показателях. К количественным относятся численность личного состава, ресурсная обеспеченность. К качественным – уровень подготовки личного состава, состояние материально-технических ресурсов (средств) [32, с. 153].

Состояние готовности зависит и от уровня планирования деятельности ОВД в условиях ЧС, в частности от оперативного плана, его проработки, обоснованности. От него же зависят и действия функциональных групп.

Второе важнейшее направление готовности – ресурсное обеспечение, в т.ч. и бытовое обеспечение: питание сотрудников, их расквартирование, оснащение вещевым довольствием, необходимым для выполнения задач в зоне ЧС. Зачастую практика показывает, что группировка сил и средств ОВД в зоне ЧС действует в условиях жесткого дефицита времени, бытовой неустроенности, обусловленной отрывом от места постоянной дислокации, что снижает эффективность. Например, в числе материально-технических средств, хранящихся по нормам положенности [20] в помещениях дежурных частей территориальных органов МВД России и подготовленных для оперативного применения, отсутствуют палатки, мобильные печи, сухие пайки и другие принадлежности для бытового применения личным составом в зоне ЧС.

Кроме того, отдельные исследователи [33, с. 69] предлагают как меру повышения эффективности деятельности полиции в зонах ЧС создать в территориальных органах МВД России на региональном уровне центры беспилотной авиации, оснащенные беспилотными летательными аппаратами.

Третье проблемное направление обеспечения готовности деятельности территориальных органов МВД России в условиях ЧС – уровень сформированности профессиональных знаний, умений, навыков личного состава. Так, проведённое среди слушателей Академии управления МВД России исследование [33, с. 70] показало, что у большинства респондентов (72%) отсутствует опыт деятельности в условиях ЧС, 30% опрошенных слушателей указывали на недостаточные умения и навыки руководителей, и лишь 19% респондентов оценивали готовность действий территориальных органов МВД России в условиях ЧС как высокую.

В качестве выхода из данной ситуации предлагается проведение регулярных плановых практических занятий на местности, учебных полигонах и объектах с созданием обстановки, максимально приближенной к реальным условиям ЧС. Для этого необходимо использовать возможности учебных центров МЧС России в рамках межведомственного взаимодействия.

Четвертое направление совершенствования деятельности функциональной подсистемы охраны общественного порядка заключается в организации межведомственного взаимодействия. Основным проблемным вопросом является несоответствие имеющегося нормативного правового регулирования требованиям настоящего времени. Так, с 2016 г. в соответствии с Указом Президента РФ [1] были созданы войска национальной гвардии (Росгвардии). К числу полномочий Росгвардии относятся обязанности по «принятию неотложных мер по спасению людей, охране имущества, оставшегося без присмотра, обеспечению охраны общественного порядка при чрезвычайных ситуациях и других чрезвычайных обстоятельствах, при обеспечении режима чрезвычайного положения, в том числе на объектах транспорта и транспортной инфраструктуры» [6]. В состав Росгвардии вошли подразделения полиции: специальные отряды быстрого реагирования, отряды мобильные особого назначения, вневедомственная охрана и лицензионно-разрешительные подразделения.

Данные подразделения, а также внутренние войска (нынешние воинские части Росгвардии), согласно имеющемуся ведомственному приказу, числятся в составе МВД России и входят в различные функциональные группы. Что, естественно, не соответствует реальному положению вещей. Вопросы такого взаимодействия должны решаться путем принятия совместных приказов. Однако до настоящего времени подобная нормативная правовая база отсутствует. Следует отметить, что создание эффективной системы взаимодействия Росгвардии и МВД России должно рассматриваться в качестве важнейшего и необходимого условия успешной деятельности субъектов единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, что возможно путем принятия приказа «Об организации деятельности территориальных органов МВД России и Росгвардии России при возникновении чрезвычайных ситуаций, чрезвычайных обстоятельств».

Кроме того, в последние годы в составе МВД России были образованы подразделения, нормативно незакрепленные в функциональные подгруппы реагирования на ЧО и ЧС, такие как подразделения по вопросам миграции [24], отряд специального назначения «Гром» [26]. Названные службы также должны быть включены в ведомственные нормы права, регламентирующие деятельность в условиях ЧО и ЧС.

Резюмируя изложенное, можно отметить следующее.

Во-первых, правовое регулирование общественных отношений в сфере деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций обеспечивается и в международном внутригосударственном праве.

Во-вторых, особое значение имеют подзаконные нормативные правовые акты, определяющие положение и организацию деятельности функциональной подсистемы охраны общественного порядка.

В-третьих, нормативная правовая основа деятельности функциональной подсистемы охраны общественного порядка является весьма динамичной, идет постоянное ее обновление, изменение. Автором был сформулирован ряд предложений, направленных на дальнейшую ее оптимизацию и совершенствование.

Литература

1. Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 157 (ред. от 17.06.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

2. Декларация о предотвращении ядерной катастрофы: принята 09.12.1981 Резолюцией 36/100 на 91-ом пленарном заседании 36-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Действующее международное право. М.: Московский независимый институт международного права, 1997. Т. 2.

3. Информационное агентство «Амител». URL: https://www.amic.ru/news/417198/ (дата обращения: 31.03.2020).

4. Информационное агентство «Амител». URL: https://www.amic.ru/voprosdnya/457442/ (дата обращения: 31.03.2020).

5. Максимов Р.А. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях: общетеоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 207 с.

6. О войсках национальной гвардии Российской Федерации: федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 02.12.2019; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

7. О гражданской обороне [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ (ред. от 01.05.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О дополнительных мерах по предотвращению и ликвидации чрезвычайной ситуации, связанной с обеспечением пожарной безопасности: Указ Президента РФ от 12.08.2010 № 1007 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 33. Ст. 4405.

9. О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 (ред. от 28.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 03.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.

11. О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: постановление Правительства РФ от 21.05.2007 № 304 (ред. от 20.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 22. Ст. 2640.

12. О комплексе мер по обеспечению эвакуации граждан Российской Федерации из иностранных государств в случае возникновения чрезвычайных ситуаций: постановление Правительства РФ от 18.11.2014 № 1216 (ред. от 10.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 47. Ст. 6572.

13. О некоторых вопросах Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий: Указ Президента РФ от 19.12.2018 № 728 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 52. Ст. 8242.

14. О подготовке населения в области защиты от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: постановление Правительства РФ от 04.09.2003 № 547 (ред. от 28.12.2019) // Российская газета. 2003. 16 сент. № 184.

15. О порядке создания и использования резервов материальных ресурсов для ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: постановление Правительства РФ от 10.11.1996 № 134а // Российская газета. 1996. 20 нояб. № 222.

16. О силах и средствах единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: постановление Правительства РФ от 08.11.2013 № 1007 (ред. от 07.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 46. Ст. 594.

17. О совершенствовании единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Указ Президента РФ от 06.05.2010 № 554 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 19. Ст. 2301.

18. О создании комплексной системы экстренного оповещения населения об угрозе возникновения или о возникновении чрезвычайных ситуаций: Указ Президента РФ от 13.11.2012 № 1522 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 47. Ст. 6454.

19. О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2018 году. Государственный доклад. М.: МЧС России. ФГБУ ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2019. 344 с.

20. О техническом обеспечении дежурных частей территориальных органов МВД России и порядке представления оперативной информации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 08.10.2012 № 920. Доступ из справ.-правовой системы «СТРАС Юрист».

21. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 11.01.2018 № 12 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 3. Ст. 515.

22. Об утверждении перечня сил постоянной готовности Алтайской территориальной подсистемы единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: постановление Администрации Алтайского края от 14.06.2007 № 269 (ред. от 11.11.2019) // Сборник законодательства Алтайского края. 2007. № 134. Ч. 1. С. 179.

23. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 (ред. от 25.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Об утверждении Типового положения о подразделении по вопросам миграции территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 27.04.2016 № 214. Доступ из справ.-правовой системы «СТРАС Юрист».

25. Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: приказ МВД России от 05.06.2017 № 355 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru.

26. Об утверждении Типового положения об отряде специального назначения «Гром» подразделения по контролю за оборотом наркотиков территориального органа МВД России на региональном уровне [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 15.08.2017 № 640. Доступ из справ.-правовой системы «СТРАС Юрист».

27. Официальный сайт газеты «Взгляд». URL: https://vz.ru/society/2010/6/10/409527.html (дата обращения: 31.03.2020).

28. Официальный сайт информационного агентства «РИА Новости». URL: https://ria.ru/20190815/1557518802.html (дата обращения: 31.03.2020).

29. Официальный сайт информационного агентства «РИА Новости». URL: https://ria.ru/20190214/1550888421.html (дата обращения: 31.03.2020).

30. Официальный сайт информационного агентства «РИА Новости». URL: https://ria.ru/20181017/1530862928.html (дата обращения: 31.03.2020).

31. Портал GeoCenter.Info. URL: https://geocenter.info/new/moschnye-zemletrjasenija-v-rossii-janvar (дата обращения: 31.03.2020).

32. Черных В.В. Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел в условиях чрезвычайных ситуаций природного характера: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 233 с.

33. Щукин В.М. Особенности деятельности территориальных органов МВД России при участии в ликвидации чрезвычайных ситуаций // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1 (41). С. 67-71.

УДК 342.9:364.632
М.А. Бучакова, *доктор юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России
E-mail: mb290163@mail.ru;
А.А. Гайдуков, *канд. юрид. наук*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: gaidukow28@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ НАСИЛИЮ

В статье рассматривается развитие законодательства в сфере противодействия семейному насилию в Российской Федерации, его соответствие международным правовым нормам, дается сравнительно-правовая характеристика законов о противодействии семейному насилию в других государствах. Авторами отмечается необходимость комплексного правового регулирования общественных отношений в сфере противодействия семейному насилию и потребность в разработке сбалансированного и учитывающего интересы личности, общества и государства федерального закона о профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений в Российской Федерации. На основе анализа действующего зарубежного законодательства об административной ответственности за семейное насилие вносятся предложения по совершенствованию российского законодательства об административных правонарушениях в части закрепления в КоАП РФ квалифицирующего признака, а именно побоев, совершенных в отношении лиц, состоящих с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях.

Ключевые слова: защита семьи, семейно-бытовые отношения, законодательство об административных правонарушениях, противодействие семейному насилию, личная безопасность граждан в семье.

M.A. Buchakova, *Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor*
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: mbuchakova@mvd.ru;
A.A. Gaidukov, *Candidate of Juridical Sciences*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: gaidukow28@mail.ru

PROBLEMS OF IMPROVING THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE

The article discusses the development of legislation in the countering domestic violence in the Russian Federation, its compliance with international legal standards, provides a comparative legal description of laws on countering domestic violence in other states. The authors note the need for a comprehensive legal regulation of public relations in the countering domestic violence and the need to develop a balanced and responsive federal law on countering domestic violence in Russia. Proposals are being made to improve the Russian legislation in terms of securing a qualifying attribute in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, namely beatings committed in relation to persons who are involved in family and domestic relations with the offender.

Key words: family protection, family-domestic relations, legislation on administrative offenses, counteraction to domestic violence, personal safety of citizens in the family.

Конституция Российской Федерации гарантирует государственную поддержку и защиту семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 7, 38). Проводимая в соответствии с конституционными нормами социальная и семейная политика государства основывается на том, что семья выступает фундаментальной ценностью современного российского общества и исходит из необходимости ее укрепления и формирования семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности.

Несмотря на осуществляемые государством меры по укреплению ценности семейных отношений, современные реалии свидетельствуют о фактах повсеместной распространенности семейного насилия в России. Количество ежегодно регистрируемых сообщений о фактах семейного насилия составляет около 40% от общего числа поступивших в органы внутренних дел обращений, а каждый пятый из числа лиц, состоящих на профилактическом учете в МВД России, является лицом, совершившим правонарушение в сфере семейно-бытовых отношений [4, с. 3]. В эту статистику входят как преступления: убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, так и административные правонарушения, прежде всего побои. Проведенные социологические опросы населения России относительно семейного насилия свидетельствуют об обеспокоенности, особенно среди женского населения, стать жертвой насилия в семье. Так, согласно данным опроса ВЦИОМ, проведенного в 2018 г., «угрозу стать жертвой насилия в семье видят 38% респондентов, среди женщин эта доля возрастает до 49%» [1]. Экспертами, занимающимися вопросами семейного насилия, кроме того, отмечается высокая латентность совершаемых правонарушений. Жертва насилия зачастую не обращается в правоохранительные органы, скрывая факт совершенного противоправного деяния со стороны членов семьи. Факты и различные способы проявления семейного насилия отрицательно влияют как на дальнейшие взаимоотношения в семье, так и негативно сказываются на формировании психики детей. Поэтому противоправные деяния в семейно-бытовой сфере представляют общественную опасность, которая заключается не только в причинении физического и психического вреда здоровью и жизни человека, она в целом попирает естественное неоспоримое право человека на личную безопасность. Последствиями насилия в семье являются распад семьи, прекращение межличностного общения между ее членами, разлагающее и психотравмирующее воздействие на детей, сложная социальная адаптация подростков и суицидальное поведение.

Особенность защиты семьи от преступлений и административных правонарушений предполагает использование комплекса необходимых инструментов правового регулирования с учетом специфики сферы семейно-бытовых отношений. Особенность рассматриваемой сферы предопределяет вопрос об адекватности действующего законодательства в сфере административной и уголовной ответственности, общественной опасности совершенных правонарушений и потребности общества по совершенствованию правовых норм в целях развития института семьи. Приоритетность государственной политики в исследуемой сфере закреплена в поправках в Основной закон, к числу которых относится поддержка детей. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, обеспечивая приоритет семейного воспитания (ч. 4 ст. 67.1). Следует отметить, что защита семьи, института брака, осуществление совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «ж» 1 ч. 1 ст. 72). Кроме того, в непосредственные полномочия Правительства Российской Федерации входят «…поддержка, укрепление и защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей» (ст. 114) [11]. Указанные новеллы законодательства еще раз свидетельствуют о том, что государство выступает гарантом поддержки семьи как одного из важнейших социальных институтов современного общества и способно обеспечить эффективную систему противодействия домашнему насилию.

Конституционные положения о защите семьи, материнства и детства основываются на общепризнанных принципах и нормах международного права. Так, во Всеобщей декларации прав человека семья признана естественной и основной ячейкой общества, обладающей правом на защиту со стороны как государства, так и общества от различного рода правонарушений [2]. В 1979 году была принята Конвенция ООН «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» [8]. В 1992 году в «Общих рекомендациях» Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин к названной Конвенции насилие в отношении женщин называется одной из форм дискриминации [19]. Создан и действует Комитет Организации Объединенных Наций по ликвидации дискриминации в отношении женщин («Комитет CEDAW»). В 1993 году Генеральной Ассамблеей ООН была провозглашена Декларация о ликвидации насилия в отношении женщин [3]. Эти основополагающие международные документы направлены на защиту женщины, ее прав и свобод.

11 мая 2011 г. была принята Советом Европы Конвенция о предупреждении и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье («Стам-

бульская конвенция»), вступившая в силу 1 августа 2014 г., однако Россия до настоящего времени к ней не присоединилась. В данном документе представляет интерес определение понятия «насилие в отношении женщин», согласно которому «внутреннее насилие» трактуется как «все акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, которые происходят в семье или между бывшими или нынешними супругами или партнерами, независимо от того, разделяет ли преступник одно место жительства с жертвой» [9]. Как видим, действует международный контрольный механизм защиты женщин от домашнего насилия, тем не менее насилие в семье по-прежнему остается острой проблемой всего мирового сообщества.

Европейский суд по правам человека является судебным органом, в который обращаются граждане государств, присоединившихся к Конвенции о защите прав человека и основных свобод [7]. За последние годы данным органом было вынесено несколько десятков постановлений по вопросам семейного насилия в защиту граждан различных стран. Рассмотрение дел в суде по семейному насилию основывается на практике международных органов: Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин и Межамериканской комиссии по правам человека, которые домашнее насилие само по себе признают формой дискриминации в отношении женщин. При таком подходе признание дискриминации не связано с наличием определенного умысла или специального намерения, а основывается на распространенности проблемы насилия в семье, а также частого бездействия государственных органов как основной реакции на обращения в связи с противоправными действиями. Европейский суд по правам человека считает, что декриминализация побоев приводит к ощущению безнаказанности, а российское законодательство в принципе не приспособлено к защите жертв домашнего насилия – не только физического, но и психологического и экономического [16].

Актуальность проблематики семейного насилия в современном мире привела к тому, что более чем в 60 государствах, в таких как США, Германия, Великобритания, Китай, были приняты специализированные законы о предупреждении семейно-бытового насилия. Кроме принятия отдельных законов о противодействии семейному насилию, в государствах вносятся соответствующие нормы в законодательство об административных правонарушениях. Так, например, в Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях семейное насилие рассматривается в двух аспектах и представляет собой психическое и физическое воздействие на права личности и предусматривает несколько составов: ст. 73 «Противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений», ст. 73-1 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью», ст. 73-2 «Побои» [6].

В 2013 году ст. 9.1 КоАП Республики Беларусь «Умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия» была дополнена ч. 2, предусматривающей административную ответственность за нанесение побоев, не повлекших причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершенных в отношении близкого родственника либо члена семьи. Данный состав был внесен в главу 9 КоАП РБ «Административные правонарушения против здоровья, чести и достоинства человека, прав и свобод человека и гражданина». В 2016 году за совершение таких деяний к административной ответственности были привлечены 30 104 правонарушителя [17].

В Республике Узбекистан был принят закон от 2 сентября 2019 г. № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия». В данном нормативном правовом акте были установлены виды насилия над женщиной, в т.ч. в семье, и определены индивидуальные меры предупреждения притеснения и насилия в отношении женщин. К ним относятся: проведение профилактической беседы; выдача охранного ордера; размещение в специальные центры по оказанию помощи жертвам притеснения и насилия; прохождение коррекционных программ по изменению насильственного поведения [15].

В Китае установлена как уголовная, так и административная ответственность за домашнее насилие. Вступивший в силу с 1 марта 2016 г. закон Китайской Народной Республики (далее – КНР) «О борьбе с домашним насилием» конкретизирует насильственные действия правонарушителя в семье. К ним относятся нанесение побоев, увечий, связывание, ограничение свободы, повседневные оскорбления, угрозы и другие действия, наносящие физический и моральный вред. Конституция КНР в ст. 49 указывает, что семья находится под охраной государства. Запрещается жестокое обращение со стариками, женщинами и детьми [10]. Согласно ст. 43 Закона КНР «О браке» в случае домашнего насилия или жестокого обращения со стороны супруга пострадавшие вправе обратиться за помощью в комитеты городского и сельского населения, которые должны оказать необходимое воздействие и провести медиацию конфликта. В случае непосредственного применения домашнего насилия пострадавшая сторона вправе обратиться в органы общественной безопасности, которые обязаны прекратить домашнее насилие. При обращении стороны, пострадавшей от домашнего насилия или жестокого обращения, органы общественной безопасности должны применить административное наказание в соответствии с положениями законодательства об

административных наказаниях за нарушение общественного порядка [12, с. 80].

К сожалению, проект Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», внесенный в Государственную Думу Совета Федерации РФ в ноябре 2019 г., принят не был по нескольким причинам. Во-первых, в связи с разностью подходов экспертов и ученых к пониманию насилия в семье и его опасности для общества. Во-вторых, из-за недостаточной разработанности механизма его реализации применительно к российским реалиям.

Актуальность представленной проблематики обусловлена также тем, что поэтапная декриминализация побоев в итоге привела к снижению количества совершенных преступлений в сфере семейно-бытовых отношений за счет привлечения граждан к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои». По данным ГИАЦ МВД России, за январь-ноябрь 2019 г. было совершено 24 737 преступлений в сфере семейно-бытовых отношений. Количество совершенных административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП, за 2019 год составило 252 888 [5]. Однако информация о том, сколько их было совершено в семейно-бытовой сфере, отсутствует.

Следует обратить внимание на тот факт, что законодатель не сразу включил сферу семейно-бытовых отношений под защиту норм законодательства об административных правонарушениях. Процесс частичной декриминализации побоев и перевод их в разряд административных правонарушений был инициирован Верховным Судом Российской Федерации. На первом этапе декриминализации Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ в КоАП РФ был введен новый состав, предусмотренный ст. 6.1.1, который устанавливал административную ответственность за побои. При этом одномоментно была усилена уголовная ответственность за побои в отношении близких лиц. Законодателем был выделен специальный субъект совершения преступления. В примечании к ст. 116 УК РФ указывался исчерпывающий перечень близких лиц, определявших круг семейно-бытовых отношений. К ним относились «близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки), опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, или лица, ведущие с ним общее хозяйство» [13].

Только на втором этапе декриминализации в результате вступления в силу Федерального закона от 7 февраля 2017 г. «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» лицо, состоящее в семейно-бытовых отношениях с потерпевшим, впервые совершившее побои, привлекалось к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ [14].

По мнению законодателя, разграничение административной и уголовной ответственности за совершение побоев позволит надлежащим образом реагировать на факты семейного насилия, противоправного поведения нерадивых родителей и других лиц, склонных к постоянным угрозам или систематическому совершению насильственных действий.

Таким образом, в настоящее время прослеживается отчетливая тенденция, направленная на минимизацию вовлечения граждан, состоящих в семейно-бытовых отношениях, в сферу уголовной политики государства за счет приоритета превентивных мер профилактического воздействия и привлечения к административной ответственности лиц, допускающих правонарушения в семейно-бытовой сфере.

Следует отметить, что декриминализация побоев была неоднозначно воспринята в современном российском обществе, нашлись как сторонники, так и противники, требовавшие усиления уголовной ответственности за насилие в семье. Так, по мнению В.И. Торговченкова, «установление административной ответственности за совершение побоев не только не снизит нагрузку правоохранительных органов, но и увеличит ее, поскольку, если ранее в полиции выносились по таким фактам постановления об отказе в возбуждении уголовных дел, то теперь по каждому придется проводить полноценное расследование с последующим направлением материалов в суд» [18, с. 86].

Действительно, с одной стороны, декриминализация побоев выступает эффективным инструментом в части смягчения мер уголовной репрессии и обеспечения защиты прав и свобод граждан. По всей видимости, этот аргумент являлся основным при принятии данного закона. Однако спустя несколько лет учеными высказываются мысли о необходимости ужесточения наказания в отношении правонарушений, совершенных на семейно-бытовой почве.

С учетом современных реалий полагаем, что недостатком ст. 6.1.1 «Побои» КоАП РФ является отсутствие специального субъекта, в отношении которого применяется данная норма. Уголовный кодекс Российской Федерации проводил такую дифференциацию, учитывая особый характер семейно-бытовых отношений, и придерживался поэтапности декриминализации побоев применительно к различным субъектам. Отсутствие специального субъекта в ст. 6.1.1 КоАП РФ создает сложности в установлении количества административных правонарушений, совершенных в семейно-бытовой сфере и, соответственно, влияет на возможности учета и эффективного ведения индивидуальной профилактической работы с лицами, допускающими правонарушения в семейно-бытовой сфере.

Таким образом, полагаем, что создание и конструирование отдельного состава за побои, совершенные в отношении лиц, состоящих с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, представляется необходимым, т.к. в процессе реформирования уголовного и административного законодательства в части декриминализации побоев образовалась правовая пустота, которую необходимо заполнить. Защита личности от противоправных посягательств обусловливает необходимость совершенствования российского законодательства. В этой связи существует потребность в разработке сбалансированного, учитывающего интересы личности, общества и государства федерального закона о противодействии семейному насилию.

Литература

1. Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9478.

2. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Права человека: сборник международных договоров. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1978. С. 1-3.

3. ГА ООН. Резолюция 48/104 от 20 декабря 1993 г. URL: http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/ViolenceAgainstWomen.aspx (дата обращения: 17.05.2020).

4. Гайдуков А.А. Административно-правовое регулирование деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Омск, 2018. 22 с.

5. Главный информационный аналитический центр МВД России. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=ReglDocs&go=ViewDoc&fid=577.

6. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31577399.

7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (заключена 18 декабря 1979 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (CETS № 210) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Конституция Китайской Народной Республики. URL: https: //chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2004_russian/ (дата обращения: 17.05.2020).

11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Ксинг Хонгмэй. Закон о борьбе с домашним насилием в Китае: этапы разработки и необходимость принятия // Российское правосудие. 2012. № 1. С. 77-82.

13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс]: федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 326-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 7 февраля 2017 г. № 8-ФЗ // Российская газета. 2017. 10 февр.

15. О защите женщин от притеснения и насилия: Закон Республики Узбекистан от 02.09.2019 № ЗРУ-561. URL: https: //lex.uz/ru/docs/4494712.

16. По делу «Володина (Volodina) против России»: постановление ЕСПЧ от 9 июля 2019 г. (жалоба № 41261/17). URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=002-12549 (дата обращения: 16.05.2020).

17. Предупреждение правонарушений в быту // Официальный сайт МВД Республики Беларусь. URL: http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=13911.

18. Торговченков В.И. К вопросу о внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, предложенных Верховным Судом России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 1. С. 79-86.

19. The CEDAW Committee's General Recommendation No. 19 on violence against women, (1992) UN Doc. CEDAW/C/1992/L.1/Add.15 at § 24(a). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw_handbook/cedaw_rec19.pdf (дата обращения: 17.05.2020).

УДК 342.92

Е.С. Кожуховский
адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: dober0605@gmail.com

ПОНЯТИЯ И СООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИЙ «ПРОФИЛАКТИКА» И «ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ»

В статье рассматривается проблема соотношения правовых категорий «профилактика» и «предупреждение». Автором проведен анализ лексического значения рассматриваемых слов. На основании полученных выводов автор приходит к заключению, что использование понятий «профилактика» и «предупреждение» по отношению к правонарушениям в качестве синонимов создает ложное впечатление о тождественности этих видов деятельности. В результате одни действия могут подменять другие, тем самым искажая их смысл.

По мнению автора, рассматриваемые понятия соотносятся как часть и целое: профилактика правонарушений включает в себя их предупреждение. На основании проведенного анализа действующего законодательства предложено определение предупреждению правонарушений.

Ключевые слова: значение, понятие, профилактика, предупреждение, слово, смысл, термин, этимология.

E.S. Kozhukhovskiy
postgraduate student of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: dober0605@gmail.com

CONCEPT AND RELATIONSHIP OF CATEGORIES «PREVENTION» AND «WARNING»

The article deals with the problem of correlation of the legal categories «prevention» and «warning». The author analyzes the lexical meaning of the words under consideration. Based on the findings, the author concludes that the use of the concepts «prevention» and «warning» in relation to offenses as synonyms creates a false impression of the identity of these activities. As a result, some actions can substitute for others, thereby distorting their meaning. According to the author, these concepts are related as a part and a whole: prevention of offenses includes their prevention. Based on the analysis of current legislation, a definition of crime prevention is proposed.

Key words: meaning, concept, prevention, warning, word, meaning, term, etymology.

Не вызывает сомнения то обстоятельство, что действия, отклоняющиеся от общепринятых норм поведения, существуют со времен появления первых форм общежития. Уже на первых этапах формирования общественного устройства человечество понимало, что преступность, как и иное противоправное поведение человека, невозможно победить, искоренить полностью. Необходимость принятия дополнительных мер по противодействию преступности, помимо наказания, способствовала формированию таких категорий, как «профилактика» и «предупреждение».

Изучение правовых категорий «профилактика» и «предупреждение» следует начать с этимологического анализа (истории происхождения) слов как структурных единиц языка, служащих для наименования этих понятий.

Происхождение слов «профилактика» и «предупреждение» разное. «Предупреждение» (извещение, предостережение) является русским словом, означающим единичное действие по значению глагола «предупреждать» (заранее информировать, предостерегать, предпринимать меры) [15, с. 117], а «профилактика» (совокупность предохранительных мероприятий) образовано от греческого слова πρόφύλακτικός – предохранительный [14, с. 416].

Несмотря на важность этимологии, представляется справедливой идея, что, анализируя те или иные понятия, необходимо обращать внимание в первую очередь не на их происхождение, а преимущественно на их значение, на ту информацию, которую они несут как единицы языка; т.е. то ментальное содержание, которое вызывает слово в сознании носителей языка.

Говоря о ментальности как об образе мысли и значении слов, о том, что приходит на ум, когда мы слышим слова «профилактика» и «предупреждение», необходимо отметить следующее.

Слово «профилактика», произнесенное без законченной в смысловом отношении части устной речи (контекста), ассоциируется в первую очередь с профилактикой заболеваний или медицинской профилактикой. Это вполне обоснованно, поскольку в другие области знаний понятие «профилактика» перешло именно из медицины [12, с. 456; 10, с. 281; 13, с. 453].

С предупреждением же при употреблении его без контекста связаны ассоциации с информацией о предостережении, о недопустимости каких-либо действий (предупреждающие знаки дорожного движения, предупреждающий гудок тепловоза, предупреждение родителем ребенка о наказании за плохое поведение и пр.).

Для раскрытия значения слов «профилактика» и «предупреждение» как единиц речи, служащих для выражения отдельной логически оформленной общей мысли о предмете, идее, отражающих их понимание в обыденной жизни (без привязки к какой-либо определенной сфере общественных отношений), необходимо обратиться к толковым словарям.

В толковых словарях при поиске значений слов «профилактика» и «предупреждение» обнаруживается сходство в их толковании, за исключением некоторых нюансов.

Анализируя понятие «предупреждение», можно прийти к выводу о наличии единого смысла, заключенного в нем. Предупреждение в толковых словарях С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой толкуется как извещение, предупреждающее о чём-либо, предостережение [13, с. 403; 20, с. 548]. В толковом словаре Д.Н. Ушакова предупреждение толкуется как предварительное извещение, предупреждающее замечание, и предостережение [19, с. 117]. При этом в словаре акцентируется внимание на единичности данного действия. Наиболее универсальное значение слова «профилактика» приведено в толковом словаре С.И. Ожегова – совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка [13, с. 378].

Слово «профилактика» употребляется часто в различных областях жизнедеятельности человека. Но где бы оно не употреблялось, во всех случаях имеет в себе общие компоненты – какой-либо комплекс действий (мероприятий), целью которых является поддержание нормального состояния объекта профилактики, а также устранение факторов риска (в медицине – вакцинация для предотвращения заболевания, замена моторного масла и масляного фильтра в автомобиле для поддержания исправного состояния и т.п.). Иными словами, профилактика представляет собой совокупность каких-либо мероприятий по предупреждению чего-либо нежелательного.

Таким образом, понятие профилактики шире, поскольку предупреждение является частью профилактики как одна мера из комплекса мероприятий по недопущению чего-либо нежелательного заранее принятыми мерами. Сама профилактика при этом является совокупностью (комплексом) действий, в числе которых находится и предупреждение. Предупреждение же в таком случае выражает различные действия, но по отдельности, без совокупности.

С учетом вышеизложенного, опираясь на значение этих слов, представленных в толковых словарях, можно прийти к следующему выводу. Несмотря на схожесть итоговой «цели» (предотвращение чего-либо нежелательного) и близкого значения обоих понятий, следует констатировать их различие в лексическом значении.

Кроме значения слова, важно и то, какой смысл вкладывает в него человек или общность людей. То

есть не что означает, а то, для чего служит слово – его назначение. Таким образом, условие употребления многозначных слов в правильном смысле будет соблюдаться лишь с учётом области, сферы его применения и в соответствии с его назначением в данной области. В результате слово приобретает форму термина, т.е. слова или словосочетания, являющихся названием некоторого понятия какой-либо области знаний. Как термины «профилактика» и «предупреждение» при употреблении людьми разных профессий для обозначения понятий, с которыми они имеют дело, могут приобретать и разные значения.

Поскольку оба этих понятия мы рассматриваем с юридической точки зрения, необходимо их изучение в качестве юридических терминов, т.е. специальных правовых категорий, употребляемых в сфере юридических наук. Термины фиксируются в словарях определенной области знаний – юридической, политической, философской и т.п. Значение юридических терминов надлежит искать в юридических словарях.

Так, большой юридический словарь [2, с. 567] связывает предупреждение с одной из принудительных мер, предусмотренных УК РФ, являющейся мерой воспитательного воздействия, оказываемой на лиц моложе 18 лет, которые впервые совершили преступления небольшой и средней тяжести, и состоящей в разъяснении им причиненного вреда и последствий повторного совершения преступлений. Второе значение словарем определяется как одна из мер административного взыскания, выражающаяся в официальном осуждении и предостережении от повторного совершения противоправных действий (ст. 3.4 КоАП РФ).

Тот же юридический словарь [2, с. 578] рассматривает профилактику применительно к преступности как предупреждение последней, как комплекс мероприятий по выявлению, ограничению и устранению факторов преступности как целого явления или отдельных ее видов, а также общественной опасности личности преступника.

Что касается рассматриваемых правовых категорий, стоит отметить, что их исследование находится прежде всего в области интересов науки о причинах преступности и способах борьбы с ней. Анализ определений профилактики и предупреждения преступности, используемых в криминологии, позволяет отметить их содержательное сходство. По нашему мнению, итоговая «цель» профилактики и предупреждения, имеющих семантическое значение «недопущение» преступлений, служит основанием для использования учеными-криминологами их в качестве синонимов.

В то же время, несмотря на определенную степень синонимичности рассматриваемых понятий в криминологии, анализ мнений представителей научного сообщества демонстрирует отсутствие единого мнения относительно соотношения понятий профилактики и предупреждения правонарушений. Так, данные понятия соотносятся по-разному: как тождественные (В.Н. Кудрявцев, Г.М. Миньковский, А.Б. Сахаров) или различные по смыслу (А.Г. Лекарь и А.Ф. Зелинский), как род и вид, как часть и целое. Так, по мнению А.И. Алексеева, «предупреждение» является родовым по отношению к понятиям «профилактика», «предотвращение» и «пресечение» [1, с. 23]. У А.И. Долговой профилактика выступает в качестве одной из стадий (этапов) предупреждения преступности, помимо ее предотвращения и пресечения [3, с. 285].

С.Е. Пролетенкова в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук рассматривает профилактику религиозного экстремизма как меру выявления, предупреждения, пресечения и последующего устранения его причин и условий [15, с. 145].

По мнению А.Г. Лекаря и А.Ф. Зелинского, данные понятия необходимо разводить. Разграничение их обосновано целями и задачами того или иного явления (деятельности). Так, предупреждение они определяют в качестве деятельности по воспрепятствованию совершению замышляемого или подготавливаемого конкретного преступления. Мероприятия же, которые направлены на выявление и устранение причин и условий совершения преступлений, ими определяются в качестве профилактики [7, с. 45; 4, с. 4].

Анализ научных взглядов на понимание данных правовых категорий позволяет сделать вывод о различных подходах к их содержанию. Единства мнений не наблюдается и в нормативно-правовых актах.

Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» профилактика экстремистской деятельности определяется как «…профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские, меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности» [11]. То есть профилактика в данном случае представляет собой отдельный вид деятельности, направленный на предупреждение правонарушений.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» противодействие коррупции определяет как «деятельность …по предупреждению коррупции, в том числе по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции)» [10]. Таким образом, профилактика коррупции является частью ее предупреждения.

Действующий КоАП РФ и вовсе определяет «предупреждение» в качестве меры административного наказания, которое находит свое выражение в

официальном порицании физического или юридического лица (ст. 3.4 КоАП РФ) [6]. Вместе с тем значение, придаваемое в данном случае юридическому термину «предупреждение», по нашему мнению, является наиболее близким по отношению к лексическому значению слова «предупреждение».

Понятие профилактики правонарушений содержится в статье 2 Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: «Профилактика правонарушений – совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения» [12]. Определение предупреждения правонарушений в названном законе не содержится.

Этим же федеральным законом предупреждение правонарушений относится к одному из основных направлений профилактики преступлений (п. 2 ч. 1 ст. 6 закона).

Реализация основных направлений профилактики правонарушений осуществляется в том числе посредством применения в соответствии с законодательством Российской Федерации специальных мер профилактики правонарушений административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-разыскного характера в целях предупреждения правонарушений (п. 9 ч. 2 ст. 6 закона). Применять специальные меры в пределах установленной компетенции уполномочены только должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации (ч. 3 ст. 6 закона).

Основанием для применения специальных мер профилактики правонарушений является решение суда или решение одного из субъектов профилактики правонарушений, имеющего право применения специальных мер профилактики (ч. 3 ст. 16 закона).

Специальные меры профилактики правонарушений применяются названными субъектами при выявлении правонарушений либо причин и условий, способствующих их совершению, а также лиц, поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер, или лиц, намеревающихся совершить правонарушение (ч. 2 ст. 16 федерального закона).

Соответственно, для применения специальных мер профилактики правонарушений требуется наличие поводов (наличие достаточных и предварительно подтвержденных сведений) и оснований (решение суда или решение одного из субъектов профилактики правонарушений, имеющих право на применение специальных мер профилактики) их применения, а также наличие юридически установленных фактов (обстоятельства, свидетельствующие о возможности совершения лицом правонарушения, – противоправное или антиобщественное поведение, намерение совершить правонарушение).

Вышеуказанное обстоятельство позволяет сделать вывод, что профилактика правонарушений с применением специальных мер профилактики и есть то самое предупреждение правонарушений, понятие которого отсутствует в анализируемом законе.

В силу этого правильным представляется мнение А.В. Коркина, который считает, что предупреждение правонарушений сотрудниками ОВД осуществляется преимущественно мерами административного принуждения. Данное обстоятельство А.В. Коркин считает основным отличием предупреждения правонарушений от их профилактики, меры которой не относятся к мерам государственного принуждения в отличие от предупредительных мер административного принуждения. Существенным отличием мер административного предупреждения от мер профилактики при этом является то обстоятельство, что первые содержатся исключительно в нормативных правовых актах по юридической силе на уровне федерального закона и выше, а меры профилактики могут содержаться также и в подзаконных нормативных правовых актах [5, с. 77].

Так, в статье 2 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» одним из направлений деятельности полиции определяется предупреждение и пресечение преступлений [9].

В пункте 4 ч. 1 ст. 12 «Обязанности полиции» Закона «О полиции» указано, что обязанностями полиции являются выявление причин преступлений и административных правонарушений и условий, способствующих их совершению, принятие в пределах своих полномочий мер по их устранению; выявление лиц, имеющих намерение совершить преступление, и проведение с ними индивидуальной профилактической работы; участие в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; участие в пропаганде правовых знаний [7].

Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [8] предупреждение преступлений органами внутренних дел определяется как деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленная на

недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением.

С учетом вышеизложенного мы приходим к следующим выводам:

1. Правовые категории «профилактика» и «предупреждение» правонарушений являются близкими, но не тождественными понятиями.

2. Категории «профилактика» и «предупреждение» соотносятся как часть и целое – предупреждение является частью профилактики.

3. Предупреждение правонарушений осуществляется отдельно взятыми приемами (специальные меры профилактики правонарушений), в то время как профилактика, являясь совокупностью мер (в т.ч. и предупреждения), воздействует на проблему в целом, а не на отдельные ее части, тем самым борясь с причинами, а не следствием. Таким образом, профилактика правонарушений является более широким понятием, включающим в себя и предупреждение правонарушений.

4. Предупреждение (недопущение совершения) правонарушений осуществляется на индивидуальном уровне, в то время как профилактика (совокупность мер, направленных на устранение причин и условий, порождающих и облегчающих совершение) правонарушений носит общий характер.

На основании сделанных выводов считаем необходимым внесение дополнения в статью 2 федерального закона об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации следующего содержания: «Предупреждение правонарушений – деятельность должностных лиц органов прокуратуры, следственных органов Следственного комитета, органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов Российской Федерации по применению специальных мер профилактики правонарушений административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-разыскного характера при выявлении правонарушений либо причин и условий, способствующих их совершению (общее предупреждение преступлений), а также в отношении лиц, поведение которых носит противоправный или антиобщественный характер, или лиц, намеревающихся совершить правонарушение, в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения (индивидуальное предупреждение преступлений), если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации».

Литература

1. Алексеев А.И. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы: монография. М., 2001.

2. Большой юридический словарь / авт.-сост. А.Б. Борисов. М., 2012. 848 с.

3. Долгова А.И. Криминология. М.: Норма, 2016. 368 с.

4. Зелинский А.Ф. Значение норм уголовного права для предупреждения преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. 19 с.

5. Коркин А.В. Соотношение мер профилактики и предупреждения в административной деятельности полиции // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2016. № 5-1.

6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

7. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. М.: Юрид. лит., 1972. 102 с.

8. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 (вместе с «Инструкцией о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

10. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

11. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

УДК 351.74
О.В. Меженина, *канд. ист. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: mow77@mail.ru

ПОСТУПЛЕНИЕ НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Служба в органах внутренних дел обладает рядом особенностей по сравнению с иными видами профессиональной трудовой деятельности. Поэтому действующим законодательством предусматривается строгий профессиональный отбор для лиц, поступающих на службу в полицию. В статье анализируется проблема правового регулирования возникновения служебных правоотношений в данной сфере деятельности, уделяется отдельное внимание характеристике квалификационных требований и некоторым ограничениям, препятствующим замещению гражданами должностей в органах внутренних дел. Автор предпринял попытку на основе легальных источников и примеров судебной практики выявить противоречия, возникающие в процессе поступления граждан на службу в полицию, на основании чего предложены обоснованные пути решения данных проблем на законодательном уровне. Был сделан вывод о том, что для снижения уровня конфликтности при отборе кандидатов необходимо конкретизировать процессуальные нормы, регулирующие поступление в органы внутренних дел. В целях усиления открытости процедуры отбора на службу предлагается расширить перечень лиц, для которых процессу заключения контракта предшествует проведение конкурса.

Ключевые слова: органы внутренних дел, квалификационные требования, конкурсный отбор, полиция, государственная служба, контракт, судебная практика, сотрудник.

O.V. Mezhenina, *Candidate of Historical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: mow77@mail.ru

ENTRY INTO SERVICE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF RUSSIA: SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

The service in the internal affairs bodies has a number of features compared to other types of professional work. Therefore, the current legislation provides for strict professional selection for people entering the internal affairs bodies. The article analyzes the problem of legal regulation of the occurrence of official legal relations in this field of activity, pays special attention to the characterization of qualification requirements and some restrictions that impede citizens from filling positions in the internal affairs bodies. The author made an attempt, on the basis of legal sources and examples of judicial practice, to identify contradictions that arise in the process of citizens joining the police service, on the basis of which reasonable methods for solving these problems at the legislative level are proposed. It was concluded that in order to reduce the level of conflict in the selection of candidates, it is necessary to specify the procedural rules governing admission to the internal affairs bodies. In order to enhance the openness of the selection procedure for the service, it is proposed to expand the list of persons for whom the process of concluding a contract is preceded by a tender.

Key words: internal affairs agencies, qualification requirements, competitive selection, police, public service, contract, judicial practice, employee.

Согласно ч. 4 ст. 32 Конституции каждый гражданин РФ имеет право на равный доступ к государственной службе, это значит, что у него есть возможность поступать на службу в органы внутренних дел (далее – ОВД) [8]. Однако эта сфера деятельности требует не только профессионализма, но и наличия хорошей физической подготовки, психической устойчивости и высоких моральных качеств. Служба в полиции осуществляется на основе ряда нормативно-правовых актов, важнейшим из которых является Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе) [19].

После его принятия в отечественной науке наблюдался подъем в изучении порядка поступления и прохождения службы в органах внутренних дел. Так, под углом зрения ученых на сегодняшний день находятся исследования различных внутрислужебных вопросов, начиная от теоретического анализа контракта с сотрудником ОВД и заканчивая проблемами увольнения и применения дисциплинарных взысканий [8, 9, 13, 14]. Среди них есть и работы, посвященные порядку поступления граждан на службу, анализу законодательной базы в этом направлении [5, 12, 25]. Это неудивительно, т.к. взаимоотношения между органом внутренних дел и гражданином начинаются с процедуры приема на службу. Однако на этом этапе не всегда совпадают интересы сторон и возможны конфликтные ситуации, в связи с этим изучение процесса отбора в этой сфере деятельности по-прежнему остается актуальным. Поэтому в рамках данной статьи затронем некоторые аспекты поступления на службу с целью выявить возникающие на практике проблемы и противоречия.

Исходя из принципов службы в ОВД, закрепленных в статье 4 Закона о службе, необходим строгий профессиональный отбор, в ходе которого осуществляется ряд мероприятий, их характеристика подробно представлена в Приказе МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 (далее – Приказ МВД) [22]. В статье 9 Закона о службе законодатель определил необходимость соответствия претендента квалификационным требованиям. Одним из них является уровень образования, он привязан к конкретным должностям в ОВД. Специальное высшее образование предусмотрено как обязательное для должностей старшего и высшего начальствующего состава. Лица, занимающиеся расследованием, рассмотрением дел об административных правонарушениях, расследованием или организацией расследования уголовных дел либо проведением антикоррупционных и правовых экспертиз, также должны иметь высшее юридическое образование. Следует заметить, что такие строгие требования к специальному образованию сам же законодатель смягчает, определяя возможность в «исключительных случаях и на условиях, устанавливаемых федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел» назначать на эти должности лиц, имеющих другое высшее образование и опыт работы (ч. 3 ст. 9 Закона о службе). Какие это случаи и какие конкретно условия должны быть при этом, он не определяет, что дает, на наш взгляд, достаточно субъективную картину при отборе претендента на должность. Полагаем, что в ч. 3 ст. 9 норма о необходимости высшего юридического образования для названных должностей должна носить императивный характер, поскольку качественное выполнение должностных обязанностей при их замещении невозможно без специальных знаний. В отношении двух начальных ступеней службы в ОВД вполне логично, что законодатель минимизирует требования к образованию, т.к. это повышает привлекательность данной профессиональной деятельности в глазах рядовых граждан. При этом следует согласиться с рядом ученых о необходимости повышения образовательного ценза для сотрудников ОВД [5, с. 238; 12, с. 319]. Не вызывает вопросов такое квалификационное требование, как стаж службы в органах внутренних дел и стаж (опыт) работы по специальности. Как и в случае с федеральными гражданскими служащими, это требование к стажу рассматривается в подзаконных актах [6, 22].

В отношении сотрудника ОВД допускаются правоограничения, это проявляется, в частности, в том, что при отборе на службу некоторые обстоятельства его личной жизни могут стать преградой для карьеры в этой области. Речь идет о положениях ч. 5 ст. 17 и ст. 14 Закона о службе, в которых рассмотрены данные противопоказания. Они в целом аналогичны ограничениям, данным государственным гражданским служащим, однако некоторые аспекты в последние годы пересматривались [15]. Так, до 2017 г. требование отсутствия судимости у потенциального сотрудника толковалось широко. В пункте 41 Инструкции о порядке отбора граждан Российской Федерации и приема документов для поступления на службу в органы внутренних дел РФ Приказа МВД России от 18 июля 2014 г. № 595 (ныне утратил силу) говорилось, что наличие у родственников кандидата судимости могло привести к отказу в приеме на службу в ОВД [16]. Судя по формулировке, тогда достаточно было для этого отказа самостоятельного решения руководителя, что, несомненно, вносило немалый элемент произвола в процесс возникновения служебных отношений в ОВД. Неудивительно, что такая ситуация разрешилась в итоге в судебном заседании Верховного Суда, в котором пункт 41 названной Инструкции был признан недействующим [17]. В ныне действующем

приказе МВД подобной неоднозначной нормы нет [22].

Тем не менее по-прежнему некоторые судебные решения и отказы в приеме на службу в ОВД носят дискуссионный характер. Так, по материалам дела № 33А-347/2014 гражданина не приняли на службу по тем основаниям, что по базе Управления ГИБДД ГУ МВД России по СК имелись сведения о наличии у него административных штрафов за нарушение ПДД за последние пять лет. Вполне логично, на наш взгляд, что истец считал этот отказ неправомерным, т.к. он привлекался к административной ответственности не в судебном порядке, как того требует п. 3 ч. 5 ст. 17 Закона. Однако подобные доводы заявителя, по мнению судебной коллегии, не являлись «основанием к отмене решения, так как не меняли правовой судьбы рассматриваемого вопроса. Принятие решения о соответствии кандидата на службу в органы внутренних дел требованиям, предъявляемым законом, отнесено к компетенции и усмотрению уполномоченного руководителя. Суд не вправе оценивать целесообразность принятия такого решения» [1]. Как видим, практика отбора на службу продолжает изобиловать субъективизмом руководства ОВД, что может приводить, по сути, к невозможности доказать в суде случаи дискриминации. Отсюда вполне резонно внести уточнение в статью 17 Закона о службе о том, что привлечение гражданина во внесудебном порядке к административному наказанию не является препятствием для поступления на службу в ОВД России.

Согласно п. 9 ч. 1 ст. 14 Закона и в соответствии с ч. 9 ст. 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» причиной отказа в приеме на службу в ОВД может стать предоставление заведомо недостоверных или неполных сведений, например сведений о доходах [18]. Причем понятие «заведомо недостоверные» может также трактоваться произвольно. Так, гражданина N не рекомендовали для приема на службу в ОВД, т.к. кандидатом были предоставлены недостоверные сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а именно: была завышена площадь дома, не была предоставлена информация о транспортном средстве, принадлежащем истцу. Причем на судебном заседании заявлено, что «коррупционной направленности в действиях истца не было, недостоверные сведения были представлены по ошибке». Тем не менее судебная коллегия посчитала отказ в приёме на службу гражданина N правомерным [3]. Таким образом, отбор на службу в ОВД России производится на основе изучения личности конкретного кандидата и носит индивидуальный характер, что зачастую приводит к вольному трактованию действующего законодательства. Поэтому полагаем, что в случае отсутствия у претендента на должность корыстного намерения скрыть свои доходы, например вследствие ошибочности заполнения декларации, подобные «недостоверные сведения» нельзя рассматривать как коррупционное проявление, за которым следует отказ в принятии на службу в ОВД России. Во избежание судебных споров было бы уместно, на наш взгляд, законодателю внести подобную оговорку в п. 9 ч. 1 ст. 14 Закона о службе.

Важным этапом при поступлении в ОВД является прохождение претендентом психофизиологических исследований. Это аргументировано тем, что среди сотрудников полиции необходимо исключить разного рода девиации, в т.ч. не допускать на службу лиц, страдающих алкогольной и наркотической зависимостью [23]. На данном этапе кандидату устанавливают категорию профессиональной психологической пригодности, для определения которой выявляют не только эмоциональную устойчивость претендента, но и интеллектуальный уровень развития. Как показывает судебная практика, простого отсутствия алкогольной и наркотической зависимости недостаточно для принятия положительного решения в отношении кандидата. Вот как был охарактеризован претендент на службу в ОВД после психологических исследований: «малосамостоятельный человек, который не ставит перед собой определенных целей, имеется потребность в поддержке и руководстве к действию, не планирует будущее и не прогнозирует свои поступки и т.д.» [4]. В данном случае суд согласился с решением об отказе в приеме на службу в ОВД и не удовлетворил иск отвергнутого кандидата. Следует признать, что подобные заключения зачастую могут быть необъективны хотя бы потому, что психология не является точной наукой. Отсюда предлагаем проводить психологические тестирования и исследования в отношении кандидатов, поступающих на службу в полицию, двумя независимыми экспертными комиссиями, что исключит возможность давления на комиссию со стороны руководства. При этом в утвержденные Правительством РФ правила профессионального психологического отбора на службу в ОВД России надо внести соответствующие дополнения [23].

Новеллой в законодательстве стало появление с 2010 г. в системе МВД России института личного поручительства сотрудника ОВД за кандидата, поступающего на службу. Согласно ч. 7 ст. 17 Закона о службе личное поручительство оформляется на лицо, поступающее на службу. Его суть состоит в письменном обязательстве действующего сотрудника, имеющего стаж работы не менее трех лет, о том, что он ручается за соблюдение указанным лицом запретов и ограничений, установленных в ОВД России. По поводу данного института в литературе встречаются очень категоричные суждения, когда институт лично-

го поручительства на поступающего сотрудника напрямую сравнивают с проявлением «приспособленчества» на службе, когда авторитетное должностное лицо приобретает лично преданного ему подчиненного. Как пишет Е.А. Глухов, «говоря о каком-то конкретном чиновнике, прежде всего спрашивают, чей он или кто за ним стоит», иными словами, в коллективе появляются «свои люди», в такой ситуации «возникает свой корпоративный дух, своя мораль и этика, где приспособленчество является одним из критериев успешной работы», а межличностные отношения воспроизводят схему «свой – чужой» [7]. Иного мнения придерживается Министр внутренних дел РФ В.А. Колокольцев, который в своем интервью несколько лет назад отметил, что институт личного поручительства – наоборот, «борьба с так называемым телефонным правом, когда по звонку одного «уважаемого человека» назначался на должность другой «хороший человек». Логика простая: рекомендуешь человека – делай это открыто и публично». По его мнению, главной целью введения данного института стали «повышение ответственности руководителей органов внутренних дел за принимаемые кадровые решения, предотвращение возможности формирования коррупционных связей и устранение коррупционных рисков, улучшение качества отбора кандидатов на службу» [10].

В процессе изучения данного института нас заинтересовали результаты проведенного анкетирования сотрудников полиции Н.И. Разуваевой. Так, чуть более половины респондентов по итогам ее исследования положительно относятся к данному институту, следующая треть опрошенных сотрудников посчитали личное поручительство за кандидатов на службу «формальной процедурой, связанной с заполнением необходимых документов», которая «не оказывает никакого влияния на процедуру подбора кадров на службу в органы внутренних дел». 16,8% сотрудников высказали мнение, что рассматриваемый институт «значительно усложняет процедуру подбора кадров, способствует развитию коррупционных проявлений со стороны сотрудников ОВД» [26, с. 74-75]. Таким образом, мнения разделились практически наполовину. В этой связи нам представляется достаточно взвешенной позиция самого ученого. В частности, она предлагает либерализацию данного института, а именно, сделать его статус необязательным, «факультативным элементом процедуры подбора кадров в органы внутренних дел, предоставив право ручаться за кандидата не только действующим сотрудникам полиции, но и ветеранам МВД России, членам общественных советов при органах внутренних дел…» [26, с. 76].

Однако как бы мы ни относились к этому явлению, институт поручительства отражен в законодательстве, он задействован при возникновении внутрислужебных правоотношений, и поэтому нам интересны ответы и на другие вопросы: насколько механизм личного поручительства эффективен, существуют ли последствия для поручителя в случае совершения какого-либо правонарушения лицом, поступившим на службу. Обратимся к судебной практике. Так, в период служебной деятельности гражданина Свидинского М.Г. его подчиненный, за которого при принятии на службу он дал личное поручительство, совершил преступление и был уволен. Свидинский М.Г. по результатам служебной проверки был признан виновным в неосуществлении должного контроля за соблюдением личным составом законности и служебной дисциплины, что послужило основанием для его увольнения. Суд, с одной стороны, поддержал Свидинского М.Г., посчитав, что наказание оказалось несоразмерным совершенному им поступку, а с другой – признал, что «вступая в должность… и принимая на себя особые обязанности в виде ответственности не только за свою деятельность, но и за поступки подчиненных, в том числе и путем поручительства за вновь принимаемых на службу лиц, Свидинский М.Г. обязан был предвидеть наступление негативных для себя последствий в случае совершения рекомендованным лицом дисциплинарного проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел». Следовательно, по мнению суда, Свидинским М.Г. как начальником и поручителем также совершен дисциплинарный проступок [24]. Таким образом, механизм института личного поручительства имеет некоторое действенное применение на практике, и целесообразно, на наш взгляд, его сохранить.

Итоговой стадией отбора на службу в ОВД следует признать принятие руководителем решения. Положительное решение может означать необходимость заключения с гражданином контракта или трудового договора с испытательным сроком, допуска к участию в конкурсе на замещение должности в органах внутренних дел, а также направления гражданина для поступления в образовательную организацию высшего образования системы МВД России для обучения по очной форме. Негативный исход проведенных плановых мероприятий отразится в отказе гражданину в приеме на службу в ОВД. О принятом решении руководитель сообщает в письменной форме кандидату в десятидневный срок со дня принятия решения. На практике данный процессуальный срок зачастую нарушается, а жалобы на это со стороны кандидатов, поступающих на службу в ОВД, не рассматриваются судами как нарушение их прав. Например, как отмечено в Апелляционном определении СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан, позднее получение «письменного

уведомления об отказе в приеме на службу не является основанием для возложения на ответчика обязанности заключить с ним контракт о прохождении службы». Истец «ошибочно полагает, что коль скоро он не получил в 10-дневный срок отказ в приеме на службу, он считается принятым. Такого последствия действующее законодательство не содержит» [2]. На наш взгляд, здесь наблюдается некоторая дискуссионность, которая требует изменения формулировки ч. 5 ст. 19 Закона о службе. Следует не только четко обозначить сроки предоставления решения, но и обязать на это представителя нанимателя в ОВД.

Кроме того, на практике лица, поступающие на службу в полицию, требуют объяснения причин в письменной форме. Суды при этом также не видят необходимости в разъяснении причин отказа в приеме на службу, т.к. ч. 4 и 5 ст. 19 Закона о службе не обязывают руководителя это делать [20]. Однако в данном случае было бы логичным применение ч. 5 ст. 64 Трудового кодекса РФ об обязательстве работодателя сообщать причину отказа в письменной форме [26]. Неисполнение данного требования является нарушением трудового законодательства. Несмотря на то что в отношении лиц, поступающих на службу в ОВД, действует специальное законодательство, думается, что конституционное право на труд должно реализовываться и в этой сфере деятельности. Поэтому в целях исключения возможной дискриминации считаем, что руководителя (или уполномоченное на это лицо) в итоговом решении следует обязать сообщать причину отказа кандидатам на замещение вакантных должностей в органах внутренних дел России.

По действующему законодательству основанием возникновения правоотношений на службе в ОВД является заключение контракта. В отличие от государственной гражданской службы, где поступлению на должность должен предшествовать конкурс (за редкими исключениями), на службе в ОВД контракт, как правило, заключается после назначения на должность. Конкурсный отбор предусмотрен в системе МВД, однако это происходит только при замещении небольшого перечня должностей. Все они имеют отношение к научно-образовательным учреждениям МВД России [21]. Полагаем, что публичный характер правоохранительной службы должен способствовать занятию приоритетного положения конкурсного отбора при замещении вакантных должностей в ОВД. Думается, что подобное изменение в законодательстве может не только повысить «прозрачность» отбора, снизить уровень коррупционных рисков, но и увеличить профессионализм сотрудников, престиж службы и доверие со стороны общества.

Подводя итог вышеизложенному, отметим позитивную динамику в развитии законодательства в отношении порядка поступления в органы внутренних дел. Вместе с тем следует обратить внимание законодателя на некоторую уязвимость лиц, поступающих на службу в полицию, в отношении трактовки квалификационных требований и условий поступления. Как показывает судебная практика, принятые в судах решения далеко не всегда оказываются бесспорными. Поэтому предлагается конкретизировать формулировки статей 9 и 17 Закона о службе и упорядочить процессуальные положения ч. 5 ст. 19, чтобы исключить возможные нарушения права гражданина на труд. Кроме того, с целью усиления престижа полиции России и снижения уровня возможной коррупции необходимо расширить перечень лиц, поступающих на службу в органы внутренних дел по результатам конкурсного отбора.

Литература

1. Апелляционное определение СК по административным делам Ставропольского краевого суда от 29 апреля 2014 г. по делу № 33А-347/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

2. Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 10 июля 2018 г. по делу № 33-13577/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 21.04.2020).

3. Апелляционное определение СК по гражданским делам Омского областного суда от 1 февраля 2017 г. по делу № 33-679/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Апелляционное определение СК по гражданским делам Челябинского областного суда от 2 сентября 2013 г. по делу № 11-9274/2013 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. Бялт В.С., Трифонов В.А. К вопросу о приеме на службу в органы внутренних дел Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 237-240.

6. Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 22 ноября 2012 г. № 1575 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 48. Ст. 6668.

7. Глухов Е.А. О приспособленчестве в органах власти // Гражданин и право. 2019. № 4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

8. Гришаков А.Г., Прибытко Ю.А. Контракт о прохождении службы в органах внутренних дел и его правовая природа // Алтайский юридический вестник. 2015. № 1 (9). С. 59-62.

9. Игбаева Г.Р. Контракт о службе в органах внутренних дел как административный акт // Евразийская адвокатура. 2017. № 5 (30). С. 98-101.

10. Интервью с В.А. Колокольцевым, Министром внутренних дел Российской Федерации, генерал-лейтенантом полиции // Законодательство. 2013. № 3 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 45. Ст. 445.

12. Маюров Н.П., Бантюков И.Б., Ороева О.Д. Институт отбора и приема граждан на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: теоретико-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 318-322.

13. Меняйло Л.Н., Меняйло Д.В. Увольнение сотрудника органов внутренних дел в связи с совершением проступка, порочащего честь // Перспективы развития институтов права и государства. 2019. № 4. С. 339-343.

14. Николаев А.Г. Основания расторжения контракта с сотрудником органов внутренних дел за дисциплинарные правонарушения // Право и государство: теория и практика. 2017. № 7 (151). С. 89-93.

15. О государственной гражданской службе в Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

16. О некоторых вопросах поступления граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 18 июля 2014 г. № 595 (утратил силу) // Российская газета. 2014. 1 окт. № 223.

17. О признании недействующим пункта 41 Инструкции о порядке отбора граждан РФ и приёма документов для поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, утверждённой приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 595: решение Верховного Суда РФ от 27 марта 2017 г. № АКПИ17-46 // Российская газета. 2017. 19 июня. № 131.

18. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

19. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (часть I). Ст. 7020.

20. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Орловой Екатерины Олеговны на нарушение ее конституционных прав частями 1 и 5 статьи 33 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции», а также частями 4 и 5 статьи 19 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 7 декабря 2017 г. № 2799-О. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

21. Об утверждении Порядка и условий проведения конкурса на замещение вакантной должности в органах внутренних дел Российской Федерации и Перечня должностей в органах внутренних дел Российской Федерации, назначение на которые осуществляется по результатам конкурса [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2013 г. № 174. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

22. Об утверждении Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 1 февраля 2018 г. № 50 (ред. от 20.04.2020). URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.04.2020).

23. Об утверждении Правил профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 6 декабря 2012 г. № 1259 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50 (часть VI). Ст. 7075.

24. Определение СК по гражданским делам Ленинградского областного суда от 12 февраля 2014 г. по делу № 33-725/2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

25. Разуваева Н.И. Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел (административно-правовые и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. 215 с.

26. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.72
Н.Н. Бугера, *канд. юрид. наук, доцент*
Волгоградская академия МВД России
E-mail: knn.76@mail.ru

НЕЗАКОННОЕ ПРОНИКНОВЕНИЕ В ЖИЛИЩЕ, ПОМЕЩЕНИЕ ЛИБО ИНОЕ ХРАНИЛИЩЕ КАК ПРИЗНАК ХИЩЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Незаконное проникновение в жилище либо в помещение или иное хранилище нередко выступает квалифицирующим признаком хищения. Анализ судебной практики показывает, что суды до сих пор сталкиваются с проблемой оценки данного признака. В работе изучается влияние обмана потерпевшего в случае незаконного проникновения в жилище на уголовно-правовую характеристику рассматриваемого общественно опасного деяния. В целях минимизации числа ошибок при квалификации преступления и формирования единообразной судебной практики предлагается внести изменения в действующее постановление высшей судебной инстанции по вопросу незаконного проникновения.
Ключевые слова: обман, незаконное проникновение, вторжение, хищение, помещение, жилище.

N.N. Bugera, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: knn.76@mail.ru

ILLEGAL ENTRY INTO A HOME, PREMISES OR OTHER STORAGE FACILITY AS A SIGN OF THEFT: THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Illegal entry into a home or into a room or other storage facility is often a qualifying sign of theft. The analysis of judicial practice shows that courts still face the problem of evaluating this feature. The paper studies the influence of deception of the victim in the case of illegal entry into the home on the criminal-legal characteristics of the socially dangerous act under consideration. In order to minimize the number of errors in the classification of crimes and the formation of uniform judicial practice, it is proposed to amend the current decision of the highest court on the issue of illegal entry.
Key words: deception, illegal entry, intrusion, theft, premises, housing.

При рассмотрении проблем, возникающих в процессе квалификации хищения чужого имущества, в судебной практике наиболее спорные вопросы связаны с установлением такого признака, как незаконное проникновение в жилище, помещение либо иное хранилище.

Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) дает определение понятия «жилище» в примечании к ст. 139, а терминов «помещение» и «хранилище» – в п. 3 примечания к ст. 158[1]. Отметим, что их законодательная трактовка и анализ у правоприменителя вызывают некую сложность при оценке конкретной практической ситуации. Не вступая в дискуссию по поводу предлагаемых учеными различных точек зрения на данные понятия, уделим внимание незаконному проникновению путем обмана.

Пленум Верховного Суда СССР в п. 9 Постановления от 5 сентября 1986 г. № 11 под проникновением понимает вторжение, которое может совершаться тайно, открыто, с преодолением препятствий или сопротивления людей, а также беспрепятственно, а равно с помощью приспособлений, позволяющих виновному извлекать похищаемые предметы без входа в жилище [12].

В пункте 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 под незаконным проникновением в жилище, помещение или иное хранилище следует понимать противоправное тайное или открытое в них вторжение для совершения кражи, грабежа или разбоя. Разъяснено также, что проникновение может иметь место и тогда, когда виновный похищает предметы без вхождения в указанные места [11]. Данный признак отсутствует в случаях, когда лицо оказалось в жилище, помещении или ином хранилище с согласия потерпевшего или лиц, под охраной которых находилось имущество.

Ни в одном из постановлений Пленума Верховного Суда РФ не говорится о незаконном проникновении путем обмана. Возникают вопросы: возможно ли квалифицировать действия виновного по признаку «незаконное проникновение», если будет установлено, что он проник в жилище, используя обман? Что означает фраза «с согласия потерпевшего»?

Вместе с тем в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46, устанавливая правила квалификации нарушения неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ), Верховный Суд РФ разъяснил, что неприкосновенность жилища возникает в случае, когда виновный незаконно проникает в жилище путем обмана или злоупотребления доверием, осознавая при этом, что действует против воли проживающего в нем лица [10].

Однако в теории уголовного права относительно квалификации преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, существует иная точка зрения. Отдельные авторы указывают, что способ проникновения в жилище может быть любым, но использование обмана или злоупотребления доверием не влечет состава преступления, закрепленного в ст. 139 УК РФ. Ученые признают, что в этих случаях виновный проникает в жилище по воле проживающего в нем лица, хотя оно и находилось в заблуждении по поводу тех или иных обстоятельств [7].

В.А. Новиков считает, что не оказывает влияния на квалификацию деяния способ незаконного проникновения в жилище, он может быть любым [9, с. 16-19]. А.Н. Красиков отмечает, что «преступным будет проникновение в жилище путем обмана» [8, с. 165].

А.П. Севрюков, раскрывая уголовно-правовую характеристику кражи, указывает, что проникновением должно признаваться появление в помещении путем обмана, в т.ч. с использованием фальшивых документов, например под видом курьера и т.д. Автор считает, что проникновение – это не самоцель, а способ получить доступ к чужому имуществу, которое виновный стремится похитить [17].

По мнению П.С. Яни, противоречие воли проживающего в жилище лица проявляется в прямом (физическом либо путем угроз) подавлении его сопротивления, тайном вторжении в его отсутствие, а также во вторжении путем обмана, когда виновный проникает в жилище под видом другого лица (как покупатель квартиры или под предлогом утолить жажду и т.п.) [19].

В ходе анализа судебной практики С.А. Елисеев определил возможные приемы проникновения в жилище и разделил их на группы [5, с. 141-142]. Отметим, что данный автор обман рассматривает как «специальный прием»[2], тогда как Е.В. Гертель замечает, что обман входит в психическое насилие, которое характеризуется действиями, направленными на подавление воли потерпевшего [4].

Возникают вопросы: связано ли вторжение путем обмана с подавлением воли потерпевшего? Можно ли

[1] В теории уголовного права понятиям «жилище», «помещение», «хранилище» посвящено много научных работ (см., напр.: Яни П.С. Квалификация хищений с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище: позиция судов // Законность. 2016. № 2. С. 38-43; Бояркина Н.А. О некоторых вопросах применения квалифицирующего признака «незаконное проникновение в жилище» // Сибирский юридический вестник. 2013. № 3 (62). С. 39-40 и др.).

[2] Возможные приемы проникновения: 1) проникновение путем взлома (устранение каких-либо преград или запоров); 2) проникновение с использованием специальных приспособлений или приемов (технических приспособлений, обмана, иных ухищрений); 3) проникновение путем свободного доступа (хищение из незапертых помещений). (См.: Елисеев С.А. Преступления против собственности: курс лекций. Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2018. С. 141-142.)

его отнести к разновидности психического насилия? Считаем, что обман как форма взаимодействия с потерпевшим не предусматривает подавления его воли и не является особой формой психического насилия. В данном случае согласие потерпевшего фальсифицировано преднамеренным обманом со стороны виновного, что не исключает незаконного вторжения в жилище. В связи с этим, на наш взгляд, признак «незаконное проникновение» имеет место, если виновный оказался в жилище, обманув потерпевшего, т.е. виновный хоть и получает «согласие» потерпевшего, но посредством введения его в заблуждение, выдавая себя, например, за курьера.

По результатам анализа судебной практики в рамках рассматриваемой проблемы заметим, что суды признают обоснованным признак «с незаконным проникновением» в случае, когда виновный проникает в жилище, обманув потерпевшего.

Так, по делу установлено, что Ф., представившись работником энергетической компании, под предлогом проверки счетчиков, т.е. введя потерпевшую в заблуждение относительно своих действительных намерений, незаконно проник в квартиру и открыто похитил денежные средства из кошелька и другое имущество. В суде подсудимым и его защитником был поставлен вопрос об исключении из обвинения квалифицирующего признака «с незаконным проникновением в жилище». Суд указал, что Ф. с целью проникнуть в квартиру для выяснения места хранения потерпевшим денежных средств и последующего совершения их хищения представился работником энергетической компании, фактически таковым не являясь, якобы под предлогом осмотра электропроводки квартиры, т.е. ввел потерпевшего в заблуждение относительно своих действительных намерений и тем самым незаконно проник в квартиру [15].

Такой же позиции придерживается и Верховый Суд РФ в своих судебных решениях. Например, Р. в целях хищения чужого имущества, применяя обман, а именно под предлогом приобрести по объявлению музыкальный центр, незаконно проник в квартиру, где, используя газовый баллончик с сильнодействующим веществом, напал на несовершеннолетнюю Н., похитив имущество на сумму <...> рублей [14].

В решении по другому уголовному делу суд также указал, что довод защитника об отсутствии в действиях Р. незаконного проникновения в жилище не основан на законе. Из показаний Р. и К. следует, что в квартиру к Н. они пришли для открытого хищения ее имущества. Используя обман, они ввели в заблуждение потерпевшую и тем самым незаконно проникли в ее квартиру [1].

Рассмотрим еще случай. В апелляционной жалобе осужденный П. оспаривал довод о том, что проникновение является незаконным. Судебная коллегия указала, что суд первой инстанции правильно установил, что осужденный путем обмана заставил потерпевшую открыть дверь, после этого нанес ей удар бутылкой по голове и незаконно проник в квартиру [2].

Таким образом, предлагаем дополнить п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 после слов «противоправное тайное или открытое в них вторжение» словами «а также *вторжение путем обмана* (выделено авт. – Н.Б.) потерпевшего или лиц, под охраной которых находилось имущество, в целях совершения кражи, грабежа или разбоя».

Проникновение – это вторжение с целью совершения кражи и ни с какой другой целью. Установление умысла преступника на совершение хищения имеет важное значение. Это намерение должно произойти до фактического проникновения в дом, и вменять анализируемый нами признак преступнику следует только тогда, когда будет установлено, что намерение украсть у него возникло до момента вторжения.

Приведем еще пример. Злоумышленник оказался в квартире с согласия хозяина или лиц, под охраной которых находилось имущество, в силу родственных отношений или знакомства. Даже если виновный пришел с целью хищения имущества, то в его действиях признака незаконного проникновения в жилище не будет, поскольку он в квартире оказался правомерно в качестве знакомого или родственника хозяина жилища. В данном случае хозяин квартиры согласился добровольно, виновный не использовал какие-либо приемы, приспособления, ухищрения для вторжения в жилище, но при этом уже имел умысел при удобном случае похитить что-либо из квартиры своего приятеля.

Так, К. не признавал факта незаконного вторжения в квартиру в целях хищения имущества Ф. Из показаний установлено, что К. пришел в гости к Ф. Дома у последнего находились еще другие знакомые, они все вместе распивали спиртное. Когда ночью все уснули, К. решил украсть вещи Ф. Установлено, что К. находился в квартире правомерно – зашел в гости. Квалифицирующий признак совершения кражи с незаконным проникновением в жилище судебная коллегия из обвинения исключила [13].

Еще одну сложность, которая возникает при установлении признака «незаконное проникновение», представляет собой время вторжения. К примеру, виновный приходит в магазин, музей, выставочный центр или другое заведение в то время, когда открыт доступ для каждого, но затем остается там после закрытия (на обед или на ночь) для совершения хищения.

В теории уголовного права по данному вопросу не сложилось единого мнения. Отдельные авторы

считают, что вторжение в магазин в рабочее время и затем нахождение там ночью незамеченным не признаются незаконными[1] [18, с. 182]. Б.Д. Завидов полагает, что приведенный пример несколько противоречит сложившейся судебной практике в оценке субъективной стороны преступления (намерение виновных совершить кражу), однако суд в данном случае строго следовал букве закона [6].

Другие считают, что указанный признак присутствует в ситуациях, когда виновный в рабочие часы в целях хищения пришел в магазин, затем спрятался там и после совершил хищение[2]. Некоторые авторы указывают, что такое хищение не может повлечь признак «незаконное проникновение в помещение» [7], считая, что проникновение рассматривается не как самоцель, а как способ получения доступа к имуществу, которое виновный желает похитить. В связи с этим, если установлено, что у преступника нет заранее намеченной цели хищения, а он воспользовался «удобной» обстановкой и похитил, то признак «незаконное проникновение» в его действиях отсутствует.

Рассмотрим еще один пример: К., находясь правомерно в торговом центре «СтройДом» на первом этаже, имея умысел на совершение кражи, спрятался в помещении секции «Напольные покрытия» ООО «Уют» и, воспользовавшись тем, что его присутствие осталось незамеченным, дождался, пока все посетители и сотрудники торгового центра по окончании рабочего времени покинули помещение. Завладев похищенными денежными средствами, К. скрылся с места преступления. Подсудимый К., оспаривая незаконное проникновение в помещение, показал, что он спрятался в магазине для того, чтобы после закрытия магазина совершить кражу. Изначально установлено, что в магазине он оказался как покупатель на законных основаниях, а затем спрятался. После совершения преступления он открыл дверь магазина, вышел из него, перелез через забор и уехал.

Суд считает, что квалифицирующий признак инкриминируемого К. преступления «с незаконным проникновением в помещение» не нашел своего подтверждения в ходе судебного следствия. Суд указал, что магазин был открыт для каждого, К. пришел на законных основаниях в рабочее время магазина, а спрятался в торговой секции с целью облегчить совершение хищения чужого имущества. Ни в ходе предварительного следствия, ни во время судебного следствия по делу не добыты бесспорные доказательства, подтверждающие, что К. проник в магазин для совершения кражи. В силу положения ст. 5 УК РФ лицо подлежит уголовной ответственности, если установлена его вина. При таких обстоятельствах суд считает необходимым действия К. квалифицировать по ч. 1 ст. 158 УК РФ [16].

Согласно пункту 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 судам следует выяснять цель виновного и когда у него возникло намерение на хищение чужого имущества [11]. На наш взгляд, если виновный появился в магазине законно, затем спрятался там и после похитил вещи, то признак «незаконное проникновение» присутствует. В приведенном выше примере суд не добыл доказательств, подтверждающих, что К. проник в магазин именно с целью совершить кражу. Возникает вопрос: зачем тогда К. спрятался в магазине? Суд в данном случае это не выяснил и не отразил в приговоре. Считаем, что все действия, совершенные К., свидетельствуют именно о цели хищения чужого имущества.

В то же время если лицо, например, проникло в квартиру чтобы погреться в отсутствие хозяев, а уже после этого похитило имущество, то содеянное образует преступления, предусмотренные ст. 139 и ч. 1 ст. 158 УК РФ, поскольку невозможно установить и доказать возникшую цель хищения чужого имущества до проникновения в квартиру.

Если, находясь законно, например, в торговом зале, виновный в целях хищения проникает в служебное помещение, доступ в которое ему запрещен, рассматриваемый квалифицирующий признак будет иметь место.

Рассмотрим пример, когда осужденный был доставлен в служебное помещение магазина после завладения имуществом для выяснения всех обстоятельств, но с похищенным скрылся. Так, Ш. был признан виновным в краже из магазина. Суд вменил признак «незаконное проникновение в помещение». Суд апелляционной инстанции изменил приговор. Установлено, что Ш., находясь в торговом зале магазина, путем свободного доступа завладел имуществом. Сотрудники магазина задержали его и доставили в служебное помещение магазина для выяснения всех обстоятельств. Ш., используя удобный момент, покинул служебное помещение, забрав похищенное. Суд указал, что умысел Ш. не был направлен на проникновение в служебное помещение в целях хищения. Сотрудники магазина самостоятельно завели Ш. в служебное помещение уже после того, как он завладел имуществом из торгового

[1] В качестве примера авторы указывают: К., проживающий в комнате общежития совместно с потерпевшим, впустил в свою комнату Ш. для кражи вещей своего соседа по комнате. Судом действия Ш. и К. были квалифицированы как проникновение в жилище (помещение), но суд кассационной инстанции правильно указал, что нет оснований считать, что совершена кража с проникновением в жилище.

[2] Такого мнения придерживаются Г.Н. Борзенков и А.И. Бойцов (см.: Курс уголовного права / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 3. С. 431, 632), Н.А. Лопашенко (Посягательства на собственность: монография. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 528 с.).

зала. Хищение было совершено, а Ш. лишь покинул служебное помещение. При таких обстоятельствах признак хищения «с незаконным проникновением в помещение» является излишним. Содеянное квалифицировано по ч. 1 ст. 158 УК РФ [3].

Таким образом, на основании изложенного предлагаем дополнить п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 после слов «противоправное тайное или открытое в них вторжение» словами «а также *вторжение путем обмана* (выделено авт. – Н.Б.) потерпевшего или лиц, под охраной которых находилось имущество, в целях совершения кражи, грабежа или разбоя».

Считаем, что в ситуации, когда виновный правомерно оказался в помещении (во время работы магазина, музея, выставочного центра и т.п.), но затем в целях хищения остался там без согласия хозяина помещения или иного хранилища (спрятался), содеянное образует признак незаконного проникновения в помещение или иное хранилище.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 ноября 2014 г. № 53-АПУ14-52 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 декабря 2014 г. № 39-АПУ14-11 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 27 июня 2016 г. по делу № 22-5261/2016 // Бюллетень судебной практики по уголовным делам. II квартал 2016 г. (№ 48). URL: http://oblsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=91 (дата обращения: 17.03.2020).

4. Гертель Е.В. Уголовная ответственность за угрозу: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.

5. Елисеев С.А. Преступления против собственности: курс лекций. Томск: Изд. дом Томск. гос. ун-та, 2018. С. 141-142.

6. Завидов Б.Д. Уголовно-правовой анализ кражи // Адвокат. 2002. № 5 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 4 т. / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 2: Особенная часть. Разд. VI-VIII [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов: Полиграфист, 1996.

9. Новиков В.А. Неприкосновенность жилища: конституционные, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 16-19.

10. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 5 сентября 1986 г. № 11 (ред. от 30.11.1990). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 7 октября 2011 г. № 22-11378/2011 // Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда за четвертый квартал 2011 г. URL: http://oblsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=91 (дата обращения: 16.03.2020).

14. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 января 2013 г. № 281-П12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Приговор Канского городского суда г. Канска Красноярского края от 8 июля 2019 г. URL: https://sudact.ru/regular/doc/XlmqcSqMoF6K/?regular (дата обращения: 13.03.2020).

16. Приговор Самарского районного суда г. Самары (Самарская область). URL: http://docs.pravo.ru/document/view/78238733/89815329/ (дата обращения: 16.03.2020).

17. Севрюков А.П. Уголовно-правовая характеристика кражи // Адвокатская практика. 2003. № 2 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Уголовное право России: учебник для вузов. Т. 2: Особенная часть / под общ. ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1998.

19. Яни П.С. Квалификация хищений с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище: позиция судов // Законность. 2016. № 2. С. 38-43.

УДК 343.522

В.Р. Булгакова
адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России
E-mail: vikaimamova@mail.ru

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДДЕЛКУ ДОКУМЕНТОВ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье представлен ретроспективный анализ становления, развития и изменения норм, предусматривающих ответственность за подделку документов, печатей, штампов, бланков. Историко-правовое исследование показывает, что истоки данного уголовного запрета берут свое начало еще с момента развития Древнерусского государства (IX в.). Автор выделяет пять периодов формирования рассматриваемого института. Установлена взаимосвязь между этапами становления уголовной ответственности за подделку документов и изменениями, происходящими в государственном устройстве и делопроизводстве. Каждый из них характеризуется расширением перечня предметов преступления, новыми способами совершения, видами преступных деяний и наказаний, вплоть до смертной казни. В рамках ныне действующего Уголовного кодекса Российской Федерации отмечаются недостатки применения статьи 327. Изучение истории становления законодательства в сфере уголовной ответственности за подделку документов, штампов, бланков, печатей направлено на устранение противоречий в его современном толковании и использовании.

Ключевые слова: подделка, официальный документ, печать, бланк, штамп, частный документ, реквизиты, уголовная ответственность, делопроизводство.

V.R. Bulgakova
postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: vikaimamova@mail.ru

FORMATION OF THE INSTITUTE OF CRIMINAL LIABILITY FOR FORGERY OF DOCUMENTS IN THE RUSSIAN LEGISLATION

The article presents a retrospective analysis of the formation, development and change of norms that provide for liability for forging documents, seals, stamps, blanks. Historical and legal research shows that the origins of this criminal prohibition go back to the moment of the development of the Old Russian state (IX century). There are five periods of the formation of the institution in question. The relationship between the stages of the formation of criminal liability for forgery of documents and the changes in the state structure and office work has been established. Each of them is characterized by an expansion of the list of subjects of crime, new methods of commission, types of criminal acts and punishments, up to the death penalty. Within the framework of the current Criminal Code of the Russian Federation, drawbacks are noted in the application of the article 327. The study of the history of the formation of legislation in the field of criminal liability for forgery of documents, stamps, blanks, seals is aimed at eliminating contradictions in its modern interpretation and use.

Key words: forgery, official document, seal, blank, stamp, private document, requisites, criminal liability, paperwork.

Институт уголовной ответственности за подделку документов, печатей, штампов и бланков берет свое начало еще с момента создания Древнерусского государства. Исторический анализ эволюции данного правового явления целесообразно рассматривать совместно с периодами становления делопроизводства. В связи с этим можно выделить следующие этапы развития исследуемого института.

Первый период имеет шестивековую историю (с IX в. по XIV в.). Именно в это время происходит зарождение Древнерусского государства, но говорить о его законодательных основах не приходится, т.к. отсутствовала система государственных учреждений, управленческие функции осуществляли отдельные должностные лица. В связи с этим институт делопроизводства не был востребован сложившейся административной практикой. Но именно в это время началось накопление традиций в сфере документирования. Договоры с Византией 911 г. и 945 г., обнаруженные в ходе археологических раскопок, позволяют свидетельствовать о наличии культуры написания документов [3].

Вырабатываются образцы обращений или, как их еще называли, формуляры – типовые формы наиболее распространенных документов. Устанавливаются стадии составления документов – чернопись, редакция и беловик, появляются печати (буллы), используемые для скрепления документов. Создаются учебные заведения для детей старших дружинников и бояр. По их окончании выпускники отбирались в претенденты на должности судейских секретарей, хранителей княжеской печати, писцов.

До конца XIV в. на Руси материалом для письма служил пергамент (кожа барана, козы или коровы, особым образом выделанная). Самой древней формой документа выступала грамота – лист пергамента шириной около 15-17 см. В связи с тем, что документы писали только с одной стороны, отдельные акты имели весьма большие размеры, что представляло трудности в хранении, поиске нужных сведений.

Таким образом, в данный период происходит лишь возникновение предметов рассматриваемого преступления, появляются предпосылки к зарождению правовых норм, охраняющих документооборот.

Второй период развития делопроизводства и становления института уголовной ответственности за подделку документов связан с формированием русского централизованного государства (с XV в. по XVII в.). С развитием законодательных основ (Новгородская (1471 г.) и Псковская (1462-1467 гг.) судные грамоты) создаются документы, фиксирующие правовые отношения. К ним относятся: купчие, полные, отпускные, вкладные грамоты, житийные записи и др. Они составлялись в виде сплошного текста и не содержали таких реквизитов, как: адресат, дата документа, автор. Однако такой реквизит, как подпись, имел место. Он подтверждал юридическую силу документа.

Новгородская и Псковская судные грамоты впервые стали предусматривать уголовную ответственность за подделку документов. Так, например, Псковская судная грамота закрепляла норму, в которой говорилось, что в случае возникновения подозрения в лживости грамоты она должна подвергаться «обыску». Помимо этого, практика подделки документов способствовала внесению в грамоты указаний об их аннулировании в случае признания подложными [7].

В Судебнике Ивана IV (1550 г.) подлог документов признавался преступлением, по степени общественной опасности находящимся в одном ряду с убийством, предусматривая один вид наказания за данные деяния – казнь. Именно в данном правовом акте впервые упоминается о такой разновидности подделки документов, как подписке: «если доведут о ябедничестве, душегубстве, подписке или ином каком лихом деле, то боярину велеть казнить смертной казнью» (ст. 59 Судебника Ивана Грозного) [10].

В Соборном уложении Алексея Михайловича (1649 г.) закрепляются новые виды противоправных деяний, связанных с подделкой документов, очень схожие с современными положениями Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), а также предметы преступного посягательства. Отдельное место в рассматриваемом законодательном акте занимает глава IV «О подпищикех, и которые печати подделывают». Она состояла из четырех статей, предусматривающих следующее: «написание грамоты от имени государя (изготовление документа), переправления в подлинной государеве грамоте "своим вымыслом" (подделка документа), изготовление государевой печати; перенесение государевых печатей с подлинных грамот на воровские (подложные) письма (подделка документа), использование заведомо "нарядных" (подложных) писем "для своих пожитков и корысти"» [9, с. 78]. За совершение данных деяний также предусматривалось наказание в виде казни.

Таким образом, печать впервые стала выступать и предметом исследуемого преступления («изготовление государевой печати»), и средством удостоверения подделки («перенесение государевых печатей с подлинных грамот на воровские (подложные) письма»).

Необходимо отметить, что важным этапом развития уголовной ответственности за подделку документов выступает деление подделок в зависимости от способа совершения преступления. Так, в Соборном уложении 1649 г. закреплялось, что государственные грамоты или иные письма считаются поддельными, если создаются от имени государя с неверным содержанием (интеллектуальный способ). При этом, если

изменения вносились в подлинный по содержанию документ, то налицо материальный способ.

Резюмируя изложенное, отметим, что в период с XV в. по XVII в. в Русском государстве в рассматриваемой сфере: а) издаются законодательные основы государства, устанавливающие ответственность за подделку документов; б) расширяется перечень предметов преступного посягательства (документы, печати); в) появляется новый вид подделки документов – подписка; г) увеличивается перечень преступных деяний: изготовление, подделка, использование поддельных документов; подделка печати; д) происходит дифференциация способов совершения преступлений на интеллектуальный и материальный; е) устанавливается наказание в виде смертной казни за преступления, связанные с подделкой документов и печатей, т.к. по степени общественной опасности подделка находилась в одном ряду с убийством.

Третий период (с XVIII в. по XIX в.) связан с активным законотворческим процессом. Несмотря на то что к началу XVIII в. уже действовал систематизированный кодекс феодального права (Соборное уложение 1649 г.), проводимые реформы Петра I способствовали усилению хаоса в правовой системе. Связано это было с активным и частым внесением законодательных поправок – в год принималось около 160 царских указов, что продолжалось вплоть до 1830-х гг.

Однако, несмотря на это, в рамках развития института уголовной ответственности за подделку документов в этот период было сделано многое. Именно Петр I в 1720 г. утвердил Генеральный регламент, благодаря которому начинают выделяться в документе такие реквизиты, как: дата составления или подписания документа (в левой части листа под текстом), наименование документа, регистрационные индексы, отметки о контроле, направлении в дело, о согласовании, подпись.

Появляется понятие официального документа, т.е. такого документа, который издавался от имени императора и имел перечисленные выше реквизиты. Но анализ ст. 201 Артикула воинского (1715 г.) – Главы XXII «О лживой присяге и подобных сему преступлениях» – показывает, что ответственность устанавливалась за подделку не только официальных документов и печатей, но и частных документов («фальшивые печати, письма, сочинители», т.е. заемные письма, закладные, доверенности) [2].

Таким образом, помимо расширения предмета исследуемого преступления, изменился и объект. Возникла и дифференциация мер наказания: если подделывались официальные документы, то наказанием выступала смертная казнь, а если частные – применялись телесные наказания, лишение права занимать определенную должность.

В период правления Екатерины II (1762-1796 гг.) вводится новый вид документа – бланки, имеющие следующие реквизиты, расположенные в углу: наименование учреждения, адресат, регистрационный индекс. Заголовок документа, как и в современное время, располагался сразу под реквизитами бланка. В его нижней части указывались автор, подпись и дата [1, с. 114].

При Николае I (в 1832 г.) издается Свод законов Российской империи, состоящий из 15 томов и включающий нормы: об актах в сфере административного права, гражданские и уголовные законы, основные законы, законодательство о губернских учреждениях, государственных финансах. В данном кодексе впервые в Разделе IV выделяется особая группа преступлений «Преступления и проступки против порядка управления». Глава III этого раздела, включающая 14 статей, устанавливала ответственность за «самовольное присвоение власти и составление подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг».

Впервые устанавливается наказание: за «обман или подлог, связанный с выдаванием себя за другого человека, с использованием чужих документов»; «сочинение и составление подложных предписаний, постановлений, указов, определений и иных официальных бумаг»; «предоставление подложного свидетельства о болезни, бедности, хорошем поведении и другом, тому подобном»; «подделку и использование поддельного штемпеля и печати»; «использование поддельных официальных документов, штемпелей и печатей в целях учинения другого преступления».

Перечисляются и виды подделки документов «подчистка, поправка и иные перемены». Ответственность по Своду законов Российской империи наступала даже в том случае, если виновный изготовил или подделал бумагу и не использовал ее; в случае деятельного раскаяния [8].

Таким образом, третий этап становления института уголовной ответственности в сфере подделки документов характеризуется: а) расширением перечня предметов преступного посягательства; б) выделением в отдельную группу «Преступлений и проступков против порядка управления»; в) появлением новых способов подделки документов; г) определением реквизитов официальных документов; д) назначением уголовных наказаний в виде смертной казни, телесных наказаний, лишения права занимать определенную должность за подделку различных видов документов; е) установлением уголовной ответственности за составление, использование подложных документов, подделку и использование поддельного штемпеля и печати, в т.ч. в целях «учинения другого преступления»; д) появлением институтов деятельного раскаяния и неотвратимости наказания.

Четвертый период (XX в. после Октябрьской революции 1917 г.) связан с законотворческой деятельностью в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике (далее – РСФСР). Так, в 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР, расширивший перечень деяний, квалифицируемых как преступления против порядка управления. Законодатель включил в него ст. 85 «Фальшивомонетничество» (подделка денежных знаков, марок, государственных процентных бумаг) [5].

Уголовным кодексом РСФСР в редакции 1926 г. была установлена ответственность за «подделку или сбыт в виде промысла поддельной металлической монеты, государственных казначейских билетов, билетов Государственного банка Союза ССР, государственных ценных бумаг, а равно подделку или сбыт в виде промысла поддельной иностранной валюты» (ст. 59.8).

Данной же редакцией предусматривалась ответственность за подделку в корыстных целях лишь официальных бумаг, удостоверений, иных государственных документов и расписок [6]; уголовная ответственность за подлог частных документов была исключена.

К способам подделки документов относились: внесение ложных сведений, подчистка, пометка, внесение ложных записей. В литературе упоминается иной способ совершения рассматриваемого вида преступления – травление. Так, чиновник Горемыкин, проводивший проверку деятельности бывшего заседателя Курганского земского суда Долгова, который к тому моменту работал приставом следственных дел в Петербурге, собрал сведения, указывавшие, что один из представленных Долговым документов поддельный, поскольку его подпись стоит на месте, где раньше была другая подпись, которую удалили путем травления [4, с. 181].

Таким образом, в период существования Российской Советской Федеративной Социалистической Республики были изданы три уголовных кодекса: 1922 г., 1926 г., 1960 г., в которых исследуемый институт характеризовался: а) расширением перечня преступлений против порядка управления; б) закреплением в качестве предмета преступления только государственных документов, удостоверений, печатей, штампов, бланков; частные документы уже не охранялись уголовным законодательством; в) появлением новых способов подделки документов; г) введением таких видов наказаний, как штраф, исправительные работы, увольнение от должности, лишение свободы, смертная казнь.

Последний вид наказания устанавливался, например, в случае уклонения военнослужащего от несения обязанностей военной службы путем причинения себе какого-либо повреждения (членовредительства) или путем симуляции болезни, подлога документов или иного обмана, а равно отказа от несения обязанностей военной службы в военное время или в боевой обстановке (ст. 249 УК РСФСР 1960 г.) [12].

Пятый период – с момента принятия УК РФ 1996 г. и по настоящее время. Ныне действующий Уголовный кодекс РФ [11] предусматривает ответственность за подделку, изготовление, сбыт, приобретение, перевозку или хранение следующих предметов: поддельных документов (паспорт, удостоверение и др.); государственных наград РФ, РСФСР, СССР; штампов, печатей, бланков.

Способ подделки может быть любым: подчистка, дописка, подделка подписи, заверение поддельной печатью, переклеивание фотографии и т.п., который не влияет на квалификацию преступления.

Уголовным кодексом РФ в сфере подделки, изготовления, оборота документов, государственных наград, штампов, бланков, печатей предусмотрена ответственность в виде: штрафа, ограничения свободы, принудительных и исправительных работ, ареста, лишения свободы.

Резюмируя изложенное, отметим, что институт уголовной ответственности за подделку документов, штампов, печатей, бланков в российском законодательстве прошел длительный этап становления и развития, начиная с IX в. и по настоящее время.

В целом все изменения можно разделить на 5 периодов, которые, безусловно, связаны и с развитием делопроизводства в нашем государстве. Каждый из них характеризуется определёнными нововведениями: расширением перечня предметов преступления, способами его совершения и подделок, видами преступных деяний и наказаний, вплоть до смертной казни. Ныне действующий исследуемый институт обладает существенными недостатками в части правового регулирования общественных отношений в рассматриваемой сфере, поэтому проведённый ретроспективный анализ направлен на более глубокое изучение законодательства в целях устранения противоречий в его понимании, толковании и применении.

Литература

1. Бойцова Ж.А. К вопросу об истории развития российского законодательства об уголовной ответственности за подделку документов // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 111-116.

2. Делопроизводство в Российском государстве. URL: http://delpro.narod.ru/histor.html (дата обращения: 03.12.2019).

3. История становления делопроизводства в России. URL: http://delpro.narod.ru/histor1.html (дата обращения: 03.12.2019).

4. Крылов И.Ф. В мире криминалистики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 279 с.

5. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 01.06.1922 (ред. от 25.08.1924) // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

6. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление ВЦИК от 22.11.1926 (ред. от 27.04.1959) // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

7. Псковская судная грамота. URL: http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.htm (дата обращения: 05.12.2019).

8. Свод законов Российской империи. Т. 15. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/229/37.html (дата обращения: 03.12.2019).

9. Соборное уложение 1649 года: учебное пособие для высшей школы / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 444 с.

10. Судебник 1550 года. URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf (дата обращения: 05.12.2019).

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

12. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 497.

УДК 343.44
О.В. Ермакова, *канд. юрид. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: ermakova_alt@mail.ru

КОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА: НЕДОСТАТКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ

В представленной статье рассматриваются особенности законодательной конструкции состава нарушения неприкосновенности жилища. В частности, автором анализируются объективные и субъективные признаки состава, выявляются проблемы квалификации указанного деяния, связанные с толкованием признаков его характеризующих. Особое внимание автором уделяется понятиям «незаконное проникновение», «жилище». На основе анализа правоприменительной практики автором предлагаются возможные способы совершения деяния, предполагающие любые формы насильственного или ненасильственного вторжения в помещение. В результате сравнительного рассмотрения норм Уголовного кодекса и Жилищного кодекса РФ в работе сделан вывод о противоречии данных законодательных актов. В частности, автор указывает на чрезмерное расширение границ понятия «жилище» в нормах Уголовного кодекса РФ. В связи с чем предлагается приведение нормативных правовых предписаний в соответствие друг с другом.

Ключевые слова: нарушение неприкосновенности жилища, конституционные права и свободы, конструкция состава преступления, проблемы квалификации преступления.

O.V. Ermakova, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: ermakova_alt@mail.ru

LEGISLATIVE STRUCTURE OF THE INVIOLATION OF INVIOLABILITY OF HOUSING: DISADVANTAGES OF THE LEGISLATIVE MODEL

The article deals with the features of the legislative structure of the structure of violation of the inviolability of housing. In particular, the author analyzes the objective and subjective elements of offences, identifies the problems of qualification of the specified act, related to the interpretation of its characteristics. The author pays special attention to the concepts of «illegal entry» and «housing». Based on the analysis of law enforcement practice, the author suggests possible ways to commit an act involving any form of violent or non-violent intrusion into the premises. As a result of comparative consideration of the norms of the Criminal code and the Housing code of the Russian Federation, the paper presents a conclusion about the contradiction of these legislative acts. In particular, the author points to the excessive expansion of the boundaries of the concept of «housing» in the norms of the Criminal code of the Russian Federation. In this regard, it is proposed to bring regulatory legal requirements in line with each other.

Key words: violation of the inviolability of the home, constitutional rights and freedoms, construction of the corpus delicti, problems of crime qualification.

Конституцией Российской Федерации закреплен принцип неприкосновенности жилища (ст. 25). Согласно данной норме никто не вправе проникать в жилище, кроме случаев, установленных федеральным законом или на основании судебного решения. За незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли проживающего в нем лица, предусмотрена уголовная ответственность (ст. 139 УК РФ). Кроме того, указанные нарушения могут образовывать квалифицированный состав различных преступлений против собственности.

Необходимо отметить, что неприкосновенность жилища – это неприкосновенность не объекта права собственности (например, жилого дома), не предмета договоров найма или аренды жилого помещения, а неимущественного права, представляющего собой один из элементов личной жизни граждан.

Вопросы квалификации деяний, связанных с незаконным проникновением в жилище, не раз поднимались в научной литературе. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ)» также даны некоторые разъяснения по вопросам судебной практики по делам о рассматриваемых преступлениях [1].

При этом, как показывает анализ правоприменительной деятельности, существует целый спектр проблем квалификации нарушения неприкосновенности жилища, возникающих при вменении как собственно ст. 139 УК РФ, так и соответствующих квалифицированных составов иных преступлений.

Сложность квалификации выглядит вполне закономерной, что объясняется недостатками предложенной законодателем конструкции состава преступления.

При этом данные несовершенства конструкции относятся к объективной стороне рассматриваемого состава преступления, что в принципе неудивительно в связи с отражением в уголовном законе именно внешней характеристики деяния.

Объективная сторона состава нарушения неприкосновенности жилища представляет собой незаконное проникновение в указанное место.

При этом законодатель связывает незаконность подобных действий с отсутствием согласия (воли) проживающего в нем лица. Конкретизация такого лица не приводится ни в законе, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Соответственно, возникают вопросы о том, имеют ли значение какие-либо характеристики проживающего, если в указанном месте фактически живут несколько лиц. Возможна ли квалификация по данной статье при согласии одного члена семьи на вторжение и запрете других проживающих?

Полагаем, что если хотя бы одно лицо, проживающее в жилище, против проникновения, а виновный умышленно игнорирует указанное обстоятельство, возможна квалификация по ст. 139 УК РФ.

В правоприменительной деятельности существует проблема квалификации тех случаев, когда собственник жилья вторгается в квартиру, сданную им в аренду при отсутствии согласия проживающих лиц. Полагаем, что применение ст. 139 УК РФ в этой ситуации возможно только при наличии договора аренды с указанием соответствующего ограничения. В обратном же случае достаточно сложно доказать субъективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, т.к. собственник в любом случае будет утверждать о нежелании нарушить чьи-либо конституционные права.

Достаточно сложным для толкования выступает понятие «проникновение». В этой части следует принимать во внимание разъяснения, предложенные в п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», согласно которым проникновение – это вторжение [2].

Интересен тот факт, что способ вторжения в приведенном постановлении – проникновение – ограничен только тайным, открытым способом либо без вхождения в соответствующее место.

В связи с этим в научной литературе указывается на то, что использование обмана или злоупотребления доверием при проникновении в жилище состава рассматриваемого преступления не образует, поскольку в этих случаях лицо проникает в жилище не против воли проживающего в нем лица, хотя оно и находится в заблуждении относительно тех или иных обстоятельств [4, с. 569-572].

Полагаем, что подобные ограничения в способе вторжения не обоснованы, поскольку согласие потерпевшего на проникновение, данное вследствие воздействия на него путем обмана, нельзя признать добровольным. В связи с этим следует признать абсолютно верными разъяснения Верховного Суда РФ, предложенные в постановлении от 25 декабря 2018 г. № 46 [1].

В судебной практике вызывает сложности вопрос относительно квалификации действий лица, совершившего проникновение в жилище через незапертую дверь.

Имеется пример прекращения уголовного дела в таком случае за отсутствием состава преступления. Так, по уголовному делу в отношении Ш. уголовное преследование прекращено в связи с отсутствием субъективной стороны преступления. Согласно показаниям Ш., он подошел к двери, постучался, что

свидетельствует о том, что им предпринята попытка получить разрешение на вход в жилище с целью пообщаться с сыном. Однако, не получив ответа, Ш. попробовал потянуть дверь на себя, чтобы посмотреть, почему никто не отвечает, т.к. он достоверно знал, что в квартире находится его малолетний сын, дверь была не заперта. Воля самой потерпевшей не была активно выражена путем запирания двери. Ш., не преодолевая никаких препятствий, т.е. не выполняя каких-либо активных действий, направленных на незаконное проникновение (в виде срыва замка, проникновения через окно и т.п.), прошел в квартиру, где увидел сына и стал общаться с ним [5].

Полагаем, что отсутствие запирающих устройств не свидетельствует о возможности беспрепятственного прохода в жилище. Соответственно, вторжение даже при наличии открытой двери должно образовывать состав преступления, предусмотренный ст. 139 УК РФ.

Определенными особенностями обладает квалификация состава нарушения неприкосновенности жилища при совершении деяния в сельской местности, для которой характерно свободное вхождение на чужую территорию.

В таких случаях правоприменительные органы должны устанавливать факт наличия запрета собственника на вторжение в жилище, вопреки которому лицо осуществляло проникновение.

В качестве примера можно привести уголовное дело в отношении Ф., который незаконно, путем открытия двери, не запертой на запорное устройство, проник в чужой дом в с. Михайловское без согласия и против воли проживающего в доме лица – Ц. Потерпевшая выразила свое несогласие впускать кого-либо в дом, повесив навесной замок снаружи входной двери, однако он не был заперт на ключ [6].

Представленный пример интересен тем, что запрет высказывался не в устной форме, а посредством совершения действия (потерпевший повесил замок).

Проникновение, помимо указанных способов, может осуществляться без вхождения в жилище, но с применением технических или иных средств (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения) (п. 12 постановления Пленума № 46).

Таким образом, контролирование жилища изнутри с помощью специальных технических средств (например, с использованием интернет-ресурсов), даже если эти устройства не установлены в самом помещении, следует квалифицировать по ст. 139 УК РФ.

Не исключается квалификация по ст. 139 УК РФ и в том случае, когда лицо проникает с целью совершения кражи, однако впоследствии отказалось от совершения деяния. Это прямо вытекает из ч. 3 ст. 31 УК РФ, предусматривающей возможность привлечения к уголовной ответственности при добровольном отказе за фактически совершенное деяние.

Следует отметить, что в зарубежном законодательстве (например, § 123 УК ФРГ) объективная сторона нарушения неприкосновенности жилища представлена в более широком варианте, поскольку предусматривается ответственность не только за вторжение в жилище, но и за отказ выполнить требования покинуть данное место [3, с. 289-295]. Полагаем, что представленная в зарубежном законодательстве конструкция объективной стороны необоснованно расширяет границы преступного деяния и достаточно сложна в вопросах доказывания.

Кроме того, объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, содержит указание на место совершения деяния – жилище. При этом само понятие «жилище», по своей сути, превращающее диспозиции статей уголовного закона в бланкетные, законодатель раскрывает в примечании к ст. 139 УК РФ, игнорируя положения Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ).

В частности, согласно ст. 15 ЖК РФ жилым признается изолированное помещение, которое является недвижимым имуществом и пригодно для *постоянного* проживания граждан (отвечает установленным санитарным и техническим правилам и нормам, иным требованиям законодательства) (выделено авт. – О.Е.).

В свою очередь, понятие, предложенное в уголовном законе, расширяет границы данного определения за счет следующих моментов: во-первых, к жилищу относится недвижимость, входящая в жилищный фонд, предназначенная не только для постоянного, но и временного проживания; во-вторых, по прямому указанию УК РФ это и иное помещение или строение не входят в жилищный фонд, но предназначены для временного проживания. И наконец, в трактовке, представленной уголовным законом, вообще не упоминается про соответствие этого помещения каким-либо правилам и нормам.

В результате включения в УК РФ собственно уголовно-правовой характеристики жилища федеральные законы, обладающие равной юридической силой, стали содержать нормы, вступившие с ним в противоречие.

Естественно, можно утверждать, что приоритет в определении рамок преступного за нормами УК РФ, однако единообразие законодательного материала все же должно иметь место. К тому же само понятие, предложенное в уголовном законе, не отличается четкостью представленных предписаний. Это явно прослеживается в той части понимания жилища, которая касается иного помещения для временного проживания, не входящего в жилищный фонд. Судебная практика различных регионов РФ не отличается единообразием, а жилищем признаются бани,

дачные домики, передвижные вагоны, кабины грузовых автомобилей и т.д.

Не решает поставленный вопрос и Пленум Верховного Суда РФ, поскольку отдельно по ст. 139 УК РФ такие разъяснения вообще отсутствуют, а постановление от 27.12.2002 № 29 в п. 18 отсылает к норме УК РФ.

В постановлении от 25.12.2018 № 46, посвященном отдельным преступлениям против конституционных прав и свобод, к уже обозначенному добавляется следующее: «не может быть квалифицировано по указанной статье незаконное проникновение, в частности, в помещения, строения, структурно обособленные от индивидуального жилого дома (сарай, баню, гараж и т.п.), если они не были специально приспособлены, оборудованы для проживания; в помещения, предназначенные только для временного нахождения, а не проживания в них (купе поезда, каюту судна и т.п.)» [1].

В этой части важно подчеркнуть мнение Верховного Суда РФ о том, что не исключается признание бани, сарая и иных мест жилищем в том случае, если они оборудованы для проживания. По нашему мнению, подобная трактовка еще больше расширяет границы уголовно-правовой нормы и выглядит несколько не обоснованной, т.к. функциональное предназначение указанных помещений, строений – это не проживание людей.

Таким образом, создание собственного (уголовно-правового) понятия жилища, противоречащего иным федеральным законам, нарушает важнейшее условие конструирования состава преступления – единства толкования используемых понятий и терминов. В связи с этим необходимо привести примечание к ст. 139 УК РФ в соответствие с другими законами, регулирующими жилищные отношения.

Помимо сложностей, возникающих при толковании объективных признаков состава нарушения неприкосновенности жилища, нельзя не обратить внимания на субъективные признаки.

В частности, в научной литературе предлагается особое внимание уделять мотиву совершения преступления. В частности, А.И. Чурсин, указывая на важность установления мотивации, приводит пример одного из оправдательных приговоров: М. незаконно прошла в квартиру С. с целью разрешения сложившегося ранее конфликта, что указывает на отсутствие умысла на совершение преступления [7, с. 78-80].

Полагаем, что в данном составе мотивы совершения вторжения могут быть разнообразными и на квалификацию не влияют (как и цель). Иначе говоря, если лицо, преследуя самые позитивные стремления, осознавая противоправный характер вторжения (например, когда проживающий неоднократно заявляет требования не вторгаться), осуществляет подобные действия, квалификация по ст. 139 УК РФ должна иметь место. Соответственно, единственным обязательным признаком субъективной стороны в данном составе следует признать вину в форме прямого умысла. Данный вывод относительно возможной формы вины основывается на характере совершаемых действий, а также избранной законодателем конструкции формального состава.

Однако с целью устранения сложностей толкования состава нарушения неприкосновенности жилища законодателю следует указать в диспозиции ст. 139 УК РФ на обязательные признаки субъективной стороны путем конкретизации формы вины прямо либо посредством использования терминов, свидетельствующих о необходимости установления прямого умысла (например, термин «заведомо»).

Литература

1. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

2. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

3. Серебренникова А.В. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища по Уголовному кодексу Германии (§ 123 УК ФРГ) – специфика нормы // Современный ученый. 2019. № 1. С. 289-295.

4. Туманов А.А. Уголовно-правовые аспекты нарушения неприкосновенности жилища // Актуальные проблемы юриспруденции в современной России: сборник статей по материалам V Всероссийской научно-практ. конф-ции / под ред. Н.В. Иванцовой, Н.М. Швецова, 2015. С. 569-572.

5. Уголовное дело № 1263 // Троицкий МСО СУ СК РФ по АК.

6. Уголовное дело № 1731 // Кулундинский МСО СУ СК РФ по АК.

7. Чурсин А.И. Уголовно-правовое значение мотива нарушения неприкосновенности жилища // Криминалист. 2018. № 3 (24). С. 78-80.

УДК 343.35

Е.В. Лоос
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: elev_01@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ЗА ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАСИЛИЯ

В статье рассматривается вопрос об ответственности сотрудников полиции за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Автор полагает, что санкция данной правовой нормы не позволяет дифференцировать наказание в соответствии с характером и степенью общественной опасности преступления, обстоятельствами его совершения и личностью виновного, что противоречит закрепленному в статье 6 УК РФ принципу справедливости. Приводятся примеры из судебной практики, иллюстрирующие несоразмерность наказания совершенному деянию по делам рассматриваемой категории.

В статье анализируется ситуация, когда превышение должностных полномочий с применением насилия сотрудниками полиции является следствием противоправных действий граждан. Отмечается явный диссонанс между ответственностью сотрудников полиции за такие действия и ответственностью граждан, спровоцировавших сотрудников на насилие. Автор высказывает точку зрения, что превышение должностных полномочий с применением насилия, совершенное сотрудником полиции, если это деяние было вызвано противоправными насильственными действиями потерпевшего в отношении сотрудника полиции, должно наказываться мягче, нежели иные виды превышения должностных полномочий с применением насилия.

Автором вносится предложение о введении в п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ квалифицирующего признака насилия – опасности для жизни и здоровья.

Ключевые слова: превышение, должностные полномочия, уголовная ответственность, сотрудники полиции, насилие, провокация, справедливость.

E.V. Loos
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: elev_01@mail.ru

RESPONSIBILITY OF POLICE OFFICERS FOR ABUSE OF AUTHORITY WITH VIOLENCE

The article discusses the question of the responsibility of police officers for committing a crime under paragraph «a» of part 3 of article 286 of the Criminal Code. The author believes that the sanction of this legal norm does not allow to differentiate the punishment in accordance with the nature and degree of public danger of the crime, the circumstances of its commission and the identity of the perpetrator, which contradicts the principle of justice enshrined in article 6 of the Criminal Code of the Russian Federation. Examples are given from judicial practice illustrating the disproportion of punishment to a committed act in cases of the category under consideration

The article analyzes the situation when abuse of power by police officers is the result of illegal actions of citizens. There is a clear dissonance between the responsibility of police officers for such actions and the responsibility of citizens who provoked employees to violence. The author expresses the point of view that abuse of authority by violence by a police officer, if the act was caused by unlawful violence by the victim against a police officer, should be punished more leniently than other forms of abuse of authority by violence.

The author proposes to introduce part 3 of Art. 286 of the Criminal Code of the qualifying sign of violence – danger to life and health.

Key words: abuse, authority, criminal liability, police officers, violence, provocation, justice.

Общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), является одним из наиболее распространенных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. При этом его распространенность характеризуется стабильным состоянием на протяжении ряда лет [2, с. 94].

В результате этих деяний ставится под угрозу нормальное функционирование государственных и муниципальных органов и учреждений, происходит дестабилизация публичного аппарата власти и управления, нарушаются права и законные интересы граждан, подрывается авторитет публичной власти, снижается уверенность граждан в их защищенности законом и государством. Ввиду необходимости обеспечения надежной защиты благ и законных интересов личности, общества и государства преступления, предусмотренные данной статьей УК, отнесены законодателем к категории преступлений средней тяжести; а их квалифицированные составы – к тяжким преступлениям.

Субъектами данных преступлений могут выступать в том числе сотрудники полиции, поскольку в соответствии с примечанием 1 к статье 318 УК РФ они являются представителями власти, а значит обладают необходимыми признаками должностного лица, указанными в примечании 1 к статье 285 УК РФ.

С объективной стороны превышение должностных полномочий сотрудниками полиции может выражаться в совершении ими при исполнении служебных обязанностей действий, которые:

- относятся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по статусу);
- могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте;
- совершаются единолично, при том что должны быть совершены только коллегиально либо по согласованию с другим должностным лицом или органом;
- никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать [6].

К числу последних относится в том числе нанесение сотрудниками полиции побоев задержанным или заключенным под стражу лицам или причинение вреда их здоровью.

Пунктом «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ предусмотрена ответственность сотрудников полиции за превышение должностных полномочий с применением насилия или с угрозой его применения. При этом в законе не указано, какое насилие охватывается рассматриваемой нормой. Не разъясняет этот вопрос и Пленум Верховного Суда РФ.

В научно-практических комментариях к ст. 286 УК РФ отмечается, что под применением насилия следует понимать причинение потерпевшему любого физического вреда. При этом составом преступления охватывается нанесение побоев, умышленное причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью, истязание. Дополнительной квалификации требуют только умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и убийство лица. Под угрозой применения насилия понимается угроза причинить любой физический вред. Такая угроза должна быть реальной, т.е. у потерпевшего должны иметься веские основания опасаться ее фактического осуществления [3].

Санкция за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, включает лишение свободы на срок от 3 до 10 лет с лишением права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

Приведенная санкция действующей нормы не позволяет, на наш взгляд, дифференцировать наказание в соответствии с характером и степенью общественной опасности преступления, обстоятельствами его совершения и личностью виновного, что противоречит закрепленному в ст. 6 УК РФ принципу справедливости.

Ответственность за названное преступление одинакова вне зависимости от степени причиненного вреда: как за нанесение побоев, так и за причинение вреда здоровью средней тяжести. Для ее наступления необходимо лишь, чтобы этот вред был причинен должностным лицом в результате действий, явно выходящих за пределы его полномочий. При этом деяния, предусмотренные ст. 115, 116, 117 и ч. 1 ст. 112 УК РФ, относятся к категории преступлений небольшой тяжести, а деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 112 УК РФ, – к категории преступлений средней тяжести. В то же время ч. 3 ст. 286 УК РФ включает тяжкое преступление и по санкции приравнена к ч. 1 ст. 111 УК РФ. Санкция ч. 3 ст. 286 УК РФ является даже более жесткой, поскольку устанавливает нижний предел наказания, чего нет в ст. 111 УК РФ. На наш взгляд, при назначении наказания по рассматриваемой статье необходимо учитывать характер применяемого насилия, его опасность для жизни и здоровья потерпевшего по аналогии с нормой, закрепленной в ст. 318 УК РФ [5].

Полагаем, что при назначении наказания за превышение должностных полномочий с применением насилия необходимо учитывать и некоторые другие факторы. Такая точка зрения находит поддержку в научной литературе.

К примеру, представляется справедливой позиция М.В. Колесникова, предлагающего разграничивать ответственность за превышение должностных полномочий в зависимости от их мотивации. Автор

полагает, что наказание за это преступление должно зависеть от того, осознает ли виновный свои действия как изначально противоправные, не соответствующие интересам службы или как грубо нарушающие установленный порядок реализации предоставленных законом полномочий. Второй случай предполагает более мягкое наказание. При этом автор отмечает, что совершенствование законодательной конструкции нормы об ответственности за превышение должностных полномочий не исчерпывается разграничением мотивации преступного поведения [2].

Деятельность сотрудников полиции нередко осуществляется в экстремальных условиях, в ситуациях конфликта, в процессе применения установленных законом мер принуждения. При этом к сотрудникам предъявляются высокие требования, а их действия жестко регламентированы законами и иными нормативными актами. Любой выход за эти рамки расценивается как превышение должностных полномочий и влечет в том числе и уголовную ответственность. В результате сотрудники вследствие опасения превысить свои полномочия нередко оказываются беспомощными перед правонарушителями, теряют авторитет в глазах граждан, получают ранения и даже гибнут [4].

На практике достаточно часто встречаются случаи, когда превышение должностных полномочий сотрудниками полиции является следствием противоправных действий граждан. При этом суд в подавляющем большинстве случаев встает на сторону граждан, отмечая, что в соответствии с п. 3 ст. 5 Федерального закона РФ «О полиции» сотруднику полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению.

Так, сотрудник патрульно-постовой службы полиции К., находясь совместно с другими сотрудниками полиции в пешем патруле, доставил гражданина Ф. для медицинского освидетельствования на состояние опьянения в приемный покой ЦМСЧ. В связи с агрессивным поведением задержанного перед этим к нему были применены специальные средства – наручники. В приемном покое Ф., увидев камеры видеонаблюдения, решил спровоцировать сотрудников полиции на насилие, чтобы это было зафиксировано. Он вскочил и ударил сидевшего рядом с ним К. ногой в грудь. К. схватил ногу Ф. руками, отчего последний упал на пол. К. подбежал к нему и ногой, обутой в форменный ботинок, ударил в область лица. Приговором Снежинского городского суда Челябинской области сотруднику полиции К. было назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти сроком на 2 года [9].

Безусловно, действия К. не только противоправны, но и аморальны. Нанесение удара ногой, обутой в тяжелый ботинок, в голову лежащему человеку, у которого к тому же руки зафиксированы наручниками за спиной, не может быть оправдано никакими действиями потерпевшего. К тому же права К. на защиту неприкосновенности как представителя власти были в дальнейшем защищены в правовом порядке: гражданин Ф. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 318 УК РФ и осужден. В данном случае привлечение К. к уголовной ответственности вполне обоснованно.

Вместе с тем наказание представляется достаточно жестким. Суд не выявил наличие у К. признаков внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного неправомерными действиями потерпевшего. Однако сложно представить, чтобы нормальный мужчина, сотрудник полиции, ветеран боевых действий спокойно отнесся к тому, что ему беспричинно, из хулиганских побуждений нанесли удар ногой в грудь. Кроме того, при изучении этого дела вызывает сомнение справедливость его разрешения. Сотрудник полиции, осуществлявший деятельность по защите граждан, общества и государства от противоправных действий и допустивший превышение своих полномочий, вызванное такими действиями в отношении себя, осужден к трем годам лишения свободы с лишением права занимать должности, связанные с осуществлением функций представителя власти. Наряду с наказанием он получил судимость, лишился права на прохождение службы в полиции, претерпел подрыв своей репутации, перейдя из статуса защитника правопорядка, законопослушного гражданина в разряд преступников. Наверняка, все это привело его к сильнейшим нравственным переживаниям.

С другой стороны, гражданин, ведущий, как видно из материалов дела, асоциальный образ жизни, допускавший ранее нарушения правопорядка, задержанный за совершение правонарушения и сам совершивший, по сути, такое же деяние, как и осужденный сотрудник полиции, был приговорен, скорее всего, только к штрафу[1]. При этом он к тому же реализовал

[1] К сожалению, нами не найдены судебные материалы по осуждению гражданина Ф. по ч. 1 ст. 318 УК РФ. Однако тем же Снежинским городским судом в мае 2016 г. за применение насилия в отношении представителя власти был осужден гражданин В., который при его задержании за совершение административного правонарушения нанес сотруднику полиции удар головой в лицо, причинив телесные повреждения. В. было назначено наказание в виде штрафа в 12 000 рублей с рассрочкой его уплаты в течение 12 месяцев (см. приговор по делу № 1-61/2016, вынесенный 18 мая 2016 г. Снежинским городским судом Челябинской области).

еще один свой противоправный замысел, спровоцировав на насилие сотрудника полиции.

В процессе изучения судебной практики нам встретились два дела, на наш взгляд, ярко иллюстрирующие обозначенную проблему. В первой ситуации в г. Челябинске гражданин П., задержанный сотрудниками полиции за совершение административного правонарушения, в ходе задержания оказал активное сопротивление, публично оскорблял сотрудников грубой нецензурной бранью, наносил им удары кулаками по лицу и голове, причинив телесные повреждения, порвал форменное обмундирование. За применение насилия в отношении представителя власти П. было назначено наказание в виде штрафа. Интересно, что в качестве смягчающего наказание обстоятельства суд указал наличие у подсудимого многочисленных грамот и дипломов за достижения в спорте [7].

Во втором случае дежурный по режиму центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей УМВД России по г. Архангельску Н. пресек конфликт между двумя содержавшимися в центре подростками. Один из несовершеннолетних после пресечения конфликта выразился в адрес Н. грубой нецензурной бранью, за что последний ударил его ногой в область туловища. Подросток блокировал удар рукой, повреждений при этом ему причинено не было. В результате Назаров был привлечен к уголовной ответственности по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Приговор суда по делу – 3 года 6 месяцев лишения свободы (условно) с лишением права занимать должности в государственных органах, связанные с исполнением функций представителя власти, на 2 года. Подсудимый по службе и в быту характеризуется положительно, воспитывает малолетнего ребенка. Он полностью признал свою вину и раскаялся в содеянном, активно способствовал расследованию преступления. Судом отмечены противоправность и аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления. Однако при этом суд указал, что достижение целей наказания, установленных ст. 43 УК РФ, возможно только при условии назначения Назарову основного наказания в виде лишения свободы с назначением дополнительного наказания [8].

В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения Ю.В. Анохина, отмечающего, что «действующее законодательство направлено в основном на обеспечение прав лиц, совершивших правонарушение» [1, с. 8].

Полагаем, что превышение должностных полномочий с применением насилия, совершенное сотрудником полиции, если это деяние было вызвано противоправными насильственными действиями потерпевшего в отношении сотрудника полиции, должно наказываться мягче, нежели иные виды превышения должностных полномочий с применением насилия.

Противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, предусмотрена п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Однако наличие смягчающих обстоятельств может ограничивать верхний предел санкции, нижний же ее предел, как правило, остается неизменным. Нам же представляется необходимым снижение ответственности именно за деяния, представляющие меньшую общественную опасность.

Обобщив изложенное, считаем необходимым превышение должностных полномочий с применением насилия, совершенное сотрудником полиции, если это деяние было вызвано противоправными насильственными действиями потерпевшего в отношении сотрудника полиции и не повлекло причинение вреда здоровью потерпевшего, квалифицировать по ч. 1 ст. 286 УК РФ как повлекшее существенное нарушение прав и законных интересов граждан.

В целях практической реализации представленных предложений полагаем целесообразным п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ изложить в следующей редакции:

«3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, если они совершены:

а) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой его применения».

Литература

1. Анохин Ю.В. Обеспечение безопасности, прав и свобод личности в правоприменительной деятельности органов внутренних дел (на материалах предварительного расследования): дис. … канд. юрид. наук. М., 1999.

2. Колесников М.В. К вопросу о совершенствовании законодательной конструкции уголовно-правовой нормы об ответственности за превышение должностных полномочий // Вестник ДВЮИ МВД России. 2017. № 4 (41). С. 94-97.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Особенная часть. Разделы X-XII (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 4 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Лагутина Б. Полицейский нуждается в защите. URL: http://www.ormvd.ru/pubs/100/police-needs-protection (дата обращения: 11.12.2019).

5. Лоос Е.В. Ответственность за превышение должностных полномочий с применением насилия или с угрозой его применения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: матлы восемнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. Ч. 2. С. 15-16.

6. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Приговор по делу № 1-191/2016, вынесенный 27 мая 2016 г. Центральным районным судом г. Челябинска. URL: https://rospravosudie.com (дата обращения: 12.04.2018).

8. Приговор по делу № 1-526/2016, вынесенный 22 декабря 2016 г. Ломоносовским районным судом г. Архангельска. URL: https://rospravosudie.com (дата обращения: 12.04.2018).

9. Приговор по делу № 1-67/2016, вынесенный 22 июня 2016 г. Снежинским городским судом Челябинской области. URL: https://rospravosudie.com (дата обращения: 12.04.2018).

УДК 343.9
П.В. Тепляшин, *доктор юрид. наук, доцент*
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: pavlushat@mail.ru;
В.В. Молоков, *канд. техн. наук, доцент*
Сибирский юридический институт МВД России
E-mail: vvmolokov@mail.ru

КОРРЕЛЯЦИОННЫЙ АНАЛИЗ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ

В статье исследуется взаимосвязь структурных показателей преступности и статистических результатов правоохранительной деятельности. На основе построения корреляционных матриц зависимостей показателей преступности в субъектах Российской Федерации и вычисления средних значений коэффициентов корреляции в матрицах проведено ранжирование территориальных образований по средней оценке связи. Установлено, что корреляция показателей эффективности функционирования правоохранительных органов находится в достаточно прочной взаимосвязи с градацией криминальной вредоносности посягательств, показывая приоритет правоохранительной деятельности на подавление тяжких и особо тяжких преступлений. Сделан вывод о целесообразности использования результатов исследования при установлении взаимосвязи структурных показателей преступности и степени криминальной пораженности населения социально-экономической ситуацией, эффективностью функционирования правоохранительных органов.

Ключевые слова: категория преступления, криминологический рейтинг, линейный коэффициент корреляции Пирсона, портал правовой статистики, раскрытие преступлений, регрессионная модель преступности, тренд преступных проявлений.

P.V. Teplyashin, *Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor*
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: pavlushat@mail.ru;
V.V. Molokov, *Candidate of Technical Sciences, assistant-professor*
Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: vvmolokov@mail.ru

CORRELATION ANALYSIS OF CRIMINOLOGICAL INDICATORS OF CRIME

The article examines the relationship between structural indicators of crime and statistical results of law enforcement activities. Based on the construction of the correlation matrices of dependencies crime rates in the Russian regions and calculate the average of the correlation coefficients in the matrices, the ranking of territorial units according to the median estimate of when. It is shown that the higher the average value of correlation estimates, the stronger the relationship between the observed crime rates. A number of regularities were found. In the regions of the Russian Federation with the lowest population density, there is usually the least connectivity of crime indicators. The level of socio-economic well-being and investment attractiveness is usually higher in the subjects with the least connected crime indicators. The subjects with the least connected indicators are characterized, first, by a uniform mass and prevalence of crime, the absence of systemic and long-term criminogenic factors, and, second, by a significant rate of decline in the number of registered crimes, and the absence of obvious "spikes" or "collapses" in its dynamics. It is also found that the correlation of indicators of the effectiveness of law enforcement agencies is in a fairly strong relationship with the gradation of criminal harmfulness of attacks, showing the priority of law enforcement to suppress serious and especially serious crimes. The conclusion is made about the feasibility of using the results of the study in establishing the relationship between structural indicators of crime and the degree of criminal involvement of the population, the socio-economic situation, and the effectiveness of law enforcement agencies.

Key words: crime category, criminological rating, Pearson linear correlation coefficient, legal statistics portal, crime detection, crime regression model, trend of criminal manifestations.

Корреляционный анализ является одним из классических приемов статистического исследования системных процессов в различных областях знаний. Конечный результат анализа позволяет оценить степень взаимосвязи изучаемых показателей, выделить факторные переменные, предоставить численные подтверждения ранее выдвинутым гипотезам. Не является исключением использование метода корреляционного анализа в криминологических исследованиях. Решаемые при этом задачи обширны и позволяют выявить факторные переменные, оказывающие влияние на критериальные показатели преступности, оценить силу обнаруженных связей и построить регрессионные модели преступности, установить характер зависимости исследуемых признаков и т.п.

Обычно исследователи применяют корреляционный анализ для установления взаимосвязи между показателями преступности и социально-экономического развития рассматриваемых территорий, объясняя причины и факторы их влияния на криминогенную ситуацию. В этой связи представляет интерес корреляционный подход к исследованию преступности, основанный на анализе взаимосвязи характеризующих её базовых структурных показателей. Использование корреляционного анализа в исследовании социальных процессов имело место и прежде, но носило фрагментарный характер. Например, С.Г. Ольков использовал корреляционный анализ в изучении влияния фактора безработицы на преступность, затрагивая при этом процессы взаимосвязи самих структурных составляющих преступности [4]. В некоторых случаях устанавливается корреляционная зависимость между показателями социально значимого фактора и преступности [3, с. 32] либо между комплексом социально-экономических и иных факторов и преступностью [2].

В качестве априорных данных нашего исследования использована выборка наблюдений основных показателей преступности по всем территориальным образованиям Российской Федерации, фиксируемых в рамках дискретных интервалов времени по месяцам за период с 2009 по 2019 гг. включительно. Статистические данные получены с портала правовой статистики (http://crimestat.ru) и характеризуют преступность по её отдельным показателям и соответствующим результатам реагирования правоохранительных органов на криминальные проявления. Всего в выборке представлено 14 видов зарегистрированных преступлений и 12 показателей деятельности правоохранительных органов по их раскрытию и расследованию. Таким образом, объем выборки составил более 290 000 наблюдений.

Рабочая гипотеза исследования заключается в предположении, что взаимосвязь структурных показателей преступности отражает степень криминальной пораженности населения, социально-экономическую ситуацию, эффективность функционирования правоохранительных органов и факт существования системы «преступность – правоохранительная деятельность».

Для проверки гипотезы предлагается следующий алгоритм последовательных расчетов:

1) построение корреляционных матриц зависимостей показателей преступности в субъектах Российской Федерации;

2) вычисление средних значений коэффициентов корреляции в матрицах и статистических характеристик;

3) ранжирование (построение рейтингов) территориальных образований по средней оценке связи и аргументация выводов.

В соответствии с алгоритмом были построены корреляционные матрицы взаимосвязи исследуемых показателей по Российской Федерации, округам и по отдельным субъектам Российской Федерации. Оценка парной связи признаков вычислялась с помощью линейного коэффициента корреляции Пирсона. Расчеты выполнены с использованием пакета статистического анализа данных SPSS Statistics.

Для удобства отображения полученных результатов использовались следующие сокращения в наименовании показателей зарегистрированной преступности (фактически видов зарегистрированных преступлений):

П1 – особо тяжкие преступления;

П2 – тяжкие преступления;

П3 – преступления средней тяжести;

П4 – преступления небольшой тяжести;

П5 – преступления экономической направленности;

П6 – преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков;

П7 – преступления, связанные с незаконным оборотом оружия;

П8 – убийства и покушения на убийство (ст. 105, 106, 107 УК РФ);

П9 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 1-3 ст. 111 УК РФ);

П10 – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ);

П11 – злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ);

П12 – получение взятки (ст. 290 УК РФ);

П13 – преступления террористического характера;

П14 – преступления экстремистской направленности.

Корреляционная матрица данных по Российской Федерации в целом представлена в таблице 1. Матрица симметричная относительно главной диагонали,

на пересечении соответствующей строки и столбца находятся числовые значения статистической связи пары признаков, чем они ближе к единице, тем связь сильнее и наоборот. Следует отметить, что полученные в расчетах коэффициенты корреляции значимы на уровне P≤0,01.

Таблица 1

Корреляционная матрица взаимосвязи показателей преступности в Российской Федерации

	П1	П2	П3	П4	П5	П6	П7	П8	П9	П10	П11	П12	П13	П14
П1	1	0,95	0,94	0,98	0,85	0,99	0,84	0,93	0,91	0,91	0,72	0,88	0,15	0,87
П2	0,95	1	0,98	0,95	0,93	0,96	0,85	0,95	0,92	0,93	0,75	0,92	0,13	0,80
П3	0,94	0,98	1	0,97	0,89	0,96	0,89	0,97	0,96	0,96	0,74	0,91	0,13	0,81
П4	0,98	0,95	0,97	1	0,86	0,97	0,86	0,95	0,93	0,93	0,75	0,90	0,14	0,87
П5	0,85	0,93	0,89	0,86	1	0,85	0,80	0,87	0,83	0,86	0,82	0,92	0,16	0,70
П6	0,99	0,96	0,96	0,97	0,85	1	0,89	0,94	0,92	0,92	0,72	0,88	0,18	0,86
П7	0,84	0,85	0,89	0,86	0,80	0,89	1	0,88	0,84	0,83	0,68	0,81	0,47	0,82
П8	0,93	0,95	0,97	0,95	0,87	0,94	0,88	1	0,99	0,99	0,76	0,89	0,13	0,78
П9	0,91	0,92	0,96	0,93	0,83	0,92	0,84	0,99	1	0,99	0,74	0,87	0,08	0,74
П10	0,91	0,93	0,96	0,93	0,86	0,92	0,83	0,99	0,99	1	0,75	0,89	0,06	0,72
П11	0,72	0,75	0,74	0,75	0,82	0,72	0,68	0,76	0,74	0,75	1	0,82	0,18	0,60
П12	0,88	0,92	0,91	0,90	0,92	0,88	0,81	0,89	0,87	0,89	0,82	1	0,13	0,74
П13	0,15	0,13	0,13	0,14	0,16	0,18	0,47	0,13	0,08	0,06	0,18	0,13	1	0,37
П14	0,87	0,80	0,81	0,87	0,70	0,86	0,82	0,78	0,74	0,72	0,60	0,74	0,37	1

Оценка связи наблюдаемых признаков в основном высокая и положительная, что свидетельствует о наличии прямой зависимости отдельных видов преступлений. Наглядно это представлено на диаграмме поверхности (рис. 1). Среднее значение (простая средняя всех пар признаков в матрице) оценок корреляции и среднее квадратическое отклонение (показатель вариации) коэффициентов корреляции в Российской Федерации составили 0,77 и 0,26 соответственно. При этом необходимо отметить, что чем выше среднее значение оценок корреляции, тем сильнее взаимная связь между наблюдаемыми показателями. Иными словами, чем ниже средняя оценка корреляции, тем выше вариация конкретного показателя и, соответственно, ниже системная связанность сопоставляемых видов преступлений. В свою очередь, более низкому среднему квадратическому отклонению коэффициентов корреляции корреспондирует и более низкий разброс парных показателей преступности – чем ниже значение, тем меньше вариация между максимальными и минимальными значениями показателей преступности.

Подобные рассуждения предполагают наличие закономерностей в процессах самовоспроизводства преступности, системности механизмов её противодействия и, как следствие, присущих особенностей для каждого территориального образования Российской Федерации.

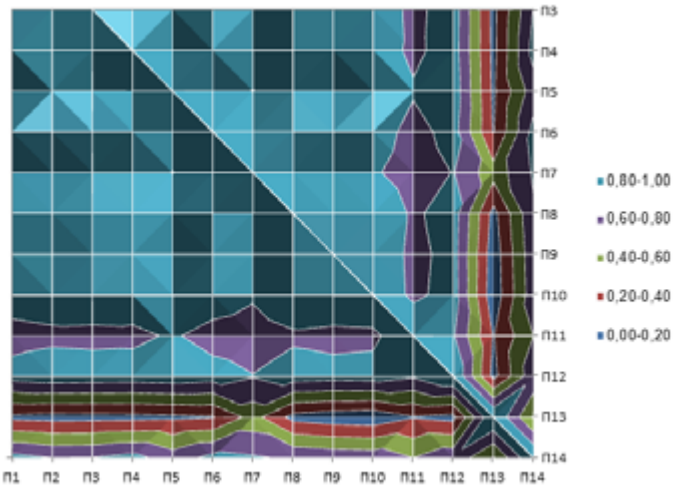


Рисунок 1. Диаграмма поверхности корреляционной связи показателей преступности в субъектах Российской Федерации

Исследование диаграммы поверхности корреляционной связи криминологических показателей демонстрирует существование системных процессов в содержании такого социально-правового феномена, как преступность.

Функция распределения среднего значения корреляции представлена на рисунке 2, на котором средние оценки коэффициентов корреляции территориальных образований Российской Федерации ранжированы и сопоставлены с относительной частотой встречаемости в выборке. На данном графике демонстрируется вероятность степени связанности показателей преступности в Российской Федерации, поэтому отсутствовала необходимость указания наименований конкретных территориальных образований. На графике видно, что наибольшее число субъектов Российской Федерации имеет среднее значение связанности структурных показателей преступности на уровне 0,65.

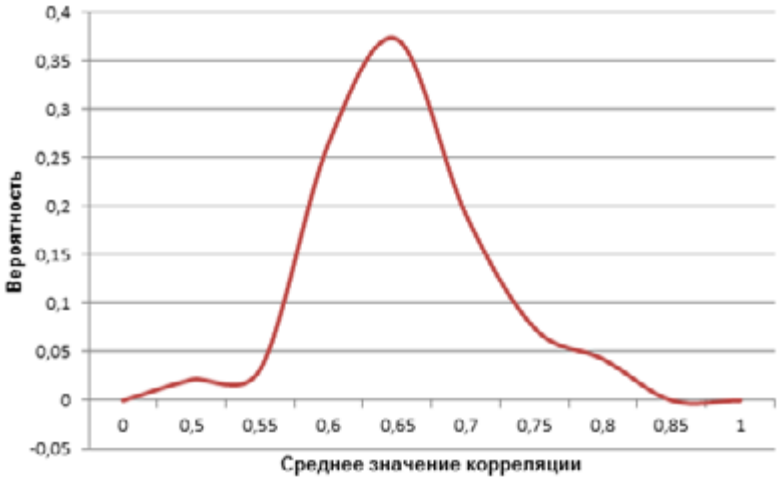


Рисунок 2. График распределения среднего значения коэффициента корреляции в территориальных образованиях Российской Федерации

Относительно федеральных округов наибольшей связанностью показателей преступности характеризуются Северо-Кавказский (0,78), Южный и Крымский (по 0,76) федеральные округа, наименьшей – Приволжский (0,72) и Сибирский (0,71). По субъектам Российской Федерации максимальной сопряженностью показателей преступности обладают Краснодарский край (0,76), г. Москва (0,72), затем Республика Татарстан и Ростовская область (по 0,7). Наименьшая связанность показателей преступности выявлена в Магаданской области (0,49) и Ненецком автономном округе (0,46). В Алтайском и Красноярском краях рассматриваемые значения находятся на отметке 0,67 и 0,64 соответственно (между ними расположено 13 субъектов). При этом Алтайский край занимает ведущую позицию среди всех субъектов Сибирского федерального округа (наименьшую связанность показателей преступности показывает Республика Алтай – 0,55). Это, по сути, криминологический рейтинг федеральных округов и субъектов Российской Федерации, в которых шкалой выступает степень зависимости показателей преступности (далее – рейтинг связанности).

Соответственно, наибольшая вариация отклонений коэффициентов корреляции наблюдается в Сибирском (0,31) и Приволжском (0,30) федеральных округах, наименьшая – в Северо-Кавказском (0,19) и Крымском (0,17) федеральных округах. В субъектах Российской Федерации наибольшая вариация коэффициентов корреляции выявлена в Магаданской (0,43) и Самарской (0,41) областях, наименьшая – Краснодарском крае (0,23), Пензенской области, республиках Кабардино-Балкария и Ингушетия (по 0,24). Здесь следует отметить тот факт, что не всегда обнаруживается «зеркальное» соотношение между средней оценкой корреляции и среднеквадратическим отклонением – округ (субъект), занявший первое место в рейтинге корреляции, необязательно будет находиться на последнем месте в рейтинге среднеквадратического отклонения (и наоборот). Следовательно, отсутствует необходимая (полностью взаимозависимая) причинно-следственная связь между средним значением оценки корреляции и среднеквадратическим отклонением. Это, по сути, криминологический рейтинг федеральных округов и субъектов Российской Федерации, в которых шкалой выступает степень вариации отклонений коэффициентов корреляции (далее – рейтинг отклонений).

Приведенные результаты корреляционного анализа позволяют выявить ряд следующих закономерностей:

1) в субъектах Российской Федерации с минимальной плотностью населения наблюдается, как правило, наименьшая связанность показателей пре-

ступности, что объясняется отсутствием единого для соответствующего региона тренда преступных проявлений (например, как для Забайкальского края и Иркутской области традиционно высокий удельный вес преступности несовершеннолетних) и его «размыванием» несвойственными для других субъектов видами преступлений (в частности, об этом свидетельствует криминологическая ситуация в Магаданской области (0,49) и Ненецком автономном округе (0,46)). В унисон отмеченной закономерности среди субъектов с наименьшей связанностью показателей преступности можно отметить и превышение естественного прироста населения над миграционными оттоками, что обнаруживается при изучении официального сайта Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru);

2) уровень социально-экономического благополучия и инвестиционной привлекательности, как правило, выше в субъектах с наименьшей связанностью показателей преступности (например, Ямало-Ненецкий автономный округ находится на 7 месте по валовому региональному продукту и входит в девятку указанных субъектов), что свидетельствует об отсутствии в данных субъектах явно проявляющихся социальных групп с высокой степенью криминальной пораженности, как правило, общеуголовной направленности и незначительной распространенностью криминологически значимых фоновых явлений преступности (в частности, алкоголизма, наркомании). Ведь криминальная активность таких групп, а также действие указанных фоновых явлений фактически направляют «горлышко» преступности на характерную и относительно обособленную группу корыстно-насильственных общественно опасных деяний;

3) среди субъектов с наименьшей связанностью показателей преступности более характерно проявляются такие её свойства, как равномерная массовость и распространенность, отсутствие системных и долговременных криминогенных факторов. Так, Э.Г. Юзиханова отмечает, что применительно к Ямало-Ненецкому автономному округу «характерны такие свойства, как массовость, распространенность» [5, с. 69];

4) для рассматриваемой группы субъектов характерен более значительный темп снижения числа зарегистрированных преступлений, отсутствие явных «всплесков» или «обвалов» в её динамике. Например, в Республике Алтай, которая входит в десятку субъектов с наименьшей связанностью показателей преступности начиная с 2015 г. и по 2019 г. включительно, наблюдается ежегодное стабильное снижение преступности (при этом в Российской Федерации в 2019 г. зафиксирован рост преступности на 1,6%).

Отмеченные закономерности в основном обратно пропорциональны для субъектов с наибольшей связанностью показателей преступности.

Корреляционный анализ можно применить и для исследования взаимосвязи иной совокупности показателей преступности. Так, вызывает исследовательский интерес анализ показателей преступности, отражающих совокупность зарегистрированных преступлений различной категории (далее – категориальные показатели преступности), т.е. таких видов, как особо тяжкие преступления (П1), тяжкие преступления (П2), преступления средней тяжести (П3) и преступления небольшой тяжести (П4). Здесь средняя оценка коэффициента корреляции по данным показателям в Российской Федерации составила 0,98 (столь высокое значение объясняется анализом меньшего количества признаков попарно сравниваемых показателей преступности). В группу округов с наиболее высоким средним значением корреляции попали Южный (0,97), Центральный (0,96) и Сибирский (0,95) федеральные округа, с наименьшим – Крымский федеральный округ (0,81). Затем усредненное место в рейтинге занимают Уральский (0,9) и Приволжский (0,92) федеральные округа. По субъектам Российской Федерации максимальной средней оценкой корреляции обладают Красноярский край и Ульяновская область (по 0,96), Краснодарский край (0,95) и Московская область (0,94), наименьшей – г. Севастополь (0,72), Чеченская Республика (0,74), Республика Ингушетия (0,75).

Соответственно, наибольшая вариация отклонений коэффициентов корреляции категориальных показателей преступности выявлена в Крымском (0,1), затем в Уральском (0,07) и Приволжском (0,5) федеральных округах, наименьшая – в Южном (0,01), Центральном (0,02) и Сибирском (0,03) федеральных округах. В субъектах Российской Федерации наибольшая вариация коэффициентов корреляции обнаружилась в Чувашской Республике (0,18) и Псковской области (0,17), г. Севастополе (0,16) и Республике Ингушетия (0,15), в Оренбургской области и Республике Тыва (по 0,14).

Анализируя полученные корреляционные данные категориальных показателей преступности, можно прийти к выводу о некоторой пертурбации федеральных округов (например, Сибирский федеральный округ находился на дне рейтинга связанности, но занял третье место среди округов с наиболее высоким средним значением корреляции категориальных показателей преступности) и частичном перемещении субъектов Российской Федерации как в рамках указанного рейтинга, так и в рейтинге отклонений (в частности, Республика Татарстан занимала третье место в рейтинге связанности, но переместилась на девятое место среди субъектов с наиболее высоким

средним значением корреляции категориальных показателей преступности, в свою очередь, Ненецкий автономный округ находился на дне рейтинга связанности, но переместился на восьмое место среди субъектов с наиболее низким средним значением корреляции категориальных показателей преступности). Это свидетельствует о трех основных наблюдениях:

1) корреляция категориальных показателей преступности принципиально не меняет расположение округов и субъектов как в рейтинге связанности, так и в рейтинге отклонений, т.е. не меняет местами крайние округа и субъекты в этих рейтингах, что свидетельствует о достаточно высокой репрезентативности сведений о корреляционной сопряженности показателей преступности по 14 видам зарегистрированных преступлений;

2) корреляционный анализ категориальных показателей преступности позволяет продемонстрировать не только степень связанности криминальной направленности посягательств, но и показать степень связанности уровней их общественной опасности, тем самым доводя до логического завершения «горизонтально-вертикальную» картину системных криминальных процессов в обществе;

3) такой анализ выступает дополнительным инструментом для полноценной криминологической характеристики отдельных категорий преступлений, которая, по справедливому мнению И.Э. Звечаровского и А.Л. Иванова, в отечественной криминологии до сих пор не получила должного освещения [1, с. 16].

Значительную научно-практическую ценность представляет корреляционный анализ показателей эффективности деятельности правоохранительных органов (далее – показатели эффективности). В целях удобства фиксации полученных результатов использовались следующие сокращения в наименовании показателей эффективности:

Р1 – предварительно расследовано особо тяжких преступлений;

Р2 – предварительно расследовано тяжких преступлений;

Р3 – предварительно расследовано преступлений средней тяжести;

Р4 – предварительно расследовано преступлений небольшой тяжести;

Р5 – количество особо тяжких преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд;

Р6 – количество тяжких преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд;

Р7 – количество преступлений средней тяжести, уголовные дела о которых направлены в суд;

Р8 – количество преступлений небольшой тяжести, уголовные дела о которых направлены в суд;

Р9 – не раскрыто особо тяжких преступлений;

Р10 – не раскрыто тяжких преступлений;

Р11 – не раскрыто преступлений средней тяжести;

Р12 – не раскрыто преступлений небольшой тяжести.

Корреляционная матрица обозначенных показателей представлена в таблице 2.

Таблица 2

Корреляционная матрица взаимосвязи показателей эффективности деятельности правоохранительных органов в Российской Федерации

	П1	П2	П3	П4	Р1	Р2	Р3	Р4	Р5	Р6	Р7	Р8	Р9	Р10	Р11	Р12
П1	1	0,98	0,98	0,99	0,99	0,98	0,97	0,99	0,99	0,98	0,96	0,99	0,99	0,96	0,98	0,99
П2	0,98	1	0,99	0,98	0,99	0,99	0,99	0,97	0,99	0,99	0,99	0,98	0,95	0,99	0,99	0,98
П3	0,98	0,99	1	0,99	0,99	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99	0,99	0,99	0,96	0,98	0,99	0,99
П4	0,99	0,98	0,99	1	0,99	0,98	0,98	0,99	0,99	0,98	0,96	0,99	0,98	0,96	0,98	0,99
Р1	0,99	0,99	0,99	0,99	1	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,96	0,98	0,99	0,99
Р2	0,98	0,99	0,99	0,98	0,99	1	0,99	0,97	0,99	0,99	0,99	0,98	0,94	0,98	0,99	0,98
Р3	0,97	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99	1	0,98	0,99	0,99	0,99	0,98	0,94	0,98	0,99	0,97
Р4	0,99	0,97	0,98	0,99	0,99	0,97	0,98	1	0,99	0,97	0,96	0,99	0,98	0,96	0,98	0,99
Р5	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	0,99	1	0,99	0,99	0,99	0,96	0,98	0,99	0,99
Р6	0,98	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99	0,99	0,97	0,99	1	0,99	0,98	0,94	0,98	0,99	0,98
Р7	0,96	0,99	0,99	0,96	0,99	0,99	0,99	0,96	0,99	0,99	1	0,97	0,92	0,98	0,98	0,96
Р8	0,99	0,98	0,99	0,99	0,99	0,98	0,98	0,99	0,99	0,98	0,97	1	0,97	0,96	0,98	0,99
Р9	0,99	0,95	0,96	0,98	0,96	0,94	0,94	0,98	0,96	0,94	0,92	0,97	1	0,93	0,96	0,98
Р10	0,96	0,99	0,98	0,96	0,98	0,98	0,98	0,96	0,98	0,98	0,98	0,96	0,93	1	0,99	0,97
Р11	0,98	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99	0,99	0,98	0,99	0,99	0,98	0,98	0,96	0,99	1	0,99
Р12	0,99	0,98	0,99	0,99	0,99	0,98	0,97	0,99	0,99	0,98	0,96	0,99	0,98	0,97	0,99	1

Среднее значение корреляции в Российской Федерации составило 0,98, что свидетельствует о достаточно высокой степени связанности показателей эффективности и их реакции на изменения числа зарегистрированных преступлений. Резонно предположить, что чем выше среднестатистическая оценка связи, тем более результативно и системно осуществляется противодействие преступности. Аналогичные корреляционные матрицы построены по субъектам Российской Федерации. В группу округов с наиболее высоким средним значением корреляции попали Центральный и Сибирский (по 0,95), Южный (0,94) федеральные округа, затем Северо-Западный, Северо-Кавказский, Дальневосточный и Приволжский (по 0,93), Уральский федеральный округ (0,92), с наименьшим – Крымский федеральный округ (0,72). По субъектам Российской Федерации максимальной средней оценкой корреляции обладают Красноярский край и Московская область (по 0,95), Ульяновская область (0,94), Вологодская, Иркутская и Владимирская области, Хабаровский и Забайкальский края (по 0,93), наименьшей – г. Севастополь и Республика Ингушетия (по 0,71), республики Крым и Тыва (по 0,72).

Результаты корреляционного анализа показателей эффективности наиболее информативно отражают во многом аналогичные результаты корреляционного анализа категориальных показателей преступности. Это объясняется тем обстоятельством, что корреляция показателей эффективности находится в достаточно прочной взаимосвязи с градацией криминальной вредоносности посягательств, тем самым демонстрируя ориентацию правоохранительной деятельности на энергичность противодействия криминальным деяниям в зависимости не от их направленности на соответствующую сферу общественных отношений, а в зависимости от степени общественной опасности данных деяний.

Таким образом, проведенное исследование показало, что взаимосвязь структурных показателей преступности отражает степень криминальной пораженности населения, социально-экономическую ситуацию, эффективность функционирования правоохранительных органов и факт существования системы «преступность – правоохранительная деятельность». Результаты корреляционного анализа и выявленные наблюдения обеспечивают обогащение криминологической науки новыми знаниями и позволяют их использовать при проведении последующих аналитических исследований преступности.

Литература

1. Звечаровский И.Э., Иванов А.Л. Криминологическая характеристика преступлений небольшой тяжести // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 14-21.

2. Иншаков С.М. Факторный анализ преступности. Корреляционный и регрессионный методы: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 127 с.

3. Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика: монография / под общ. ред. Р.М. Абызова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. 299 с.

4. Ольков С.Г. Корреляционный анализ структуры преступности в её объяснении и прогнозировании, изучение влияния безработицы на различные структурные составляющие преступности в России // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2015. № 2. С. 4-27.

5. Юзиханова Э.Г. Тенденции преступности в Ямало-Ненецком автономном округе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 2 (48). С. 68-84.

УДК 343.9:343.7
С.А. Тимко, *канд. юрид. наук, доцент*
Омская академия МВД России
E-mail: satimko@list.ru;
А.П. Подшивалов, *канд. юрид. наук*
Омская академия МВД России
E-mail: podshivalov5555@inbox.ru

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАЦИИ КРАЖ И УГОНОВ АВТОМОТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Деятельность сотрудников полиции по противодействию кражам и угонам авто-, мототранспортных средств представляет определенную сложность, связанную с многообразием причин и условий, способствующих совершению данных преступлений. Проведенное исследование позволило выявить и изучить ряд детерминантов, оказывающих влияние на структуру и динамику краж и угонов авто-, мототранспортных средств. Авторами охарактеризованы факторы, обуславливающие виктимное поведение. Особое внимание уделено недостаткам деятельности полицейских по общей и индивидуальной профилактике, пресечению и предотвращению рассматриваемых преступлений, организации взаимодействия между собой. Обозначена проблема излишне либеральной судебной практики. Изложенная информация может представлять интерес для совершенствования предупредительной работы полиции (с девиантами и потенциальными жертвами краж и угонов авто-, мототранспорта) и разработки проблем ее оптимизации.

Ключевые слова: авто-, мототранспортные средства, угоны авто-, мототранспорта, кражи авто-, мототранспорта, незаконное завладение транспортным средством, автоворы, детерминанты, виктимность автовладельцев, предупреждение, недостатки работы полиции.

S.A. Timko, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: satimko@list.ru;
A.P. Podshivalov, *Candidate of Juridical Sciences*
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: podshivalov5555@inbox.ru

ON THE ISSUE OF DETERMINING THEFT AND THEFT OF VEHICLES

The work of police officers in countering theft and theft of vehicles is a certain complexity, due to the variety of causes and conditions that contribute to the Commission of these crimes. The research allowed us to identify and study the determinants that influence the structure and dynamics of theft and theft of vehicles. The authors describe the factors that determine victim behavior. Special attention is paid to the shortcomings of the police in General and individual prevention, suppression and prevention of these crimes, and the organization of interaction among themselves. The problem of very liberal judicial practice is raised. The information may be of interest for improving the preventive work of the police (with deviants and potential victims of theft and theft of vehicles) and developing problems to optimize it.

Key words: vehicles, vehicle theft, theft of transport, illegal possession of a vehicle, car thieves, determinants, victimization of car owners, warning, shortcomings of the police.

Ученые и специалисты различных областей научного знания, изучающие преступность, в своих изысканиях большое внимание уделяют философской категории причинности. Это неудивительно, поскольку причинность «отражает один из наиболее общих, фундаментальных законов объективного мира, распространяющийся на все явления, процессы природы и общества, включая те, которые носят вероятностный характер и подчиняются статистическим закономерностям» [12, с. 10] и суть которых выражается в том, «из чего произошло данное явление, как протекал процесс его порождения, устанавливается факт связи между породившим и порожденным» [9, с. 238]. Следует отметить, что повышенный интерес к данной категории научного понимания особенно отчетливо проявляется в криминологии, поскольку в числе главных элементов ее предмета – преступность и ее причинность. Как справедливо отмечают криминологи, для исследования всей совокупности уголовных правонарушений в ее полноте и разнообразии требуется установить как можно больше обстоятельств, определяющих содержание и структуру изучаемого явления [10, с. 93]. Однако рассматривая преступность как сложное социальное явление, Е.С. Жигарев замечает, что в сложном процессе взаимодействия, в бесконечной цепи связей, которые существуют между предметами, часто довольно трудно определить конкретные причины тех или иных явлений (особенно общественных) [11, с. 88]; в некоторых ситуациях влияние конкретного фактора может носить прямой, непосредственный характер, выступая причиной, в иных – косвенный, опосредованный, являясь условием. В содержание причинно-следственных связей наиболее существенным компонентом входит детерминация.

Под детерминантами преступлений криминологи традиционно понимают конкретные причины, факторы, обстоятельства, которые порождают, обуславливают преступления [11, с. 91-92]. Содержание детерминант включает в себя явления, факторы, различающиеся по природе (объективные, объективно-субъективные, субъективные), механизму воздействия (причины, условия), уровню воздействия (преступность в целом, виды/группы преступлений, конкретные преступления), времени действия (ближайшие, отдаленные), содержанию (социальные, экономические, идеологические, организационные и т.п.), широте (общегосударственные, региональные, локальные) и др. Учет столь разнообразных предпосылок необходим для определения стратегии и тактики противодействия преступности как в целом, так и ее видам/группам, отдельным криминальным посягательствам. Соответственно, особенности детерминант определяют формы, методы, направления, объекты предупредительного воздействия, а также круг субъектов, осуществляющих профилактику, предотвращение, пресечение противоправных деяний.

Основным субъектом предупреждения преступлений, в т.ч. краж и угонов, в российском государстве является полиция. Реализуемые ею мероприятия призваны устранить, нейтрализовать либо минимизировать воздействие конкретных негативных факторов, прямо или косвенно способствующих совершению преступлений.

Наше исследование основано на материалах уголовной статистики, характеризующей структуру и динамику краж и угонов автомототранспорта, результатах опроса сотрудников полиции, специализирующихся на выявлении, предупреждении и раскрытии данных видов преступлений. Это позволило выявить и изучить ряд детерминантов, способствующих совершению краж и угонов автомототранспортных средств, воздействие на которые находится в непосредственной компетенции полиции и которым они должны уделить первостепенное внимание.

Как мы писали ранее [20], кражи и угоны автомототранспортных средств – преступления с большой виктимной составляющей. Поэтому характеризуя их детерминанты, прежде всего нужно сказать о беспечности автовладельцев к обеспечению сохранности своего имущества. Бóльшую часть автотранспортных средств в дневное и ночное время водители оставляют на неохраняемых парковках, придомовых территориях, обочинах дорог. Увеличивает виктимологическую привлекательность транспортных средств отсутствие охранной сигнализации[1]. Нужно указать также и то, что немногие из похищенных автомобилей были оборудованы дополнительно к сигнализации устройствами механической блокировки. Кроме того, при выезде следственно-оперативных групп на места происшествий в ряде случаев устанавливается, что водители, проявляя неосмотрительность, оставляют незапертыми двери, багажник или капот, опущенные стекла, не забирают из автотранспорта ключи, документы, ценные вещи и т.п. Откровенной провокацией, по словам профессионального угонщика, является весьма распространенная ситуация, когда «…на АЗС во время заправки автомобиля автовладельцы оставляют ключи зажигания в машине. Также нередко подобные угоны встречаются на закрытых платных паркингах, где водители выходят из машины, чтобы оплатить парковку, оставляя ключи в замке зажигания» [7].

Однако следует признать, что пользование автовладельцев гаражами и охраняемыми стоянками не является полной гарантией защиты транспортного средства. Почти каждая десятая кража совершена с

[1] По данным нашего исследования, у 94% угнанных и похищенных автомобилей ВАЗ различных моделей и модификаций, 10% иномарок отсутствовала сигнализация.

автостоянок, из неохраняемых гаражей. В числе наиболее важных детерминирующих факторов следует назвать то, что многие гаражные кооперативы не имеют охраны; в недостаточной степени освещены в темное время суток. Не используются возможности ночного патрулирования гаражных кооперативов силами наружных служб полиции, общественных формирований, частных охранных организаций. Встречаются случаи недобросовестного отношения к исполнению своих обязанностей по охране и сбережению имущества сотрудниками автостоянок (отлучился, уснул, распивал спиртное и пр.), а иногда и неправомерного использования оставленных транспортных средств самими охранниками. Не соблюдается пропускной режим, не проверяются документы на право управления транспортным средством у водителей, выезжающих с территории охраняемых автостоянок. Иллюстрирует изложенное тривиальный пример: Репко похитил из квартиры потерпевшего ключ от замка зажигания и дверей автомобиля «Форд Фиеста». Затем ознакомился с установленной на транспортном средстве охранной сигнализацией, переписал электронный код защитного противоугонного устройства и выяснил место хранения машины. В ночное время Репко беспрепятственно выехал на чужом автомобиле с охраняемой стоянки [18].

Характерной криминологической особенностью краж и угонов транспортных средств является концентрация таких деяний в городской местности (почти семь из десяти краж и угонов автотранспорта совершается на территории города[1]). Высокая криминальная активность автоворов в городах связана в первую очередь с их большей «насыщенностью» транспортом. К тому же сегодня в городах автомобильные стоянки и гаражные кооперативы даже на 20% не могут удовлетворить потребности владельцев автотранспорта. Весьма малое количество автостоянок, их дороговизна либо удаленность от места проживания в некоторой мере обуславливают тот факт, что подавляющее большинство автотранспортных средств водители оставляют во дворах и на улицах возле домов.

Негативное влияние на состояние криминальных посягательств на автомобили оказывает и недостаточный контроль за посторонними лицами во дворах. Придомовые территории и городские парковки в недостаточной степени оборудованы камерами видеонаблюдения. К примеру, А.Г. Гришаков провел исследование, в рамках которого участковым уполномоченным задавался вопрос «Имеются ли на территории вашего административного участка какие-либо системы видеонаблюдения, о которых вы знаете?». 96,7% опрошенных ответили положительно, при этом 2/3 указали, что в преобладающем большинстве многоквартирных домов жилого сектора такие системы не установлены [4, с. 39-43]. Особенно это актуально для периферийных регионов. Наличие видеонаблюдения способно заставить злоумышленников, чье криминальное поведение носит ситуативный, случайный характер, отказаться от своего намерения. Как справедливо утверждают В.В. Касьянов и В.И. Петров, в местах, где установлено больше камер, совершается гораздо меньше правонарушений, чем в не контролируемых видеоприборами местах [8, с. 75].

Значительное влияние на механизм совершения преступления оказывает возможность свободного приобретения на черном рынке, причем по относительно невысокой цене[2], специальных технических устройств для завладения автомобилем (код-грабберы, радиоретрансляторы команд управления, генераторы радиопомех и др.). Интернет-сайты изобилуют сообщениями, наглядно демонстрирующими способы проникновения в салон автомобиля, обхода сигнализации, вскрытия запирающих устройств, запуска двигателя и пр. К такой информации нередко проявляют интерес ранее судимые лица. В связи с этим полагаем, похитителей автотранспорта сегодня лишь с определенной долей условности можно отнести к профессиональным преступникам. Подавляющее большинство преступлений они совершают с использованием указанных приспособлений, наличия преступной квалификации (знаний и навыков), а тем более специализации (узкопрофессиональных навыков и умений, направленных на качественные подготовку, совершение и сокрытие однотипных или одновидовых преступлений) для вскрытия замков, приведения автомобиля в движение им зачастую не требуется.

Для всесторонней оценки причинного комплекса краж и угонов автомототранспортных средств необходимо учитывать и просчеты в деятельности полиции по предупреждению исследуемых преступлений. Например, А.А. Лабутин указывает на «...недостаточное количество специальных операций и рейдов по выявлению и пресечению краж и угонов автотранспортных средств; недостаточную информационную поддержку со стороны подразделений органов внутренних дел, отвечающих за формирование информационных баз данных; недостаточную штатную укомплектованность специализированных подразделений уголовного розыска; низкий уровень профессионализма отдельных сотрудников полиции; низкую оперативную осведомленность полицейских о пре-

[1] Тогда как в целом соотношение преступных деяний, зарегистрированных в городах и посёлках городского типа и сельской местности, составляет 4:1 соответственно.

[2] 5-10 лет назад стоимость таких электронных устройств была сопоставима с ценой приличной иномарки [16, с. 96]. Сейчас затраты злоумышленника на приобретение код-граббера, генератора радиопомех, радиоретранслятора команд управления и прочих технических средств могут составить от 10 тысяч рублей.

ступных группах и их членах, действующих в сфере краж и угонов автотранспортных средств» [13, с. 23]. Аналогичные детерминанты выявили А.В. Богданов и Е.Н. Хазов [1, с. 38].

Следует отметить, что недостатки в организации собственной деятельности полиции являются типичными для российских регионов. К примеру, низкий профессиональный уровень сотрудников; слабая эффективность раскрытия преступлений по горячим следам; неудовлетворительный уровень взаимодействия различных подразделений полиции; недостаточная эффективность организации оперативно-разыскной деятельности характерны для тюменской практики борьбы с посягательствами на автотранспорт [2, с. 53].

Проведенное нами исследование показало, что в целом указанные недоработки полиции имеют место. Однако считаем необходимым некоторые из них уточнить и дополнить.

Прослеживается закономерность: в силу упущений в организации общей и индивидуальной профилактической работы территориальных подразделений полиции три из четырех краж и угонов автомототранспортных средств совершаются лицами, ранее судимыми, ведущими антиобщественный образ жизни; более 2/3 не имеют постоянного источника дохода. Почти половина преступников в момент совершения угона находилась в состоянии алкогольного опьянения.

Наряду с этим, по нашим сведениям, наблюдается нерезультативное участие сотрудников патрульно-постовой службы, участковых уполномоченных полиции в раскрытии рассматриваемых преступлений. Ими раскрывается в среднем по 5% от общего числа раскрытых краж и угонов транспортных средств. Тогда как именно участковый должен владеть информацией о ранее судимых за аналогичные преступления, проживающих на административном участке, быть в курсе их контактов и интересов; знать подростков, склонных к девиантному поведению, знать и отрабатывать криминогенные места, где может отстаиваться и разукомплектовываться похищенный автотранспорт. Сотрудники патрульно-постовой службы полиции также должны устанавливать и проверять такие места.

По сложившейся практике основную нагрузку по раскрытию преступлений несут на себе подразделения уголовного розыска (их сотрудниками раскрывается около 2/3 этих преступлений). Однако недостатки в организации оперативного обслуживания территорий и объектов, низкая оперативная осведомленность о процессах, протекающих в преступной среде, слабое информационное взаимодействие с сотрудниками различных подразделений полиции (в первую очередь подразделений по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции), текучесть кадров не позволяют своевременно устанавливать лиц, от которых можно ожидать совершения преступления, выявлять возможные места противоправного завладения автотранспортом, его отстоя, разукомплектования.

Весьма актуальным криминогенным фактором, оказывающим влияние на совершение краж и угонов автотранспортных средств, является наличие на улицах неэксплуатирующихся длительное время либо находящихся в аварийном состоянии, а также частично разукомплектованных транспортных средств. Так, например, на неохраняемой парковке возле офисных помещений в течение 5 лет стоял автомобиль DAEWOO-NEXIA в разбитом состоянии. Бордяев увидел бесхозный автомобиль, у которого не было стекол, были спущены колеса. Предположив, что у машины нет хозяина и что она не представляет ценности, Бордяев нанял эвакуатор и увез ее на разборку, где сдал за 8 000 рублей [17]. Подобные ситуации являются следствием невыполнения возложенной на участковых уполномоченных полиции п. 7.12 Инструкции о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [14] обязанности по выявлению на административном участке брошенного, бесхозяйного и разукомплектованного автотранспорта, принятию мер к установлению его принадлежности, проведению проверки на предмет нахождения в розыске. С владельцами таких автомобилей не осуществляется работа по перемещению транспортного средства в гаражи либо охраняемые места.

Особое место среди факторов, способствующих совершению краж и угонов автомототранспортных средств, следует отвести недостаткам в организации и проведении полицией локальных мероприятий с целью пресечения незаконного автобизнеса в местах вероятного сбыта, разукомплектования и отстоя транспорта, а также выявления латентных преступлений. Действительно, сегодня в российских регионах проводится немало целевых профилактических операций. Однако непосредственно на противодействие кражам и угонам автомототранспортных средств направлена лишь оперативно-профилактическая операция «Автомобиль»[1]. Кроме того, зачастую в силу

[1] Проводится ежеквартально с участием сотрудников уголовного розыска, подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции, подразделений по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции. В рамках операции проверяются транспортные средства, места хранения и ремонта автотранспорта: автостоянки, гаражные кооперативы и отдельно стоящие гаражи, станции технического обслуживания и автомастерские, автомагазины и авторынки, пункты приема металла и другие места возможного отстоя похищенного. Осуществляется проверка лиц, состоящих на оперативном учете, склонных к совершению преступлений, связанных с кражами и угонами автотранспорта.

формального подхода участвующих в таких операциях сотрудников эффективность крайне низка (редко выявляются не известные ранее места хранения похищенного автотранспорта, изменения его идентификационных обозначений; не устанавливаются лица и преступные группы, причастные к незаконному автобизнесу; число задержаний разыскиваемых транспортных средств, в т.ч. по линии Интерпола, невелико).

К числу условий, способствующих совершению рассматриваемых преступлений, следует отнести сокращение патрулей ДПС, отсутствие стационарных контрольно-пропускных пунктов на въезде/выезде из города, а также недостаточное оснащение камерами фото- и видеофиксации передвижений транспортных средств на обслуживаемой территории. Осознание злоумышленниками большой вероятности беспрепятственного перемещения на чужом автомобиле играет далеко не последнюю роль в механизме преступного поведения.

Нужно отметить и сбои в работе мобильных устройств ДПС ГИБДД, использующихся для проверки автомобилей по соответствующим автоматизированным учетам как при традиционном несении службы, так и при проведении целевых оперативно-профилактических операций, рейдов.

Недостаточная штатная укомплектованность и низкий профессионализм сотрудников подразделений уголовного розыска по линии краж и угонов автомототранспорта усугубляются наделением их дополнительными функциями по иным направлениям деятельности органов внутренних дел (миграция, незаконный оборот наркотиков, охрана общественного порядка и пр.), а также отсутствием опытных сотрудников, способных поделиться своими знаниями и навыками с молодежью.

Установлено, что дорогостоящие похищенные автомобили злоумышленники часто переправляют за границы Российской Федерации для последующей продажи[1]. Несмотря на то что сегодня существуют нормативные правовые акты, регламентирующие противодействие таким транснациональным посягательствам [3, 15], их пресечение, предотвращение и раскрытие оставляют желать лучшего. По свидетельствам экспертов, за рубежом при постановке автомобиля на учет не осуществляется проверка VIN-кода в международном банке данных Интерпола о похищенном автотранспорте; ответов на запросы в правоохранительные органы иностранных государств, направляемые через Национальное центральное бюро Интерпола МВД России, приходится ждать месяцами, что ведет к утрате их актуальности.

На состояние краж и угонов автомототранспортных средств негативно сказывается общая тенденция гуманизации уголовной политики. Зачастую судами в отношении лиц, совершивших рассматриваемые деяния, избирается мера пресечения, не связанная с заключением под стражу, что способствует рецидиву в совершении преступлений и лишает возможности качественно и всесторонне отработать данных лиц на причастность к совершению аналогичных противоправных деяний. Не смущает судей и тот факт, что такие фигуранты, как правило, не работают, ранее судимы за совершение имущественных преступлений, ведут антиобщественный образ жизни. Не отличаются жесткостью и назначаемые по результатам рассмотрения уголовного дела наказания. Так, в 2018 г. в качестве основного наказания по ст. 166 УК РФ чаще всего избирались меры, не связанные с лишением свободы (см. табл. 1). Мягкость уголовно-правовой репрессии негативно сказывается на правосознании преступников, ведет «...к ослаблению, а в последующем и отрицанию права, формируя тем самым правовой нигилизм» [19, с. 86], а именно убежденность в безнаказанности и допустимости дальнейшего криминального поведения.

Таблица 1

Характеристика видов основного наказания, назначенных осужденным по ст. 166 УК РФ в 2018 г. и первом полугодии 2019 г. [5]

	ч. 1 ст. 166 УК РФ	ч. 2-4 ст. 166 УК РФ
лишение свободы	36% (от числа осужденных по ч. 1)	31% (от числа осужденных по ч. 2-4)
лишение свободы условно	36% (от числа осужденных по ч. 1)	51% (от числа осужденных по ч. 2-4)
ограничение свободы	16% (от числа осужденных по ч. 1)	0,3% (от числа осужденных по ч. 2-4)
штраф	9% (от числа осужденных по ч. 1)	13% (от числа осужденных по ч. 2-4)

Отдельно нужно сказать о несовершеннолетних. Не секрет, что угоны автомототранспорта – одно из часто совершаемых ими преступлений (после краж чужого имущества), как свидетельствуют практические работники, чаще всего характеризующееся многоэпизодностью. При этом судьи весьма лояльны при определении наказания. Даже за квалифицированные виды угона реальное лишение свободы применяется лишь к каждому восьмому осужденному по этой статье подростку, а более половины получа-

[1] В Сибирском федеральном округе такими «проблемными» государствами являются Республика Казахстан и Киргизская Республика.

ют лишь условный срок (см. табл. 2). И это при том, что 36% осужденных по ч. 1 и 15% осужденных по ч. 2-4 указанной статьи на момент совершения этого преступления имели неснятую и непогашенную судимость, а каждый шестой был не судим, но состоял на учете в специализированном государственном органе. Такая лояльность осознается и самими подростками. Отсутствие страха перед наказанием наблюдается и в беседах с полицейскими, в которых они откровенно говорят, что «будут совершать угоны и в дальнейшем, потому что их все равно не посадят». На излишне либеральное уголовное законодательство и позицию суда в рассматриваемой сфере указывает и А.А. Лабутин [13, с. 22].

Таблица 2

Характеристика видов основного наказания, назначенных несовершеннолетним /осужденным по ст. 166 УК РФ в 2018 г. и первом полугодии 2019 г. [6]

	ч. 1 ст. 166 УК РФ	ч. 2-4 ст. 166 УК РФ
лишение свободы	14% (от числа осужденных несовершеннолетних по ч. 1)	12% (от числа осужденных несовершеннолетних по ч. 2-4)
лишение свободы условно	24% (от числа осужденных несовершеннолетних по ч. 1)	58% (от числа осужденных несовершеннолетних по ч. 2-4)
ограничение свободы	37% (от числа осужденных несовершеннолетних по ч. 1)	0,5% (от числа осужденных несовершеннолетних по ч. 2-4)
штраф	17% (от числа осужденных несовершеннолетних по ч. 1)	20% (от числа осужденных несовершеннолетних по ч. 2-4)

В заключение необходимо отметить, что важнейшей особенностью причинного комплекса краж и угонов автомототранспортных средств является множественность факторов, влияющих на эти преступления. Значительное воздействие на структуру и динамику краж и угонов оказывают факторы и обстоятельства, связанные с виктимным поведением жертвы – беспечным отношением к обеспечению сохранности своего автомобиля.

Менее очевидными, но весьма интенсивными и обширными являются упущения в деятельности полиции по предупреждению индивидуального противоправного поведения автоворов и угонщиков, выявлению, предотвращению и пресечению организованной криминальной деятельности, по взаимодействию подразделений полиции между собой и другими заинтересованными субъектами. Весьма распространены проблемы, связанные с отсутствием профессионально подготовленных сотрудников, а также достаточного числа оперуполномоченных уголовного розыска, работающих по этим преступлениям.

Рецидивное криминальное поведение лиц, совершающих рассматриваемые преступления, особенно ярко проявляется на фоне излишне либеральной судебной практики.

Знание сотрудниками полиции криминогенных факторов позволит принимать действенные меры по предупреждению краж и угонов авто-, мототранспортных средств на ранних этапах умышленной преступной деятельности, минимизировать недостатки собственной профессиональной деятельности.

Литература

1. Богданов А.В., Хазов Е.Н. Актуальные вопросы противодействия кражам и угонам автомототранспортных средств оперативными подразделениями ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 37-40.

2. Вагин П.А., Бакланов Л.А. Проблемы противодействия кражам и угонам автотранспортных средств в Тюменской области и пути их решения // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 2 (3). С. 53-56.

3. Вопросы эксплуатации программного обеспечения для реализации сервиса обеспечения оперативно-служебной деятельности НЦБ Интерпола МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 3 ноября 2016 г. № 696. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гришаков А.Г. Деятельность участкового уполномоченного полиции по профилактике административных правонарушений и раскрытию преступлений с использованием систем видеонаблюдения // Алтайский юридический вестник. 2019. № 25. С. 39-43.

5. Данные судебной статистики. № 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894 (дата обращения: 09.03.2020).

6. Данные судебной статистики. № 12 «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте». URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894 (дата обращения: 09.03.2020).

7. Исповедь угонщика: тайная жизнь и кражи автомобилей. URL: https://1gai.ru/baza-znaniy/sovety/521094-ispoved-ugonschika-tajnaja-zhizn-i-krazhi-avtomobilej.html (дата обращения: 27.02.2020).

8. Касьянов В.В., Петров В.И. Особенности организации действий правоохранительных органов по поддержанию правопорядка на территории Краснодарского края как основы стабильного взаимодействия государственной власти с гражданским обществом // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1-1. С. 74-78.

9. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005. 912 с.

10. Криминология: учебник для студентов юридических вузов / под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 518 с.

11. Криминология: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 519 с.

12. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М.: Норма, 2006. 112 с.

13. Лабутин А.А. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению краж, угонов автотранспортных средств // Вестник НЦБЖД. 2014. № 3 (21). С. 19-27.

14. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола [Электронный ресурс]: приказ МВД России № 786, Минюста России № 310, ФСБ России № 470, ФСО России № 454, ФСКН России № 333, ФТС России № 971 от 6 октября 2006 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Плодовский Ю.В., Галушкин А.А. Кража автомобилей – традиционное профессиональное преступление // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 95-100.

17. Приговор от 23 августа 2017 г. по делу № 1-137/2017. URL: https:// sudact.ru (дата обращения: 27.02.2020).

18. Приговор от 23 октября 2012 г. по делу № 1-335/2012. URL: https:// sudact.ru (дата обращения: 27.02.2020).

19. Телегина Е.Г., Лукиева М.А. Правосознание и правовая культура как инструмент противодействия преступности // Алтайский юридический вестник. 2019. № 4 (28). С. 84-90.

20. Тимко С.А., Подшивалов А.П. Виктимологические аспекты краж и угонов автомобилей // Виктимология. 2019. № 2 (20). С. 22-27.

УДК 343.58
А.Ю. Чернигова
адъюнкт Восточно-Сибирского института МВД России
E-mail: nasty_cherny@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

В настоящей статье исследован объект преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Для установления сущности объекта жестокого обращения с животными, была использована научно-обоснованная классификация по двум основаниям, во-первых по степени обобщенности, во-вторых, в зависимости от той роли, которую играет объект в определении социально-правовой природы конкретного преступления. При изучении различных точек зрения автор пришел к выводу, что родовым объектом являются общественная безопасность и общественный порядок, а также видовым объектом жестокого обращения с животными является общественная нравственность, а непосредственным объектом выступает общественная нравственность в сфере отношения человека к животному. В свою очередь, факультативным объектом жестокого обращения с животными выступают отношения в сфере охраны собственности, а также следует отметить, что дополнительный объект жестокого обращения с животными отсутствует.

Ключевые слова: объект преступления, родовой объект, видовой объект, непосредственный объект, дополнительный объект, факультативный объект, жестокое обращение с животными, преступление.

A.Yu. Chernigova
postgraduate student of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: nasty_cherny@mail.ru

REVISITING THE OBJECT OF ANIMAL CRUELTY

This article examines the object of the crime under article 245 of the Criminal Code of the Russian Federation. To establish the essence of the object of cruelty to animals, a scientifically based classification was used on two grounds: first, the degree of generalization, and secondly, depending on the role that the object plays in determining the socio-legal nature of a particular crime. When studying various points of view, the author came to the conclusion that the generic object is public safety and public order, as well as the specific object of animal cruelty is public morality, and the direct object is public morality in the sphere of human relations to animals. In turn, the optional object of animal cruelty is relations in the field of property protection, and it should also be noted that there is no additional object of animal cruelty.

Key word: crime object, generic object, specific object, direct object, additional object, optional object, animal cruelty, crime.

Любое преступление посягает на существующие в обществе определенные отношения между людьми. Такие отношения могут возникать в различных сферах жизнедеятельности человека. Например, они возникают в сфере охраны жизни, здоровья, чести, достоинства, в сфере охраны собственности и др.

Следует отметить, что в уголовно-правовой доктрине выделяют качественную и количественную стороны общественной опасности. Характер общественной опасности выступает качественной характеристикой преступления, а степень – количественной. Характер общественной опасности определяется теми общественными отношениями, на которые совершено посягательство, т.е. объектом преступления.

В научной литературе до сих пор не сформировалось единой точки зрения относительно определения правовой природы объекта преступления. Например, В.Ю. Шевченко признает в качестве объекта преступления человека, также считает, что собственность, государственная и общественная безопасность могут рассматриваться в качестве объекта преступления [17, с. 19]. Г.П. Новоселов отмечает, что в качестве объекта преступления нужно понимать человека или людей [12, с. 51]. В свою очередь, Е.А. Фролов полагает, что в качестве объекта преступления выступают общественные отношения, охраняемые уголовным правом [16, с. 200].

Анализ юридической литературы свидетельствует о том, что в настоящее время наиболее распространенным является суждение о том, что в качестве объекта преступления выступают все-таки общественные отношения, на которые посягает преступник, потому как понимая под объектом человека, вещь, предмет, невозможно понять суть самого преступления, т.к. это значительно сужает понимание объекта. Общественные отношения выступают в виде социальных связей между людьми, обществом и государством, которые возникают по поводу различных взаимодействий между собой. Некоторые авторы, характеризуя объект преступлений, указывают на то, что объектом преступления следует признавать общественные отношения, охраняемые законом, которым преступлением причиняется вред либо создается угроза причинения вреда [6, с. 3].

Для установления сущности объекта преступления необходимо обратиться к классификации, которая была научно обоснована. Также с ее помощью возможно определить место объекта преступления в системе общественных отношений, его значимость в обществе и общественную опасность причинения ему вреда.

Следует отметить, что в теории уголовного права классификацию объекта преступления необходимо проводить по двум основаниям, во-первых, по степени обобщенности (уровню уголовно-правовой охраны), во-вторых, в зависимости от той роли, которую играет объект в определении социально-правовой природы конкретного преступления.

В соответствии с первым основанием классификация объекта преступления выглядит следующим образом: выделяют общий, родовой, видовой и непосредственный объект, т.к. главной составляющей является логическая операция от общего к частному.

При классификации на основе второго основания ключевым моментом является то, что выделение объектов преступления происходит на уровне непосредственного объекта, а именно выделяют основной, дополнительный и факультативный объект.

Общим объектом преступлений являются все общественные отношения, взятые уголовным законом под охрану.

В свою очередь, родовым объектом преступления является совокупность однородных отношений, взаимосвязанных между собой, которые урегулированы нормами уголовного закона.

Сложно не согласиться со справедливым мнением большинства ученых, таких как Е.В. Бочаров, Е.В. Богатова, В.Н. Китаева, о том, что действительно родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка. Так, Е.В. Богатова указывает, что родовым объектом жестокого обращения с животными являются общественные отношения, обеспечивающие охрану общественной безопасности и общественного порядка [1, с. 37]. Аналогичного мнения придерживается В.Н. Китаева, по мнению которой таковым объектом будут выступать общественная безопасность и общественный порядок [7, с. 66].

Следует поддержать позицию указанных ученых относительно определения родового объекта жестокого обращения с животными. Во-первых, это связано с тем, что ст. 245 УК РФ закреплена в разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Родовым объектом преступлений, содержащихся в этом разделе, выступают общественная безопасность и общественный порядок. Во-вторых, жестокое обращение с животными нарушает отношения по нравственному воспитанию населения, является проявлением бесчеловечного отношения к животным, жестокости и садизма. Общественная опасность преступления заключается в том, что подобная жестокость воспитывает в человеке низменные чувства, а также может способствовать совершению других преступлений, в связи с чем нарушается совокупность общественных отношений, правовое регулирование которых обеспечивает устранение условий и факторов, создающих потенциальную и реальную опасность для жизненно важных

интересов личности, общества и государства. Совершение преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, также указывает, что источником опасности для общества выступают противоправное поведение людей и их насильственные действия (бездействие) в отношении животного, которые обусловлены нарушением общих правил безопасности и порядка, соблюдение которых является обязанностью каждого члена общества.

Видовой объект преступления является более узкой группой отношений, имеющих общие интересы и ценности, входящие в один вид. В свою очередь, Е.Ю. Гаевская справедливо указывает, что видовым объектом жестокого обращения с животными является общественная нравственность [3, с. 128]. Е.В. Бочаров также утверждает, что видовым объектом анализируемого состава преступления выступает общественная нравственность [2, с. 3]. Кроме того, Р.В. Свиридов полагает, что видовым объектом жестокого обращения с животными являются здоровье населения и общественная нравственность [14, с. 20].

В этой связи представляется необходимым рассмотреть понятие «нравственность» с целью определения ее в качестве видового объекта жестокого обращения с животными. При рассмотрении общественной нравственности Е.В. Миллеров делает вывод о том, что долг, честь, достоинство, справедливость – это общечеловеческие ценности. Из этого следует, что общественная нравственность – это совокупность общественных отношений, обеспечивающая соблюдение норм и правил поведения, представления об общечеловеческих ценностях, сложившихся в обществе [9, с. 34]. В этой связи представляется верной позиция Р.Б. Осокина, который указал, что нравственность не охватывает все общество, а представляет собой совокупность норм, принципов и ценностей по поводу внутренних взаимоотношений между членами коллектива и между коллективом, его членами и иными субъектами, а общественная нравственность распространяется на все индивидуальные и коллективные субъекты в рамках конкретного общества [12, с. 40].

Следовательно, можно предположить, что законодатель намеренно указывает признак общественности, подчеркивая, что нормы нравственности присущи всем людям в пределах границ государства, а не отдельно взятой группе лиц. Жестокое обращение с животными относится к преступлениям против общественной нравственности, т.к. лицо, причиняя увечья или смерть животному, показывает такое отношение не только к самому животному, но и к обществу в целом, которое является порочащим и оскорбляющим общепринятые правила поведения в обществе, мораль и духовные чувства и ценности. Жестокость, проявленная по отношению к животным, способствует развитию в человеке чувства равнодушия к страданию живого существа, укрепляет агрессивность и провоцирует насилие по отношению к окружающим, а также оказывает влияние на лиц, ставших очевидцами. Например, гр. М. с шести лет убивал и мучил животных, после чего начал убивать людей с особой жестокостью[1].

Непосредственным объектом преступления выступают определенные общественные отношения, находящиеся под охраной уголовного закона, на которые совершаются преступные посягательства.

Можно привести точку зрения Р.Г. Гунариса, который пришел к выводу, что непосредственным объектом жестокого обращения с животными является определенная часть общественной нравственности, которая указывает на сложившиеся отношения человека к животному [5, с. 124].

Как представляется, более точно высказался Е.В. Бочаров о том, что в качестве непосредственного объекта выступают отношения человека к животному по его содержанию [2, с. 3]. Также В.Н. Китаева указывает, что непосредственным объектом жестокого обращения с животными выступает общественная нравственность, касающаяся отношения человека к животному [7, с. 67].

Сложно не согласиться с позицией авторов, т.к. непосредственным объектом может выступать не вся общественная нравственность, а именно та ее часть, которая связана с бережным отношением к животным со стороны человека. Дополнительным аргументом выступает тот факт, что животные не могут в полной мере защитить себя от преступного посягательства со стороны человека. Человек же является существом разумным и в силу своей развитости имеет различные права, которые ему дают некую власть над иными существами. Но ни одно право не существует без соответствующей обязанности, и согласно этому человек обязан заботиться и бережно относиться к животному.

Далее необходимо рассмотреть дополнительный объект преступления, под которым понимаются общественные отношения, которые в конкретной уголовно-правовой норме защищаются лишь попутно, потому что они неизбежно нарушаются при посягательстве на основной объект.

В отношении дополнительного объекта исследуемого преступления в теории уголовного права нет единства мнения. Так, К.П. Семенов высказался, что дополнительным объектом жестокого обращения с животными будут выступать общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность чужого имущества [15, с. 154].

[1] Архив Ростовского областного суда. Д. № 2-189/96.

В свою очередь, Е.В. Бочаров также считает, что целесообразно выделить дополнительный объект жестокого обращения с животными, т.е. имущественные отношения [2, с. 3]. Дополнительным объектом выступают отношения в сфере охраны собственности, потому как в соответствии со ст. 137 ГК РФ к животным применяются общие правила об имуществе [4].

Однако, на наш взгляд, отношения собственности не могут выступать в качестве дополнительного объекта жестокого обращения с животными, т.к. при совершении преступных действий в отношении животных не во всех случаях имеется законный владелец животного. Жертвами жестокого обращения с животными становятся и бездомные животные.

Присутствует еще одна точка зрения относительно дополнительного объекта в связи с вступившим в законную силу Федеральным законом от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором закреплено, что обращение с животными основывается на нравственных принципах и принципах гуманности. Во-первых, данные принципы основаны на бережном отношении к животному, испытывающему эмоции и физическое страдание; во-вторых, указанные принципы означают, что человек должен нести ответственность за животное, которое приручил; в-третьих, они прививают населению чувство нравственного и гуманного отношения к животным [11]. В этой связи дополнительным объектом жестокого обращения с животными предлагают признать жизнь, здоровье и нормальное развитие животного [8, с. 452].

О.В. Саратова считает, что дополнительным объектом будет выступать жизнь и здоровье животного, аргументируя тем, что лицо, совершающее преступное посягательство в отношении животного, причиняет вред общественной нравственности установленным правилам и нормам поведения в обществе [13, с. 27].

Но признать дополнительным объектом жизнь, здоровье и нормальное развитие животного не представляется возможным, т.к. уголовно-правовые нормы направляют свой интерес на защиту прав человека, а не животного, т.к. права человека урегулированы на законодательном уровне, а «права животного» ничем не подкреплены. То есть данная формулировка дополнительного объекта, предусмотренного ст. 245 УК РФ, не допустима.

В этой связи нельзя оставить без внимания утверждение В.Н. Китаевой о том, что у данного состава преступления дополнительный объект отсутствует, т.к. жизнь и здоровье животного не указаны в ст. 245 УК РФ ни в качестве конструктивного, ни в качестве квалифицирующего признака состава преступления [7, с. 68].

Анализируя вышеперечисленные мнения, можно прийти к выводу, что у состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, отсутствует дополнительный объект, что обусловлено рядом факторов. Во-первых, имущественные отношения не могут выступать дополнительным объектом, т.к. нормы гражданского законодательства регулируют общественные отношения в сфере защиты домашних животных, жертвами преступных посягательств могут выступать и безнадзорные, и дикие животные. Во-вторых, жизнь, здоровье и нормальное развитие животного не являются дополнительным объектом, потому как уголовное законодательство направлено на охрану жизни, здоровья и законных интересов человека, а называемые «права животных» на законодательном уровне не закреплены.

Целесообразно выделить факультативный объект преступления, представляющий собой объект, который при совершении конкретного преступления может существовать наряду с основным, но также может и отсутствовать.

В.Н. Китаева справедливо указывает, что факультативным объектом жестокого обращения с животными выступают общественные отношения, которые обеспечивают право собственности на животных [7, с. 68].

Придерживаясь аналогичной точки зрения, стоит отметить, что правоотношения собственности, регулируемые Гражданским кодексом РФ, связаны только с домашними животными. В соответствии со ст. 137 ГК РФ к животным применяются общие правила об имуществе. В случаях, когда законный владелец животного обращается в явном противоречии с законом и принятыми правилами поведения в обществе, в соответствии со ст. 241 ГК РФ такие животные могут быть изъяты у собственника путем выкупа лицом, который предъявил требование в суд. В таком случае цена выкупа определяется соглашением сторон, а если возникает спор, то он разрешается судом [4]. Отсюда следует, что домашние животные представляют собой материальную ценность, их повреждение или уничтожение может проявляться в частных случаях умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества, ответственность за которые предусмотрена ст. 167 УК РФ. Другими словами, лицо посягает на отношения собственности. Исходя из этого, в правоприменительной практике возникают вопросы, связанные с квалификацией таких действий по ст. 167 УК РФ. При этом отметим, что в действиях лица в определенных случаях может усматриваться совокупность преступления, предусмотренного ст. 167 и 245 УК РФ.

Так, Ростовским областным судом от 18 сентября 2001 г. гр. Б. по предварительному сговору во дворе дома отравил немецкую овчарку, принадлежавшую А.В., причинив потерпевшей ущерб на сумму 5000 рублей. Б. был осужден по ч. 2 ст. 245 и ч. 1 ст. 167 УК РФ, но в дальнейшем судебная коллегия установила, что у гр. Б. отсутствовал умысел на жестокое обращение с животными, собака была отравлена именно с целью устранения препятствий при совершении разбойного нападения на семью, вследствие чего переквалифицировала действия гр. Б. с ч. 2 ст. 245 УК РФ на ч. 1 ст. 167 УК РФ[1].

Таким образом, проанализировав данное решение Верховного Суда РФ, можно сделать вывод, что у гражданина при совершении преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, должен присутствовать умысел на жестокое обращение с животными, у которых имеется собственник или законный владелец. Только при наличии умысла на жестокое обращение с животными в действиях лица будут усматриваться признаки состава преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. При отсутствии такого умысла нельзя квалифицировать действия виновного по ст. 245 УК РФ, поэтому действия квалифицируются только по ст. 167 УК РФ при наличии законного владельца животного, которому таким образом причиняется материальный ущерб.

Но жертвами жестокого обращения с животными становятся не только домашние животные, но и безнадзорные и дикие животные, у которых нет законных владельцев, соответственно, не возникают имущественные отношения. Таким образом, факультативным объектом жестокого обращения с животными в случаях, если у них имеется собственник или законный владелец, будут выступать отношения по охране собственности.

Подводя итог, можно отметить, что при рассмотрении объекта жестокого обращения с животными для полного исследования применялась его классификация по вертикали и горизонтали. Были раскрыты родовой, видовой, непосредственный объекты жестокого обращения с животными. Родовым объектом жестокого обращения с животными выступают общественные отношения в сфере общественной безопасности и общественного порядка, видовым объектом преступления является общественная нравственность. Проанализированы различные точки зрения относительно непосредственного объекта жестокого обращения с животными, на основе чего был сделан вывод, что, кроме общественной нравственности в сфере отношения человека к животному, еще следует выделить факультативный объект жестокого обращения с животным, таковым будут являться отношения в сфере охраны собственности. Также следует обратить внимание на то, что в ст. 245 УК РФ отсутствует дополнительный объект преступления.

Литература

1. Богатова Е.В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 186 с.

2. Бочаров Е.В. Объект и предмет состава жестокого обращения с животными // Вестник ТГУ. 2013. Вып. 11. С. 2-5.

3. Гаевская Е.Ю. Уголовно-правовая охрана животного мира: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 185 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 18.07.2019; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

5. Гунарис Р.Г. Уголовно-правовая охрана животных от жестокого обращения // Труды Юридического факультета Ставропольского государственного университета. Ставрополь, 2003. Вып. 3.

6. Загайнов В.В. Характеристика объекта состава преступления, предусмотренного статьей 186 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2011. № 4 (59). С. 3-10.

7. Китаева В.Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. 284 с.

8. Коваленко М.А. Об особенностях установления объективных признаков жестокого обращения с животными: анализ будущих законодательных новелл и действующее положение УК РФ // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: сборник статей по материалам LX студенческой международной научно-практ. конф-ции. 2019. С. 452-456.

9. Миллеров Е.В. Уголовно-правовая охрана нравственности: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ПроСофт-М., 2005. 204 с.

10. Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М.: НОРМА, 2001. 208 с.

[1] Определение Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 41-кп001-156. URL: http:// resheniya-sudov.ru (дата обращения: 01.04.2020).

11. Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

12. Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 581 с.

13. Саратова О.В. Предупреждение преступлений, связанных с жестоким обращением с животными: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 203 с.

14. Свиридов Р.В. Жестокое обращение с животными: уголовно-правовая квалификация и отграничение от иных правонарушений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 26 с.

15. Семенов К.П. К вопросу об объекте преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными» // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра (памяти профессора С.Ф. Кравцова): мат-лы науч.-практ. конф-ции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2017. С. 149-154.

16. Фролов Е.А. Спорные вопросы общего учения об объекте преступления // Ученые труды Свердловского юр. института. Вып. 10. Свердловск, 1969. С. 184-225.

17. Шевченко В.Ю. Объект и предмет преступления // Юридические науки. 2013. № 1. С. 17-22.

УДК 343.35
С.Н. Шатилович, *канд. юрид. наук, доцент*
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России
E-mail: shatisergei@yandex.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХАЛАТНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ОБЯЗАННОСТИ ПО СОДЕРЖАНИЮ, ОХРАНЕ И КОНВОИРОВАНИЮ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ) В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена исследованию отдельных вопросов уголовной ответственности халатности сотрудников органов внутренних дел, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений. С учетом доктрины уголовного права и сложившейся судебной практики автором обозначены критерии определения характера и степени общественной опасности халатности: 1) поведение виновного и его внутреннее отношение к совершаемому деянию; 2) общий результат преступного бездействия или действия; 3) условия, препятствующие выполнению виновным лицом своих обязанностей. Кроме того, перечислены типичные ситуации совершения данного преступления в деятельности сотрудников органов внутренних дел, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, а также сформулировано предложение по совершенствованию частей 1 и 1.1 ст. 293 УК РФ. Автором также обращается внимание на необходимость активации превентивных мер в рамках противодействия халатности как должностного преступления, совершаемого сотрудниками органов внутренних дел указанной категории.

Ключевые слова: уголовная ответственность, халатность, должностное преступление, обязанности по содержанию, охране и конвоированию, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений.

S.N. Shatilovich, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
E-mail: shatisergei@yandex.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR NEGLIGENCE OF EMPLOYEES INTERNAL AFFAIRS BODIES THAT PERFORM THEIR DUTIES FOR THE MAINTENANCE, PROTECTION AND ESCORT OF SUSPECTS (ACCUSED) WITH A CRIME

The article is devoted to the study of certain issues of criminal liability for the negligence of employees of internal affairs bodies who perform the duties of maintaining, protecting and escorting suspects (accused) of committing crimes. Taking into account the doctrine of criminal law and established judicial practice the author defines the criteria for determining the nature and degree of public danger of negligence: 1) the behavior of the perpetrator and his internal attitude to the committed act; 2) the overall result of criminal inaction or action; 3) conditions that prevent the guilty person from performing their duties. In addition, lists typical situations of committing this crime in the activities of employees of internal affairs bodies who are responsible for maintaining, protecting and escorting suspects (accused) of committing crimes, and also formulated a proposal to improve parts 1 and 1.1 of article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author also draws attention to the importance of the need to activate preventive measures in the framework of countering negligence as an official crime committed by employees of internal affairs bodies of this category.

Key words: criminal liability, negligence, official crime, duties for maintenance, protection and escort, suspects and accused of committing crimes.

Содержание, охрана и конвоирование подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений являются одним из важнейших видов деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД). От эффективности работы сотрудников ОВД, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений (сотрудников изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых ОВД (далее – ИВС); сотрудников подразделений охраны и конвоирования подозреваемых (обвиняемых) ОВД; резервных (внештатных) групп сотрудников непрофильных служб подразделений ОВД), во многом зависят результаты оперативно-служебной деятельности многих иных подразделений системы МВД России (уголовного розыска, дознания, следствия и др.), а также обеспечиваются непосредственное функционирование судебной системы и реализация принципа неотвратимости наказания.

Анализируемый вид деятельности имеет межотраслевой характер, т.к. регулируется нормами административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, а также Федерального закона Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». Однако базовым уровнем правового регулирования охраны и конвоирования подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений выступает Конституция Российской Федерации (ст. 22). В свою очередь в п. 14 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2020 г.) «О полиции» определены следующие обязанности полиции в рамках исследуемых вопросов: 1) содержать, охранять, конвоировать задержанных и (или) заключенных под стражу лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых ОВД; 2) конвоировать содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы осужденных и заключенных под стражу лиц для участия в следственных действиях или судебном разбирательстве и охранять указанных лиц во время производства процессуальных действий [11].

Между тем неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, допускаемые сотрудниками ОВД, выполняющими обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, как должностными лицами, способны причинить крупный ущерб или существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов общества или государства. Наличие же признаков состава халатности в преступных действиях (бездействии) сотрудника ОВД указанной категории является основанием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 293 «Халатность» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 8 июня 2020 г.) [19].

Действующий уголовный закон России (ч. 1 ст. 293 УК РФ) определяет халатность как неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

В доктрине уголовного права общественную опасность связывают со свойством (или способностью) деяния причинять существенный вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям (ценностям, благам) либо ставить их в опасность последствия такого вреда [7, с. 71; 18, с. 81]. В свою очередь, деяния, которые не причиняют (или не могут причинить) существенного вреда общественным отношениям, не могут признаваться преступлениями, поскольку не являются общественно опасными, что вовсе не исключает возможности их отнесения к другим видам правонарушений при причинении иного вреда общественным отношениям [18, с. 81-82; 10, с. 317-318]. К сотруднику ОВД, признанному по приговору суда виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ, обязаны применить меры дисциплинарной ответственности (увольнение со службы за совершение проступка, порочащего честь сотрудника ОВД) [17, с. 159] и гражданско-правовой ответственности (например, обязанность возмещения причиненного физического вреда или материального ущерба).

В пункте 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (в ред. от 18 декабря 2018 г.) отмечается, что характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред [12]. В свою очередь, в п. 1 анализируемого постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности

от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность) [12].

Проведенный анализ сложившейся судебной практики по уголовным делам о халатности сотрудников ОВД, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений (проанализировано 20 обвинительных приговоров судов за период 2013-2019 гг.), и юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что характер и степень общественной опасности халатности сотрудников ОВД указанной категории может определяться с учетом следующих основных критериев:

1) поведения виновного сотрудника ОВД и его внутреннего отношения к совершаемому деянию (невыполненные или ненадлежащим образом выполненные обязанности, степень их невыполнения, соответствие содеянного принципам необходимости и достаточности достижения должного результата);

2) общего результата преступного бездействия или действия виновного сотрудника ОВД (в т.ч. наступившего крупного ущерба или существенного вреда);

3) условий, препятствующих выполнению виновным сотрудником ОВД своих обязанностей (наличие угрозы его жизни и здоровью, факторов непреодолимой силы, физическое и психическое состояние виновного, иные уважительные причины) [8, с. 51-52].

С учетом вышеизложенного общественная опасность преступного бездействия при халатности заключается в нарушении нормального функционирования охраняемых уголовным законом общественных отношений, устанавливающих обязанность должностного лица добросовестно исполнять свои должностные обязанности *(основной непосредственный объект преступления)*, а также общественных отношений в сфере охраны имущественных интересов, здоровья и жизни человека *(дополнительные непосредственные объекты преступления)*.

С объективной стороны преступный характер поведения должностного лица при халатности может выражаться в форме как бездействия (неисполнение своих обязанностей либо обязанностей по должности), так и активных действий (ненадлежащее исполнение своих обязанностей либо обязанностей по должности)[1]. Чтобы квалифицировать объективную сторону халатности, необходимо установить обстоятельства дела и то, какие обязанности и полномочия были возложены на должностное лицо, для этого суд должен рассмотреть документацию, например должностные регламенты (должностные инструкции) и иные документы, в которых имеется четкое описание обязанностей должностного лица. Невыполнение субъектом обязанностей, за нарушение которых уголовная ответственность не предусмотрена, преступлением не является [14].

Анализ сложившейся судебной практики позволяет сделать вывод о том, что чрезвычайные происшествия, связанные с халатностью сотрудников ОВД, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, в большинстве случаев происходят при конвоировании указанных лиц, в т.ч. силами резервных (внештатных) групп сотрудников непрофильных служб подразделений ОВД. Это во многом связано со спецификой основных задач конвоирования подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

В свою очередь, на основе проанализированной судебной практики можно выделить следующие типичные ситуации халатности в деятельности сотрудников ОВД указанной категории:

1) неправильные действия сотрудника ОВД, способствующие совершению побега из-под стражи подозреваемого и обвиняемого в совершении преступлений: на следственных действиях; в лечебных учреждениях, предназначенных для подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей; при конвоировании подозреваемых и обвиняемых в специальном автомобиле; при осуществлении охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых в суде и др.[2] [20, с. 119];

[1] При квалификации халатности главное значение имеет точное установление границ полномочий и должностной компетенции лица, допускающего халатность. При этом следует ставить вопрос об ответственности за халатность по службе лишь в том случае, когда должностному лицу надлежало совершить указанные в законе действия при условии, что они входили в круг его служебных обязанностей (должностных функций), но лицо этого не сделало. После установления обязанностей должностного лица следует определить наличие у него реальной возможности (т.е. отсутствие объективных и субъективных препятствий) их выполнять. Данное требование означает, что должностное лицо может быть ответственно за халатность только в случаях, когда оно, с одной стороны, должно было совершить конкретные действия по службе, а с другой – у него имелась практическая возможность совершить их должным образом (см.: Уголовное право России. Особенная часть: учебник / отв. ред. Р.А. Сабитов. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 559).

[2] Среди всех происшествий в охранно-конвойных подразделениях полиции наибольшую общественную опасность представляют побеги подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений как из ИВС, так и при конвоировании, поскольку эти лица могут совершить новые преступления и организовать помехи при расследовании

2) бездействие сотрудника ОВД, обязанного выявлять и устранять причины и условия, способствующие совершению побега из-под стражи подозреваемого и обвиняемого в совершении преступлений[1];

3) бездействие сотрудника ОВД, обязанного пресечь противоправные действия других сотрудников ОВД, при осуществлении охраны и конвоирования подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления;

4) бездействие сотрудника ОВД либо несвоевременное применение сотрудником ОВД физической силы, спецсредств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, а также при наличии оснований для задержания лица, совершившего преступление;

5) бездействие сотрудника ОВД, связанное с неоказанием первой помощи подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, находящемуся в специальном учреждении;

6) бездействие сотрудника ОВД, способствующее совершению членовредительства и самоубийства подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления, находящимся в специальном учреждении;

7) бездействие сотрудника ОВД, способствующее причинению по неосторожности вреда здоровью или смерти подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления вследствие ненадлежащих условий его конвоирования в специальном автомобиле или легковом автомобиле [3, 16] и др.

В статье 293 УК РФ законодатель указал на недобросовестное или небрежное отношение именно к службе либо обязанностям по должности, т.е. к преступному деянию, а не к наступившим последствиям, что характерно для других неосторожных преступлений (например, ст. 109, 118, 143, 219, 246, 264 УК РФ). Поэтому при решении вопроса о том, было ли преднамеренным или неосторожным необоснованное властное, организационно-распорядительное, административно-хозяйственное решение, нужно учитывать обстоятельства его принятия, предшествующие этому действию.

В части 1 ст. 293 УК РФ в качестве преступных последствий указано причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Согласно примечанию к анализируемой уголовно-правовой норме крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает один миллион пятьсот тысяч рублей. Однако законодатель не раскрывает понятие категории «существенное нарушение прав и законных интересов граждан либо охраняемых законом интересов общества или государства». В свою очередь, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении от 16 октября 2009 г. № 19 (в ред. 11 июня 2020 г.) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» дал разъяснения, которые вполне применимы и к уголовным делам о халатности[2]. Согласно п. 18 указанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в т.ч. права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением и др.) [13]. Кроме того, при оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т.п. [10, с. 289].

уголовных дел. Как правило, такие побеги возникают на фоне так называемого человеческого фактора (невнимательность, грубые нарушения установленного порядка несения службы со стороны нарядов полиции, формальный подход к обыску лиц, досмотру их вещей, осмотру камер и др.) (см.: Организация деятельности специализированных учреждений и охранно-конвойной службы полиции (глава 1) // Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: в 2 ч.: учебник / С.В. Байгажаков, А.Г. Елагин, В.А. Казюлин и др. М.: Академия управления МВД России, 2017. Ч. 2. С. 34).

[1] Важным условием, способствующим совершению побега из-под стражи подозреваемого и обвиняемого в совершении преступлений, является недостаточное техническое оснащение ИВС и специального автомобиля: отсутствие или неисправность охранной и тревожной сигнализации; отсутствие видеонаблюдения; низкая конструктивная прочность оконных решеток, стен, потолков, запорных устройств; несоответствие техническим требованиям противопобегового оборудования помещений в лечебных учреждениях, предназначенных для подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей; недостаточное использование служебных собак на охране ИВС и при конвоировании.

[2] Суды в своих приговорах также ссылаются на данный акт официального судебного толкования при рассмотрении анализируемых уголовных дел.

Следует согласиться с В.М. Гармановым, по мнению которого при установлении признаков халатности (ст. 293 УК РФ) в действиях сотрудников полиции, допустивших побег лица из-под стражи, в следственной и судебной практике учитывается: 1) длительность поисковых мероприятий; 2) количество задействованных в поисковых мероприятиях сотрудников правоохранительных органов, отвлеченных от выполнения основных обязанностей; 3) величина материального ущерба с связи с поисковыми мероприятиями и т.п. [10, с. 289]. Каждый побег из-под стражи, особенно подозреваемых и обвиняемых в совершении тяжких преступлений, вызывает широкий общественный резонанс, подрывает авторитет ОВД (полиции) в глазах общественности, отвлекает значительную часть личного состава на проведение разыскных мероприятий и ставит ответственных сотрудников и руководителей ТОВД в положение заложников возможных преступных действий со стороны сбежавших лиц [15, с. 33].

Так, например, приговором Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 21 ноября 2017 г. начальник ИВС К., его заместители Б. и А. были признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 293 УК РФ. В ходе следствия было установлено, что ненадлежащее исполнение указанными должностными лицами своих обязанностей вследствие недобросовестного и небрежного отношения к службе в своей совокупности привело к совершению К., осужденным к лишению свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ «Убийство», нового преступления – побега из-под стражи лицом, находящимся в предварительном заключении (ст. 313 УК РФ), что существенно нарушило охраняемые законом интересы общества и государства[1].

Состав преступления материальный, т.е. преступление считается оконченным с момента причинения последствий, предусмотренных в анализируемой уголовно-правовой норме. При этом обязательным признаком халатности является наличие причинной связи между неисполнением или ненадлежащим исполнением должностным лицом своих обязанностей либо обязанностей по должности и наступившими преступными последствиями. В случае отсутствия данных последствий и наличия неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей либо обязанностей по должности действия (бездействие) должностного лица образуют дисциплинарный проступок и не должны квалифицироваться по ст. 293 УК РФ.

В квалифицированном составе халатности (ч. 1.1 ст. 293 УК РФ) в качестве преступных последствий предусматривается причинение особо крупного ущерба. Согласно примечанию к анализируемой уголовно-правовой норме особо крупным ущербом признается ущерб, сумма которого превышает семь миллионов пятьсот тысяч рублей.

В особо квалифицированном составе халатности (ч. 2 ст. 293 УК РФ) в качестве преступных последствий предусматривается причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью или смерти человеку. В свою очередь, ч. 3 ст. 293 УК РФ предусматривает ответственность за халатность, которая повлекла смерть двух и более лиц.

В качестве показательного примера можно привести резонансные уголовные дела в отношении четырех сотрудников роты охраны и конвоирования ГУ МВД России по Московской области (командира роты охраны и конвоирования Г., его заместителя М., двух старших полицейских конвоя Л. и Ф.), осужденных в декабре 2019 г. Красногорским городским судом Московской области по ч. 2 ст. 293 УК РФ за совершение халатности, повлекшей причинение тяжкого вреда здоровью. По данным следствия, старшие полицейские конвоя Л. и Ф., находясь в лифте здания Московского областного суда с пятью подсудимыми из числа участников банды GTA 1 августа 2017 г. (члены данной банды были признаны судом виновными в 17 убийствах водителей на дорогах Москвы, Подмосковья и Калужской области, а также в бандитизме и разбоях, совершенных ими в 2014 г.), допустили халатность, в результате чего подсудимые остановили лифт, напали на данных сотрудников полиции (одна из них женщина), повалили их на пол и начали душить. Затем, убедившись, что сотрудники полиции без сознания, подсудимые освободились

[1] Приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 21 ноября 2017 г. по уголовному делу № 1-376/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 27.01.2020). Существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства выразилось в следующих негативных последствиях: в отрицательном влиянии на нормальную работу и создании помех в деятельности территориального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также причинении неудобств жителям... ввиду проведения досмотровых мероприятий на территории..., обходов многоквартирных домов, коттеджей и частных домов, а также досмотров автотранспорта на стационарных постах. В результате побега из-под стражи К. получил возможность скрыться от суда, оказывать давление на свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства по своему делу. Нахождение К. на свободе создало опасность совершения им новых преступлений, в т.ч. против жизни, здоровья и собственности граждан и организаций, воспрепятствовало осуществлению уголовного судопроизводства в отношении К., а также подорвало авторитет государственной власти и работников ОВД, поскольку лицо, обвиняемое в совершении особо тяжкого преступления, в нарушение установленного порядка и избранной ему судом меры пресечения оказалось на свободе.

(надетые на подсудимых наручники с длинной цепочкой позволили им свободно двигать руками), завладели табельным оружием сотрудников полиции, вышли из лифта и открыли стрельбу по сотрудникам Росгвардии, которые блокировали выход в коридор здания суда. В ходе начавшейся перестрелки один из сотрудников Росгвардии получил тяжелое ранение в плечо, а преступники попытались скрыться и проникли в зал судебного заседания, где были ликвидированы силами других сотрудников подразделений охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых (трое нападавших были убиты, а двое – ранены, но позже один из них скончался в больнице). Также было установлено, что обвиняемые командир роты охраны и конвоирования Г., его заместитель М. в нарушение действующих нормативных актов не обеспечили надлежащую охрану подсудимых, а также меры, достаточные для недопущения их побега из-под стражи, также не учли категорию конвоируемых лиц, возможный характер их действий, не следили за правильным использованием конвоями технических средств, не осуществляли контроль за организацией и несением службы [9, 5].

Специальным субъектом халатности выступает должностное лицо. В пункте 1 примечания к ст. 285 УК РФ законодатель прямо указал, что должностными лицами являются «лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации». В свою очередь, сотрудники ОВД, выполняющие обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, могут осуществлять разноплановые функции должностного лица в рамках своей повседневной профессиональной деятельности, но в большинстве случаев они выступают представителями власти. В примечании к ст. 318 УК РФ указано, что представителем власти признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости. Представители власти проявляют себя как должностные лица, не только используя свои полномочия, но и исполняя обязанности.

С *субъективной стороны* халатность характеризуется только неосторожностью в виде легкомыслия[1] или небрежности[2] [6, с. 232; 21, с. 66]. Важно отметить, что как в теории уголовного права, так и на практике не считаются тождественными такие признаки анализируемого преступления, как недобросовестное и небрежное отношение к службе[3]. Однако следует обратить внимание на наличие в отечественной юридической литературе иных точек зрения, где, по мнению ряда авторов, халатность является преступлением, которое может быть совершено и умышленно [4, с. 242; 2, с. 55-57]. Отсутствие единства взглядов ученых-юристов на субъективную сторону халатности вызвано, несомненно, неточной, неполной редакцией текста анализируемой уголовно-правовой нормы. Полагаем, что в целях единообразного понимания и применения нормы о халатности законодателю следует указать в ч. 1 и 1.1 ст. 293 УК РФ, что общественно опасные последствия при халатности могут быть причинены только по неосторожности.

Несмотря на всю важность уголовно-правовых средств, в настоящее время наблюдается необходимость активации превентивных мер в отношении халатности сотрудников ОВД, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, в т.ч. усиления в этих целях правовой пропаган-

[1] При легкомыслии должностное лицо рассчитывает не на авось, не на случайное стечение обстоятельств, а на конкретные обстоятельства, которые, по мнению субъекта преступления, должны предотвратить наступление последствий. Виновное лицо переоценивает свои силы и иные обстоятельства, на которые оно рассчитывает, и общественно опасные последствия фактически наступают.

[2] Как справедливо отметил В.Д. Филимонов, оказавшись в опасной обстановке или создав ее своим осознанным бездействием, лицо одновременно «и предвидит возможность непроизвольного причинения в этой обстановке вреда охраняемым общественным отношениям, и не предвидит ее. Оно предвидит, что в такой обстановке могут быть непроизвольно совершены общественно опасные деяния, но не предвидит возможности их совершения им самим» (Филимонов В.Д. Проблема оснований уголовной ответственности за преступную небрежность. М.: Изд-во «ЮрИнфоР», 2008. С. 53, 86-88).

[3] Так, например, известный отечественный ученый-юрист А.Н. Трайнин обоснованно видел различие между небрежным и недобросовестным отношением в следующем: в первом случае должностное лицо допускает упущения по службе, не сознавая, что в его действиях заключаются упущения; во втором случае должностное лицо сознает свои погрешности, но по тем или иным причинам эти погрешности допускает (Трайнин А.Н. Должностные и хозяйственные преступления. М.: Юрид. изд-во, 1938. С. 36-37).

ды со стороны руководителей соответствующих подразделений ОВД [1, с. 31-32]. Последним рекомендуется активнее использовать такой эффективный метод воспитательной работы, как разъяснение своим подчиненным сотрудникам оснований увольнения из ОВД в случае допущения ими нарушений уголовно-правовых запретов, а также появления законных оснований для утраты таким сотрудником права для назначения пенсии за выслугу лет при осуждении его судом за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное в период прохождения службы, и лишении его специального (воинского) звания (ст. 48 УК РФ)[1].

Подводя итог вышеизложенному, подчеркнем следующее:

1. Чрезвычайные происшествия, связанные с халатностью сотрудников ОВД, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, в большинстве случаев происходят при конвоировании указанных лиц, в т.ч. силами резервных (внештатных) групп сотрудников непрофильных служб подразделений ОВД.

2. Следует выделить типичные ситуации халатности в деятельности сотрудников ОВД, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений:

1) неправильные действия сотрудника ОВД, способствующие совершению побега из-под стражи подозреваемого и обвиняемого в совершении преступлений: на следственных действиях; в лечебных учреждениях, предназначенных для подозреваемых и обвиняемых, находящихся под стражей; при конвоировании подозреваемых и обвиняемых в специальном автомобиле; при осуществлении охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых в суде и др.;

2) бездействие сотрудника ОВД, обязанного выявлять и устранять причины и условия, способствующие совершению побега из-под стражи подозреваемого и обвиняемого в совершении преступлений;

3) бездействие сотрудника ОВД, обязанного пресечь противоправные действия других сотрудников ОВД, при осуществлении охраны и конвоирования подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления;

4) бездействие сотрудника ОВД либо несвоевременное применение сотрудником ОВД физической силы, спецсредств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, а также при наличии оснований для задержания лица, совершившего преступление;

5) бездействие сотрудника ОВД, связанное с неоказанием первой помощи подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, находящемуся в специальном учреждении;

6) бездействие сотрудника ОВД, способствующее совершению членовредительства и самоубийства подозреваемым (обвиняемым) в совершении преступления, находящимся в специальном учреждении;

7) бездействие сотрудника ОВД, способствующее причинению по неосторожности вреда здоровью или смерти подозреваемому (обвиняемому) в совершении преступления вследствие ненадлежащих условий его конвоирования в специальном автомобиле или легковом автомобиле и др.

3. Характер и степень общественной опасности халатности сотрудников ОВД, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, могут определяться с учетом следующих основных критериев:

1) поведения виновного сотрудника ОВД и его внутреннего отношения к совершаемому деянию (невыполненные или ненадлежащим образом выполненные обязанности, степень их невыполнения, соответствие содеянного принципам необходимости и достаточности достижения должного результата);

2) общего результата преступного бездействия или действия виновного сотрудника ОВД (в т.ч. наступившего крупного ущерба или существенного вреда);

3) условий, препятствующих выполнению виновным сотрудником ОВД своих обязанностей (наличие угрозы его жизни и здоровью, факторов непреодолимой силы, физическое и психическое состояние виновного, иные уважительные причины).

4. В целях единообразного понимания и применения нормы о халатности законодателю следует указать в ч. 1 и 1.1 ст. 293 УК РФ, что общественно опасные последствия при халатности могут быть причинены только по неосторожности.

5. Несмотря на всю важность уголовно-правовых средств, в настоящее время наблюдается необходимость активации превентивных мер в отношении халатности сотрудников ОВД, выполняющих обя-

[1] Согласно решению Конституционного Суда РФ от 5 июля 2011 г. № 863-О-О право для назначения пенсии за выслугу лет должно быть заслужено безукоризненным выполнением конституционно значимых обязанностей (см.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2011 г. № 863-О-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»). В свою очередь, утрата сотрудником ОВД права для назначения пенсии за выслугу лет не является дополнительным наказанием, а считается следствием лишения его специального (воинского) звания и, соответственно, статуса. Кроме того, при увольнении сотрудника из ОВД по «отрицательным основаниям» может быть уменьшено выходное единовременное пособие.

занности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, в т.ч. усиления в этих целях правовой пропаганды со стороны руководителей соответствующих подразделений ОВД. При этом к наиболее эффективному способу удержания сотрудников ОВД указанной категории от нарушения нормативных правовых актов Российской Федерации и совершения халатности как должностного преступления следует отнести осознание сотрудником ОВД оснований увольнения из ОВД в случае допущения ими нарушений уголовно-правовых запретов, а также появления законных оснований для утраты таким сотрудником права для назначения пенсии за выслугу лет при осуждении его судом за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное в период прохождения службы, и лишении его специального (воинского) звания (ст. 48 УК РФ).

Литература

1. Березняков В.П. Организационно-правовые аспекты деятельности подразделений полиции по предупреждению чрезвычайных происшествий при содержании, охране и конвоировании подозреваемых и обвиняемых // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия: сборник статей. Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2019. Вып. 1. С. 31-34.

2. Быкова Е.Г. Возможность правовой оценки по ст. 293 УК РФ умышленного неисполнения должностным лицом своих служебных обязанностей // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2016. № 1 (7). С. 55-57.

3. В Якутске арестованная женщина отморозила ноги из-за халатности конвоира (по ее жалобе на начальника конвоя МВД завели уголовное дело). URL: https://www.irk.kp.ru/online/news/613158/ (дата обращения: 27.01.2020).

4. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 558 с.

5. Завершено следствие по делу о побеге участников банды GTA из Мособлсуда. URL: https://rg.ru (дата обращения: 24.01.2020).

6. Изосимов С.В., Царев Е.В. Возможна ли умышленная халатность? // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 1. С. 231-233.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. М.: Изд-во «Юрайт», 2011. 1384 с.

8. Медведев Е.В. Механизм проявления общественной опасности преступлений, совершаемых в форме бездействия // Российский следователь. 2018. № 11. С. 51-52.

9. Нарушили правила: за что осудили конвоиров банды ГТА. URL: https://www.gazeta.ru/social/2019/12/09/12855608.shtml (дата обращения: 24.01.2020).

10. Научные основы квалификации преступлений: учебник / С.Н. Шатилович, Р.А. Сабитов, Р.Д. Шарапов и др. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 362 с.

11. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.03.2020).

12. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 18 декабря 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 (в ред. от 11 июня 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Определение Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 51-кпн02-12пр // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 07.03.2020).

15. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: в 2 ч.: учебник / С.В. Байгажаков, А.Г. Елагин, В.А. Казюлин и др. М.: Академия управления МВД России, 2017. Ч. 2. 228 с.

16. Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 20 мая 2013 г. по уголовному делу в отношении бывших полицейских отделения охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых ИВС Л. и К., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 293 УК РФ // Судебные и нормативные акты РФ. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 27.01.2020).

17. Равнюшкин А.В. Судебная практика по спорам об увольнениях со службы (при совершении преступления) в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел // Юриди-

ческая наука и правоохранительная практика: научно-практический журнал. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. № 3 (33). С. 156-162.

18. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 583 с.

19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27 декабря 2019 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.03.2020).

20. Шатилович С.Н. Понятие, виды и социальные последствия должностных преступлений, совершаемых сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. № 2 (13). С. 115-122.

21. Шиханов В.Н. Актуальные вопросы применения ст. 293 УК РФ (халатность) // Сибирский юридический вестник. 2017. № 4 (79). С. 65-71.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 34.096
В.Э. Баумтрог, *канд. физ.-мат. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: barnaul@list.ru;
Д.Ю. Каширский, *канд. техн. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: dimka_kash @ mail .ru

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ «СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕХНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ»

В статье рассмотрена проблема формулировки понятия «специальная техника органов внутренних дел» и проведено исследование системы его признаков. Проанализирован ряд известных определений и предложена собственная дефиниция, которая, по мнению авторов, может быть использована в процессе дальнейших научных изысканий, законотворческой деятельности и в образовательном процессе образовательных организаций системы МВД России.

Ключевые слова: специальная техника органов внутренних дел, определение, табель положенности, техника, специальные технические средства для негласного получения информации (СТС НПИ).

V.E. Baumtrog, *Candidate of Physical and Mathematical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: barnaul@list.ru;
D.Yu. Kashirsky, *Candidate of Technical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: dimka_kash@mail.ru

REVISITING THE DEFINITION «SPECIAL EQUIPMENT OF INTERNAL AFFAIRS BODIES»

The article deals with the problem of formulating the concept of «special equipment of internal affairs bodies» and studies the system of its features. The author analyzed a number of definitions and proposed the definition, which, according to the authors, can be used in further scientific research, legislative activities and educational process of educational institutions of Ministry of internal Affairs of Russia.

Key words: special equipment of internal affairs bodies, definition, report card, equipment, special technical means for secret obtaining of information.

На сегодняшний день в литературе и нормативно-правовых актах используется ряд различных определений специальной техники органов внутренних дел, наиболее известные из них будут рассмотрены ниже. Данный факт препятствует формированию единого понятийного аппарата в сфере специальной техники органов внутренних дел как у специалистов, так и у обучающихся образовательных организаций системы МВД России. Причиной указанной ситуации является отсутствие государственного стандарта или закона, в котором было бы дано чёткое определение рассматриваемого понятия. В связи с этим вопрос о формулировке термина «специальная техника органов внутренних дел» является вполне актуальным и требующим рассмотрения. Следует заметить, что решение вопроса о дефиниции рассматриваемого понятия является достаточно сложным. Поскольку, во-первых, согласно Перечню образцов (комплексов, систем) специальной техники, принятых на снабжение органов внутренних дел Российской Федерации (с учётом внесённых в него 23-х изменений на февраль 2020 г.), на снабжении МВД России имеется свыше 500 изделий. Во-вторых, наблюдается их большое разнообразие по функциональному назначению и группирующим признакам. То есть имеется достаточно много разнообразных технических изделий различного назначения, которые нужно охарактеризовать одним определением.

В связи с этим авторы не претендуют на формулировку понятия в законченном виде, а считают необходимым высказать свои соображения, которые в конечном счёте позволят выявить ряд существенных признаков определяемого множества, совокупность которых позволит продвинуться при определении содержания понятия.

Похожее определение было приведено в учебном пособии В.Э. Баумтрога [1]. При этом формат издания не позволил сделать подробное обоснование определения. В работе «Технический аспект содержания определения "специальная техника органов внутренних дел"» [9] были отдельно рассмотрены технические аспекты понятия. В настоящей статье дефиниция «специальная техника органов внутренних дел» рассматривается максимально подробно.

Поскольку понятие «специальная техника органов внутренних дел» охватывает достаточно большую группу разнообразных технических средств, то правильнее будет отнести его к числу общих, отражающих наиболее существенные признаки охватываемых определением изделий.

К тому же с точки зрения логики анализируемый термин должен быть конкретным, определяющим совокупность рассматриваемых изделий, как нечто самостоятельно существующее, исключающее в тексте формулировки признаки предмета или отношения между ними, характерные для абстрактных определений [3, с. 32, 35, 38].

Для формулировки дефиниции специальной техники важно представлять виды изделий, состоящих на снабжении органов внутренних дел. Необходимую информацию можно получить из Приказа МВД России от 29 декабря 2012 г. № 1157 «Об утверждении норм положенности специальной техники для отдельных подразделений центрального аппарата МВД России и средств связи, вычислительной, электронной организационной и специальной техники для территориальных органов МВД России, медицинских (в том числе санаторно-курортных) организаций системы МВД России, окружных управлений материально-технического снабжения системы МВД России, а также иных организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации». Анализ сорока приложений к вышеуказанному приказу показывает следующее. Во-первых, техника, используемая в органах внутренних дел, состоит из 4-х групп, согласно вышеуказанному приказу, к специальной технике не относятся средства связи (за исключением специализированных, например скрытоносимых радиостанций), средства вычислительной техники, средства электронной организационной техники. Во-вторых, набор изделий специальной техники для различных органов, подразделений, организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации дифференцирован и отражает специфику их деятельности.

Традиционным подходом при рассмотрении вопроса дефиниции являются приведение определений, данных в различных источниках, и их анализ. Однако перед этим рассмотрим значение слова «техника», являющееся важнейшим в определяемом понятии.

Известно, что слово «техника» многозначное. Так, Т.Ф. Ефремова определяет технику в трёх значениях: 1) совокупность средств человеческой деятельности, направленных на осуществление процессов производства и обслуживание непроизводственных потребностей общества; 2) совокупность машин, механизмов, механических устройств, аппаратов определённой отрасли производства; 3) а) совокупность приёмов и навыков в каком-либо виде деятельности, мастерства; б) владение такими приёмами; мастерство; в) внешняя сторона исполнения чего-либо [2]. Опираясь на содержание Приказа МВД России от 29 декабря 2012 г. № 1157, а также Перечень образцов (комплексов, систем) специальной техники, принятых на снабжение органов внутренних дел Российской Федерации, утверждённый Приказом МВД России от 29.03.2013 № 178дсп, можно заключить, что в определении «специальная техника органов внутренних дел» необходимо использовать второе зна-

чение слова «техника». Такое утверждение видится логически обоснованным и правомерным, поскольку ни в нормах положенности, ни в Перечне образцов (комплексов, систем) не содержится ни одного приёма применения специальной техники.

К тому же ст. 2.183 ГОСТа Р 56828.15-2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Наилучшие доступные технологии. Термины и определения» определяет термин «техника» как «совокупность средств, создаваемых для осуществления производственных и иных процессов с учётом знаний и опыта, накопленных в процессе развития общества для облегчения управления трудом и повышения эффективности хозяйственной деятельности на основе фундаментальных научных открытий и экспериментальных исследований» [5]. Следует заметить, что в указанный стандарт включены термины с соответствующими определениями, применяемые в европейских справочниках наилучших доступных технологий и не имеющие аналогов в российском нормативно-правовом поле. И техника в данном документе понимается однозначно как «совокупность средств», но не приёмов.

Далее проанализируем несколько определений специальной техники органов внутренних дел из различных источников. В учебнике «Специальная техника органов внутренних дел» группы авторов [7, с. 11] дано следующее определение. Специальная техника органов внутренних дел – совокупность технических средств, устройств, систем, приспособлений и материалов, а также соответствующих тактико-технических приёмов, используемых органами внутренних дел для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности при условии соблюдения законности, а также для обеспечения повседневной деятельности органов внутренних дел.

Опираясь на вышеприведённый анализ, можно заключить, что рассматриваемое определение не вполне корректно. Как минимум тактико-технические приёмы не имеют отношения к специальной технике органов внутренних дел. К тому же авторы указанного издания одной из групп специальной техники считают технические средства, используемые для обеспечения повседневной деятельности, и к ним относят широкий круг изделий – от телефонов проводной связи и персональных компьютеров до информационных и геоинформационных систем [2, с. 13-14]. Однако согласно Приказу МВД России от 29 декабря 2012 г. № 1157 эти технические средства не относятся к специальной технике органов внутренних дел.

Есть ещё целый ряд определений. Так, в Приказе МВД России от 22.01.2019 № 22дсп «О порядке принятия на вооружение (снабжение, в эксплуатацию) органов внутренних дел Российской Федерации образцов (комплексов, систем) специальных средств, специальной техники, огнестрельного оружия и патронов к нему, боеприпасов» имеется следующее определение: «специальная техника – технические средства, специально предназначенные для выполнения оперативно-служебных задач в сфере правоохранительной и оперативно-розыскной деятельности, борьбы с терроризмом и преступностью».

В данном определении главным (родовым) признаком специальной техники авторы выбрали специфичность ее предназначения. Однако в определении совсем не говорится о конструктивных особенностях определяемой техники. К тому же к специальной технике относятся и образцы материалов, используемых, например, для маркировки объектов или выявления отпечатков пальцев, которые не охватываются вышеприведенной дефиницией.

Приведем еще один вариант определения специальной техники, используемого в документе «Соглашение о льготных условиях поставок специальной техники и специальных средств для оснащения правоохранительных органов и специальных служб государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности» (заключено в г. Душанбе 06.10.2007). «Специальная техника – средства связи, защиты информации, технические средства информационных и телекоммуникационных систем, средства радиоконтроля, специализированные территориально распределённые автоматизированные системы, типовые локальные сети вычислительной техники, средства жизнеобеспечения, средства индивидуальной защиты, в том числе бронезащиты, средства оперативной, криминалистической и поисковой техники, инженерно-технические средства, системы охраны, наблюдения и контроля, оперативно-служебный транспорт, технические средства обеспечения безопасности дорожного движения, а также иные технические средства и их комплектующие, принятые на снабжение правоохранительных органов и специальных служб Сторон и не относимые законодательством Сторон к продукции военного назначения» [8]. Россия ратифицировала данный документ (Федеральный закон от 05.04.2009 № 52-ФЗ).

В этом довольно громоздком определении описательного характера имеется одна существенная и полезная, на наш взгляд, оговорка: «не относимые законодательством сторон к продукции военного назначения». Считаем, что это существенный признак специальной техники органов внутренних дел, подчёркивающий ее нелетальный характер воздействия. Что к тому же согласуется с названием Приказа МВД России от 29.03.2013 № 178дсп «О перечне образцов (комплексов, систем) специальной техники, при-

нятых на снабжение органами внутренних дел Российской Федерации». То есть специальная техника принимается на снабжение, но не на вооружение. На вооружении состоят оружие, специальные средства, боеприпасы и т.д.

В этой связи, анализируя определение, приведенное М.В. Кочетковым: «специальная техника – это вся совокупность технических средств, находящихся на вооружении органов внутренних дел и предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для правоохранительной деятельности» [4, с. 6], можно сделать вывод, что оно также не может считаться вполне корректным. Во-первых, слова «вся совокупность» противоречат тексту Приказа МВД России от 29 декабря 2012 г. № 1157. Во-вторых, специальная техника состоит на снабжении, а не вооружении.

В рамках нашего исследования является важным еще одно определение, которое касается одной из групп специальной техники, так называемых специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (СТС НПИ). Определение СТС НПИ введено Федеральным законом от 02.08.2019 № 308-ФЗ [6] и используется как для целей Уголовного кодекса Российской Федерации (примечание к статье 138.1), так и для целей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (примечание к ст. 20.23).

Под СТС НПИ понимаются приборы, системы, комплексы, устройства, специальные инструменты для проникновения в помещения и (или) на другие объекты и программное обеспечение для электронных вычислительных машин и других электронных устройств для доступа к информации и (или) получения информации с технических средств ее хранения, обработки и (или) передачи, которым намеренно приданы свойства для обеспечения функции скрытого получения информации либо доступа к ней без ведома ее обладателя.

В тексте приведенного определения наиболее ценным для решения задачи нашего исследования является перечисление технических вариантов реализации СТС НПИ.

Итак, обобщая представленные материалы, предлагается следующее определение: «специальная техника органов внутренних дел – это совокупность технических средств (образцов, комплексов, систем, специальных инструментов), состоящих на снабжении органов внутренних дел Российской Федерации, не относящихся к продукции военного назначения и специально предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации».

Сформулируем ряд преимуществ предложенной дефиниции:

1. Определение сравнительно компактно по объёму, но при этом является ёмким по содержанию – охватывает максимальный круг технических изделий различного вида.

2. Предлагаемое определение является конкретным по форме. Для его понимания не требуется специальных познаний.

3. В термине имеется существенный для отражения содержания понятия признак – «не относящихся к продукции военного назначения», что позволяет определить специальную технику органов внутренних дел как технику нелетального действия.

4. Указанное в разработанной дефиниции функциональное назначение техники, определяемое через круг выполняемых задач и осуществление полномочий, возложенных на органы внутренних дел, избавляет от необходимости перечислять в определении конкретные виды деятельности органов внутренних дел, которые, в свою очередь, тоже могут нуждаться в пояснении.

5. Специфика специальной техники органов внутренних дел в определении подчеркивается словами «специально предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных)», что позволяет исключить из ее числа изделия, имеющие неспециальное предназначение: средства связи (обычной, неспециальной), средства вычислительной техники, средства электронной организационной техники.

6. Понятия, используемые в разработанной дефиниции, адекватны терминологии, используемой в современных нормативных документах, имеющих отношение к специальной технике органов внутренних дел.

Литература

1. Баумтрог В.Э. Специальная техника органов внутренних дел в вопросах и ответах. Барнаул: БЮИ МВД России, 2018. 122 с.

2. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: https://www.efremova.info/word/texnika.html#.W8134vloRrQ (дата обращения: 15.02.2020).

3. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник для юридических вузов / под ред. проф. В.И. Кириллова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

4. Кочетков М.В. Специальная техника органов внутренних дел: учебное пособие. Саратов: Вузовское образование, 2015. 96 с. URL: http://www.iprbookshop.ru/29280.html (дата обращения: 15.02.2020).

5. Национальный стандарт Российской Федерации. Наилучшие доступные технологии. Термины и определения: ГОСТ Р 56828.15-2016 (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 26.10.2016 № 1519-ст). URL: http://docs.cntd.ru/document/1200140738#loginform (дата обращения: 15.02.2020).

6. О внесении изменения в статью 138.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 02.08.2019 № 308-ФЗ // Российская газета. 2019. 7 авг. № 172.

7. Сизоненко А.Б., Зарубин В.С., Жалкиев В.Т. и др. Специальная техника органов внутренних дел: учебник: в 2 ч. М., 2014. Ч. I.

8. Соглашение о льготных условиях поставок специальной техники и специальных средств для оснащения правоохранительных органов и специальных служб государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (заключено в г. Душанбе 06.10.2007) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Тимофеев В.В., Баумтрог В.Э., Каширский Д.Ю. Технический аспект содержания определения «специальная техника органов внутренних дел» // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Естественные и технические науки. М.: Спутник плюс, 2019. № 1 (127). С. 149-151.

УДК 343.982.9
Н.М. Букаев, *доктор юрид. наук, профессор*
Оренбургский институт (филиал) университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: bukaev_nm@mail.ru;
А.Р. Сираканян
аспирант Сургутского государственного университета
E-mail: Sirakanyan1995@gmail.com

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА И ТЕХНИКИ БЕЗОПАСНОСТИ

В рамках исследования предложенной темы авторами рассматривается возможность использования полиграфа при расследовании преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности. На основе анализа законодательных актов, правоприменительной практики авторы обосновывают вывод о том, что заключение специалиста о результатах применения полиграфа не может быть использовано в качестве допустимого доказательства по уголовному делу. Акцентируется внимание на возможных погрешностях работы полиграфа, связанных с психологическим состоянием допрашиваемого посредством прибора. Одновременно развертывается дискуссия между высказываниями видных ученых-криминалистов России и обосновывается авторское суждение. Сделан вывод о том, что результаты применения полиграфа могут считаться лишь ориентирующими, они доказательствами не являются и в качестве таковых не рассматриваются.

Ключевые слова: полиграф, нарушение правил охраны труда, нарушение техники безопасности, психофизиологическое исследование, идеальные следы, психофизиологическая экспертиза, криминалистика, доказательства, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, судебно-экспертная деятельность, оперативно-разыскная деятельность.

N.M. Bukaev, *Doctor of Juridical Sciences, professor*
Orenburg Institute (branch) Kutafin University (MGUA)
E-mail: bukaev_nm@mail.ru;
A.R. Sirakanyan
postgraduate student of Surgut State University
E-mail: Sirakanyan1995@gmail.com

USING A POLYGRAPH IN THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO VIOLATION OF HEALTH AND SAFETY REGULATIONS

As part of the research the authors consider the possibility of using a polygraph in the investigation of criminal violations of labor protection and safety regulations. Based on the analysis of legislative acts, law enforcement practice, the authors substantiate that the expert's conclusion on the results of using a polygraph cannot be used as admissible evidence in a criminal case. Attention is focused on the possible errors of polygraph, indicating the psychological state of the interrogated by means of the device, which indicates the inaccuracy of the result of using the polygraph. At the same time, there is a discussion be-tween the statements of prominent scholars – forensic scientists of Russia and the author's judgment is given. It is concluded that the results of using a polygraph can only be considered indicative; they are not evidence and are not considered as such.

Key words: polygraph, violation of labor protection rules, violation of safety equipment, psychophysiological research, ideal traces, psychophysiological examination, forensic science, evidence, criminal court proceedings, criminal procedure, forensic science activities, operational search activities.

В последнее время актуальной проблемой в выявлении и собирании доказательств при расследовании преступлений стало использование возможностей полиграфа. Между тем изложенные в литературе рекомендации по использованию данного устройства весьма противоречивы. Они касаются как непосредственного его применения при проведении оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий, так и его использования только в качестве инструмента проведения экспертного исследования. Фактически сотрудники правоохранительных органов, как представляется, дезориентированы о возможностях получения доказательств с помощью полиграфа.

Степень изученности проблемы. Использование полиграфа при расследовании преступлений описывается в трудах Р.С. Белкина, А.Р. Белкина, Л.А. Бегуновой, Т.Ф. Моисеевой и других ученых. Однако вопрос об использовании полиграфа при расследовании преступлений, связанных с правилами охраны труда и техники безопасности, остается открытым.

Целесообразность данного исследования состоит в выявлении криминалистических особенностей использования полиграфа при расследовании преступлений, связанных с правилами охраны труда и техники безопасности, которые не раскрыты полностью.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе теоретических положений, анализа нормативно-правовых актов и литературы делаются выводы, которые могут быть использованы следственными и оперативными подразделениями при расследовании преступлений, связанных с правилами охраны труда и техники безопасности.

Методологическую основу исследования составили анализ, синтез, дедукция, сравнительно-правовой метод и др.

Цель исследования заключается в определении особенностей диагностирования человека с использованием полиграфа в деятельности органов внутренних дел при выявлении преступлений, связанных с правилами охраны труда и техники безопасности. Реализация поставленной цели обуславливает ряд задач: исследовать использование полиграфа с точки зрения криминалистики; определить показатели, характеризующие достоверность результатов использования полиграфа; разработать рекомендации по использованию полиграфа при расследовании преступлений, связанных с правилами охраны труда и техники безопасности следователем.

Для раскрытия теоретической и практической значимости данного исследования автором использовались выводы научных изысканий ведущих ученых в области криминалистики, нормативно-правовые акты и судебная практика, регулирующие вопросы применения полиграфа.

Использование полиграфа направлено на диагностирование психики человека, его внутреннего мира, который представляет собой систему субъективных образов реальности и функционирует по определенным законам. Возможности использования полиграфа основываются на взаимосвязи эмоционального состояния человека и физиологических проявлений его организма [4]. В частности, когда человек, отвечая на вопрос, говорит неправду, у него происходят физиологические изменения – учащается пульс и дыхание, повышается давление, усиливается потоотделение и т.п. Однако необходимо отметить, что человека может взволновать и просто упоминание о чем-то, что он хотел сохранить в тайне, и многое другое [3].

Полиграф способен выявить эти изменения и зафиксировать их (на испытуемое лицо надеваются специальные датчики), а специалист, который проводит испытание, оценивает полученные таким образом данные и решает, на какие вопросы лицо реагировало необычно [5]. Такие необычные для данного человека реакции, зарегистрированные полиграфом, дают основания для вывода о том, когда лицо говорило правду, а когда – ложь. Испытание проводится в форме «вопрос – ответ», когда предусматриваются односложные ответы «да» или «нет».

Система проверки включает в себя два основных этапа. На первом этапе определяется нормальный фоновый уровень психофизиологической активности организма человека, регистрируемый на полиграфе. Для этого задаются заранее тщательно продуманные и сформулированные нейтральные вопросы и контрольные вопросы, не относящиеся к предмету расследования, но касающиеся фактов или событий, о которых лицо предпочитает не говорить (предполагается ложный ответ) [14]. Таким образом, устанавливается фоновая психофизиологическая реакция человека как на нейтральные вопросы, так и на вопросы, которые ему неприятны по определенным субъективным причинам или по которым он склонен скрывать правду.

На втором этапе испытания задаются проверочные вопросы, которые вытекают из предмета расследования. Физиологические реакции на проверочные вопросы (возможна и демонстрация предметов, рисунков или документов) используются для сравнения с реакциями на нейтральные и контрольные вопросы, на основании чего специалист делает вывод о субъективной значимости для данного человека этих вопросов в условиях проводимой проверки [13].

В расследовании преступлений в сфере нарушений правил охраны труда и техники безопасности (далее – правила ОТиТБ) судебные экспертизы находят свое широкое применение. Значение судебной экспертизы как средства доказывания сложно перео-

ценить – она играет важную роль в доказывании при возникновении в ходе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в области ОТиТБ. Представляет интерес в контексте данной категории преступлений использование возможностей психофизиологической экспертизы. Следует отметить, что возможности и результаты психофизиологического исследования (экспертизы) с использованием полиграфа являются предметом дискуссии в научном сообществе.

Настороженно к возможности применения полиграфа относится А.Р. Белкин, указывая, что «использование полиграфа, увы, никак не может считаться строго научной и стандартизированной процедурой. Научная достоверность получаемых результатов подвергается обоснованному сомнению, а критические замечания касаются, в частности, того, что это, скорее, искусство, а не наука, ибо слишком многое зависит от квалификации, опыта и интуиции специалиста-полиграфолога» [2].

Данную точку зрения разделяла Т.Ф. Моисеева, которая отмечала, что «на данный момент, пока мы не имеем достоверных методик данного исследования, назвать это экспертизой нельзя. Сам полиграф – это всего лишь прибор, а специалист, который его применяет, по сути, проводит психолого-психофизиологическое исследование. Таким образом, этому специалисту необходимо иметь фундаментальные знания в области психологии, физиологии. Но самое главное, что для обоснования применяемых им программ нужно провести глубокие научные изыскания на предмет установления связей между психикой и физиологией человека применительно к процедуре уголовного судопроизводства. И не только это» [10].

Обязательность порядка уголовного судопроизводства для участников уголовного процесса установлена законодателем в ч. 2 ст. 1 УПК РФ [15]. А перечень доказательств, которые могут быть использованы для подтверждения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, определен в ст. 74 УПК РФ. Следовательно, уголовно-процессуальный закон не предусматривает возможности применения полиграфа в уголовном процессе для проверки достоверности показаний перечисленных участников. Попытки привязать полиграф к одному из них оказываются несостоятельны.

Верховный Суд РФ также изложил свою позицию по данному вопросу – УПК РФ не предусматривает законодательной возможности применения полиграфа в уголовном процессе. Этот вид экспертиз является результатом опроса с применением полиграфа, регистрирующего психофизиологические реакции на какой-либо вопрос, и такое заключение не может рассматриваться в качестве надлежащего доказательства, соответствующего требованиям ст. 74 УПК РФ. Данные полиграфа при проверке достоверности показаний подсудимых не являются доказательством. Подсудимые были допрошены непосредственно в судебном заседании, и оценка их показаний относится к компетенции присяжных заседателей, а не эксперта [7].

В статье 8 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» законодатель установил, что проведение исследования экспертом должно опираться на строго научную и практическую основу. Эксперт должен придерживаться принципа объективности, проводить исследование в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме [11]. Заключение эксперта должно основываться на положениях, позволяющих проверить обоснованность и достоверность выводов на базе общепринятых научных и практических данных. Это один из главных принципов производства экспертных исследований. В настоящее время нет базы общепринятых научных и практических данных, «позволяющих проверить обоснованность и достоверность выводов» психофизиологического исследования с применением полиграфа.

Требование о том, что выводы эксперта должны быть основаны «на общепринятых научных и практических данных», означает, что при повторении исследования тем же методом должен быть получен одинаковый с первоначальным исследованием результат. На практике, однако, подтверждено, что «при проведении повторного исследования очень велика доля результатов, прямо противоположных первоначальным, – до 50%, что, как представляется, свидетельствует о ненадежности такого метода» [12]. Кроме того, изложенную позицию о несовершенстве исследований с применением полиграфа подтверждают и некоторые экспериментальные данные. Анализ выводов специалистов и экспертов, которые проводили специальные психофизиологические исследования с использованием полиграфа, показали распространенность ошибочных выводов. Л.А. Бегунова, которая проводила анкетирование инициаторов психофизиологических исследований (в т.ч. по уголовным делам), приводит такие данные о причинах дачи ложных выводов: «1) низкий уровень подготовки специалиста (эксперта) – 66,9%; 2) недостаточный объем предоставляемой информации – 79,5%; 3) плохие внешние условия проведения исследования (шум, духота, отсутствие удобной мебели и т.п.) – 41,7%; 4) сбои в работе аппаратуры, программного обеспечения – 38%; 5) отсутствие опыта работы (знаний) у специалиста (эксперта) в оперативно-розыскной деятельности – 62,7%; 6) отсутствие знаний физиологии – 66,6%; 7) отсутствие знаний психологии – 58,3%; 8) "внутренние" причины, связанные с функциональным состоянием обследуемого лица (заболевания, усталость,

стресс и т.п.), – 66,8%; 9) индивидуально-психологические особенности обследуемого лица (интеллект, темперамент и т.п.) – 46,5%» [1].

Оценить достоверность показаний подсудимого либо иного участника судопроизводства может только суд на основании исследования и оценки всех представленных доказательств. Исследование на полиграфе, представленное в суд, уже содержит некие выводы, что является вторжением в компетенцию суда, следователя и дознавателя, и, если принять результаты такого исследования в качестве доказательства, это будет означать установление истины по делу без проведения следственных действий [9]. Но при этом стоит добавить, что любая экспертиза содержит выводы, полученные без участия следователя или суда, причем несложно понять, что содержательно проверить их достоверность следователь/суд, не обладающий должной компетентностью, не в силах [6]. Однако полиграфологическое исследование не подпадает под категорию «экспертиза».

В статье 87 УПК РФ указано, что проверка доказательств производится следователем, прокурором и судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле. В соответствии со ст. 88 УПК РФ оценка доказательств с точки зрения достоверности, относимости и допустимости также возложена законом на следователя, прокурора и суд.

Таким образом, заключение специалиста о результатах психофизиологического исследования с использованием полиграфа не может быть использовано в качестве допустимого доказательства.

В то же время объективность результата психофизиологического исследования на полиграфе зависит от множества факторов и условий, в частности физиологического состояния человека, психического восприятия процедуры и т.д. [16]. Заключения, как представляется, могут быть неполными, неточными, в них могут содержаться ошибочные данные. Причины могут быть различными, в т.ч. в зависимости не только от квалификации специалиста и избранной им методики, но и физического и психического состояния обследуемого, степени его возбуждения во время тестирования, а также принимаемых им медикаментозных и иных препаратов, веществ и т.д. [8].

Обращаясь непосредственно к теме исследования, нужно отметить, что преступные нарушения требований ОТиТБ зачастую обусловлены тем, что руководство предприятий стремится выполнить производственные работы (заказы) в кратчайшие сроки (с опережением графика работ) с извлечением возможно большей прибыли. Кроме того, должностные лица, ответственные за соблюдение требований ОТиТБ на объектах, где произошел несчастный случай, нередко прибегают к различным способам сокрытия преступных нарушений правил ОТиТБ. Так, в частности, уничтожаются материальные следы происшествия, изменяется обстановка места происшествия. Данными должностными лицами нередко изменяется содержание документов в сфере ОТиТБ или вовсе уничтожается документация, которая имеет доказательственное значение для расследования преступления, например докладные записки сотрудников о допущенных нарушениях правил ОТиТБ, акты проверок контролирующих учреждений и т.д. В ходе допроса (опроса) должностные лица предприятий, ответственные за соблюдение правил ОТиТБ, отрицают нарушения указанных правил, утверждая, что фактически имел место несчастный случай на производстве. Нередки случаи склонения лиц, обладающих ценной для расследования информацией, к сокрытию сведений, ставших им известными по факту нарушений правил ОТиТБ.

В этой связи исследование с применением полиграфа позволяет выявить идеальные следы преступных нарушений требований ОТиТБ. Специалист, который проводит исследование с применением полиграфа по данной категории уголовных дел, нацелен на определение информированности обследуемого лица о ставших ему известными обстоятельствах, связанных с нарушением требований ОТиТБ. Полученная в результате исследования информация может оказать существенную помощь в раскрытии преступления, даже если она не будет иметь в полной мере доказательственное значение, то хотя бы сориентирует должностных лиц, осуществляющих расследование по уголовному делу, позволит спланировать дальнейшие следственные мероприятия и т.д.

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, диагностирование человека с использованием полиграфа фактически состоит в исследовании внутреннего мира человека, его психики – физиологических и эмоциональных проявлений на определенную информацию. На этом основании специалистом делается вывод о субъективной значимости для данного человека той или иной информации (вопросов), который может быть использован для оценки ранее данных им показаний с точки зрения их правдивости или ложности.

Во-вторых, для получения достоверного результата при проведении диагностики человека с использованием полиграфа нужно полностью исключить возможность влияния на исследуемое лицо посторонних раздражителей, т.е. диагностирование человека с использованием полиграфа возможно лишь в специально оборудованном помещении-лаборатории или в специальном боксе.

В-третьих, специалист, который проводит диагностирование человека с использованием полигра-

фа, должен иметь соответствующий уровень подготовки в области психофизиологии (иметь базовое высшее психологическое образование и специальную подготовку по использованию полиграфа в психологических исследованиях). Очевидно, что наименование эксперта полиграфологом, которое довольно распространено, некорректно, ведь полиграф используется в исследовании как техническое устройство (инструмент) и режим его применения ничем не отличается от другого экспертного оборудования.

В-четвертых, в уголовном процессе использование полиграфа возможно лишь в форме судебной психофизиологической экспертизы, которая представляет собой нормативно урегулированную процедуру применения специальных знаний – проведение исследования, оценку результатов, формулирование выводов.

В-пятых, использование полиграфа может быть проведено для решения основных задач, связанных с установлением психофизиологических реакций человека, которые могут быть признаками причастности или непричастности к расследуемому событию, обладания сведениями относительно отдельных обстоятельств расследуемого события или напротив и т.д.

Результаты применения полиграфа могут считаться лишь ориентирующими, они доказательствами не являются и в качестве таковых не рассматриваются. С учетом значительных затрат времени и усилий на подготовку экспертизы, вероятностного характера ее выводов, которые не являются прямыми доказательствами, нужно в каждом конкретном случае определяться относительно целесообразности ее проведения.

Литература

1. Бегунова Л.А. Востребованность и эффективность специальных психофизиологических исследований // Комплексная психолого-психофизиологическая судебная экспертиза: современное состояние и перспективы развития. Калуга, 2016. С. 40-41.

2. Белкин А.Р. Ещё раз о полиграфе, о текущем моменте и о судебной экспертизе // Библиотека. Криминалистика. М., 2016. С. 79-91.

3. Беляева А.А., Хаснутдинов Р.Р. Применение полиграфа в уголовном процессе // Известия института систем управления СГЭУ. Самара, 2019. С. 30-31.

4. Васильев А.В. Проблемы использования полиграфа в расследовании преступлений // Молодежь и системная модернизация страны. Курск, 2019. С. 34-36.

5. Галушко А.Н. Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве // Известия института систем управления СГЭУ. Самара, 2019. С. 49-51.

6. Калиниченко П.А. Проблемы применения полиграфа на этапе предварительного расследования // Аллея науки. М., 2017. С. 481-486.

7. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.09.2012 № 41-О12-57СП. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

8. Комиссарова Я.А. Научно-методические основы использования полиграфа в уголовном судопроизводстве // Вопросы экспертной практики. М., 2018. С. 325-330.

9. Михайлов Р.В. Аспекты использования полиграфа как средства изобличения и нейтрализации заведомо ложных показаний // Проблемы становления гражданского общества. Иркутск, 2019. С. 230-233.

10. Моисеева Т.Ф. Типичные ошибки при назначении, производстве судебной экспертизы и оценке её результатов // Уголовный процесс. М., 2013. № 3. С. 10-17.

11. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

12. Проверка на ложь: секреты полиграфа. Интернет-портал «Право.ру». URL: https://pravo.ru/review/view/140009/ (дата обращения: 28.02.2020).

13. Рожкова А.А. Правовые аспекты использования полиграфа в раскрытии и расследовании преступлений // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. Бишкек, 2019. С. 94-96.

14. Свободный Ф.К. Актуальные вопросы психологических исследований с использованием полиграфа в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. М., 2019. С. 154-157.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

16. Холодный Ю.И. Необходимость апробация межведомственной методики судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа // Вопросы экспертной практики. М., 2016. С. 689-694.

УДК 343.985.4

В.С. Горшкова
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: vera-gorshkova-86@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ФАКТУ ПОДДЕЛКИ ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИОННОГО НОМЕРА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА

В настоящее время результаты достижений криминалистики активно внедряются в борьбу с преступностью, особое место в которой занимает криминальный «автомобильный бизнес». Раскрытие и расследование преступлений, связанных с легализацией угнанных автомобилей, в частности подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства, невозможны без качественного производства осмотра места происшествия. Автор статьи затрагивает проблемные вопросы, связанные с особенностями формирования «следовой» картины преступления в помещении, специально предназначенном для изменения номерных обозначений автомобиля в целом и его отдельных частей (в пункте охраны, комнате администратора, комнате отдыха «работников», помещении для хранения автомобилей, для осуществления изменений номерных обозначений, на складе для хранения деталей и частей транспортных средств, прилегающей территории), а также рассматривает некоторые особенности использования технико-криминалистических и тактико-криминалистических средств, методов и рекомендаций при производстве данного следственного действия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, специалист, автомобиль, изменение номерных обозначений.

V.S. Gorshkova
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: vera-gorshkova-86@mail.ru

FEATURES OF EXAMINATION OF THE SCENE OF THE ACCIDENT UPON FORGERY OR DESTRUCTION OF THE VEHICLE IDENTIFICATION NUMBER

Currently, the results of the achievements of criminalistics are being actively implemented in fight against crime, a special place in which is occupied by the criminal «car business». Detection and investigation of crimes related to the legalization of stolen cars (one of which is the forgery or destruction of the vehicle identification number) is impossible without a quality inspection of the scene of the accident. The author of the article touches on problematic issues related to the peculiarities of the formation of a «trace» picture of a crime in a room specially designed for changing the license plate numbers of the car as a whole and its individual parts (security point, administrator's room, rest room for «workers», car storage room, implementation of changes in license plates, a warehouse for storing parts and parts of vehicles, as well as the surrounding area), and also considers some features of the use of technical and forensic and tactical and forensic tools, methods and recommendations in the production of this investigative action.

Key words: examination of the accident scene, specialist, car, change of license plates.

Количество автомобилей на дорогах Российской Федерации с каждым годом увеличивается. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, в 2019 г. «в России зарегистрировано свыше 60,5 млн транспортных средств, что на 1,3 процента больше, чем годом ранее» [10]. Автомобиль в России все чаще становится предметом преступных посягательств, т.к. криминальная реализация машины приносит сверхприбыль, а показатель раскрытия преступлений по фактам хищений транспортных средств на протяжении последних 5 лет остается очень низким – не более 30% [8]. Раскрытие и расследование преступлений в области криминального «автомобильного бизнеса» является одним из приоритетных направлений деятельности служб и подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации, т.к. данные противоправные посягательства приобрели транснациональный характер.

Отдельные вопросы раскрытия и расследования преступлений, производства отдельных следственных действий исследуются в теории уголовно-процессуального права, оперативно-разыскной деятельности и криминалистики и нашли отражение в трудах ученых, среди которых: О.Я. Баев, Р.С. Белкин, В.К. Гавло, Л.Я. Драпкин, Е.П. Ищенко, Д.В. Ким, А.Г. Филиппов, Н.Г. Шурухнов, А.Е. Чечетин и др. Особого внимания заслуживают диссертации на соискание степени кандидата наук А.С. Лебедева [6], А.С. Суворова [11], посвященные уголовной ответственности лиц за совершение подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства, А.В. Лесных [7] о расследовании подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства, П.А. Жердева [4], который в своей работе подробно изложил особенности первоначального этапа расследования преступлений, связанных с подделкой или уничтожением идентификационного номера транспортного средства в целях эксплуатации или сбыта. Однако за последние шесть лет комплексные исследования криминалистического обеспечения расследования данного вида преступлений, а также вопросы производства отдельных следственных действий, в частности осмотра места происшествия, с учетом специфики совершения данных противоправных деяний не проводились.

При анализе судебно-следственной практики установлено, что транспортные средства похищают для следующих целей:

- получение страховых выплат;
- получение выкупа;
- совершение другого преступления (убийство, изнасилование, разбой и др.);
- разбор транспортного средства с целью продажи его частей, деталей и агрегатов;
- дальнейшая перепродажа транспортного средства (как правило, это автомобили премиум-сегмента – Toyota Land Cruiser Prado, Lexus LX, Toyota Camry, Skoda Octavia, Kia Rio, BMW X3 и др.).

Для того чтобы «легализовать» похищенный автомобиль с целью продажи другому лицу, преступники, как правило, вносят изменения в первоначальное содержание идентификационных номеров на узлах и агрегатах транспортного средства, ведь без этих манипуляций в дальнейшем невозможно его поставить на учет в Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России. Проведение вышеуказанной работы происходит в специальных гаражах, автомобильных мастерских, «отстойниках», территориях заводов и других промышленных предприятий, которые сдаются в аренду, либо в принадлежащих на праве собственности гаражах лиц, совершающих преступления. Например, в 2017 г. двое обвиняемых, находясь на дороге вблизи одного из населенных пунктов Тамбовской области, совершили разбойное нападение на потерпевшего и его убийство, завладев при этом автомобилем Chevrolet Niva 212300. Автомобиль отогнали в гараж к одному из обвиняемых, который вырезал находящийся на вертикальной поверхности заднего щита двигательного отсека идентификационный номер автомобиля, а также демонтировал содержащую идентичные данные маркировочную табличку, уничтожив, таким образом, идентификационный номер, номер кузова транспортного средства. После этого в декабре 2017 г. вышеуказанные лица сбыли данный автомобиль, продав его на авторазбор станции технического обслуживания автомобилей, принадлежащей индивидуальному предпринимателю [12].

При анализе судебно-следственной практики установлено, что такие помещения часто представляют собой ангары, склады, производственные цеха ранее функционировавших заводов, частные гаражи, редко – специально построенные и предназначенные для осуществления преступной деятельности бункеры (например, в начале 2019 г. в 60 км от г. Санкт-Петербурга был обнаружен подземный бункер, в котором прятали похищенные элитные машины в гараже под неприметным домом [9]).

Производство осмотра места происшествия таких помещений (гаражей, складов и т.п.) имеет свои особенности и задачи, к которым можно отнести:

1) изучение и фиксацию обстановки места происшествия с целью выяснения характера предназначения помещения в целом и его отдельных частей – пункт охраны, комната администратора, комната отдыха или проживания «работников», помещение для хранения автомобилей, помещение для осуществления изменений номерных обозначений, склад для

хранения деталей и частей транспортных средств, а также прилегающей территории;

2) обнаружение и изъятие следов криминального изменения номерных обозначений на деталях и агрегатах транспортного средства, которые в дальнейшем могут служить вещественными доказательствами по уголовному делу и направляться для производства различных видов судебных экспертиз;

3) установление обстоятельств, отражающих признаки преступления: способ изменения номерных обозначений, используемые при этом оборудование и технические устройства, приспособления и материалы, наличие причинно-следственной связи между действиями лиц и наступлением общественно опасных последствий;

4) установление сведений о лицах, участвовавших в осуществлении преступной деятельности (количество, анкетные данные, информация о лицах, получаемая при проверке по криминалистическим, оперативно-справочным и иным учетам, наличие или отсутствие образования в области автомобильного дела, наличие профессиональных навыков);

5) получение информации для выдвижения общих и частных версий, а также их проверку;

6) выявление причин, условий и иных обстоятельств, способствующих совершению преступления.

Качественное выполнение поставленных задач осмотра места происшествия во многом зависит от подготовки к производству данного следственного действия.

До выезда на место происшествия дознаватель (следователь) старается получить достаточно полную и объективную информацию о том:

1) где, когда и в каких условиях необходимо провести осмотр, характеристики объекта осмотра – место расположения, структура помещения, пути въезда, выезда, входа к осматриваемому помещению;

2) каким образом и от кого стало известно о событии, содержащем в себе признаки преступления;

3) какова форма собственности помещения, в котором предполагается проводить осмотр;

4) какие следы, предметы и объекты возможно обнаружить, зафиксировать и изъять при производстве следственного действия;

5) автомобиль, который подлежит осмотру, с целью уточнения мест расположения табличек с идентификационными и иными номерными обозначениями (на моторном щите, за лобовым стеклом, в багажном отделении за запасным колесом, на стойке за дверью, под передним правым или левым креслом в салоне автомобиля, на чашке амортизатора, двигателе и иное);

6) организация охраны места происшествия, использование специализированного оборудования, необходимость привлечения для осмотра дополнительного количества сотрудников полиции, специалистов, понятых и иных лиц.

К производству данного следственного действия необходимо привлекать различных специалистов:

- сотрудник экспертно-криминалистического подразделения системы МВД России;

- специалист в области автомобильного дела (например, сотрудник государственного либо негосударственного экспертного подразделения, имеющий допуск на право самостоятельного производства автотехнических экспертиз, исследования номерных обозначений);

- специалист – сотрудник официального представительства завода-изготовителя определенной марки автомобиля в регионе (при наличии возможности);

- специалист в области аудио- и видеоаппаратуры, GPS-навигации (при производстве осмотра места происшествия необходимо произвести изъятие записей с камер видеонаблюдения, установленных на осматриваемых объектах, а также на пути следования, подъездах и подходах к осматриваемому объекту, а также видеорегистраторы, ранее находившиеся в салоне похищенных автомобилей). Как правило, данное лицо является штатным сотрудником службы безопасности или информационного обеспечения предприятия, на территории которого находится осматриваемый объект.

Перед непосредственным проведением осмотра дознаватель (следователь) должен определить исходную точку, способ проведения осмотра и границы (они должны быть оптимально расширены), в рамках которых необходимо провести данное следственное действие. В некоторых случаях необходимо производство осмотра нескольких участков и помещения с целью наиболее полного и точного отражения преступной деятельности. Особое внимание следует уделить производству фотосъемки – необходимо большое количество ориентирующих, обзорных, узловых фотоснимков, детальных фотоснимков с использованием различных источников освещения (ультрафиолетового и инфракрасного), изготовлению планов и схем. В протоколе осмотра места происшествия необходимо условно выделять в осматриваемом помещении участки (зоны) и подробно фиксировать обстановку в них, наличие или отсутствие видеонаблюдения, системы оповещения и связи, освещения, отопления, оборудования, инструментов и материалов, а также документов.

В комнате администрации (пункте охраны) можно обнаружить сервер для хранения записей с камер видеонаблюдения, персональные компьютеры (на которых может содержаться информация о размещении объявлений о продаже автомобилей либо деталей транспортного средства), ноутбуки, сим-карты, специ-

альные сканирующие устройства (грабберы, сканеры и пр.), журнал въезда-выезда автомобилей, информацию о лицах, осуществляющих «трудовую» деятельность в помещении, – график работы, записи с указанием номеров телефонов и произведенной оплаты.

В комнате отдыха или проживания «работников» подлежат исследованию посуда, личные вещи лиц, находящихся в помещении, – документы, удостоверяющие (паспорт, военные билет, вид на жительство и иные) или устанавливающие личность (водительское удостоверение и иные), сотовые телефоны, планшеты.

В помещении для производства работ по уничтожению и изменению идентификационного номера транспортного средства (помещении для хранения автомобилей) подлежат тщательному осмотру сами транспортные средства (кузов, салон, багажное отделение, моторный отсек). Особое внимание следует уделить оборудованию и инструментам – газо- и электросварочное оборудование, слепочные массы, емкости с кислотами, специальные долото, стамески, шило и пр. Нередко и рядом с автомобилем возможно обнаружение табличек с государственным регистрационным знаком. В салоне автомобиля возможно обнаружение личных вещей потерпевших (сумки, ежедневники, визитки, банковские карты, чеки с результатами оплаты с использованием банковских карт и иные), а также документов на автомобили (свидетельство о регистрации транспортного средства, паспорт транспортного средства и пр.). На стенах помещения необходимо зафиксировать и изъять листы бумаги с записями о графике работ, обозначениями выполненной работы, рецептурами растворов, используемых при уничтожении номерных обозначений, и иной информацией. Кроме того, в осматриваемом строении могут находиться транспортные средства, используемые преступниками для совершения преступлений, – спецтехника для буксировки и перевоза автомобилей, а также личные автомобили.

В помещении склада возможно обнаружение фрагментов кузова, деталей, номерных агрегатов, табличек с ранее похищенных автомобилей.

Осмотр места происшествия – помещения, специально предназначенного для изменения номерных обозначений автомобиля, необходимо производить с учетом следующих особенностей:

1. Привлекать в качестве специалистов сотрудника экспертно-криминалистического подразделения системы МВД России; лицо, обладающее специальными познаниями в области автомобильного дела; сотрудника официального представительства завода-изготовителя определенной марки автомобиля в регионе; сведущее лицо в области аудио- и видеоаппаратуры, GPS-навигации и иных лиц.

2. Осматриваемое помещение необходимо разделять на сектора (пункт охраны, комната администратора, комната отдыха или проживания «работников», помещение для хранения автомобилей, помещение для осуществления изменений номерных обозначений, склад для хранения деталей и частей транспортных средств, прилегающая территория).

3. Использование дополнительных источников освещения, в т.ч. видеоспектральных компараторов и луп (например, прибор «Регула 4305М»).

4. Производство качественной фото- и видеосъемки, изготовление подробных планов и схем.

Подводя итоги, стоит отметить, что осмотр места происшествия по факту подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства является одним из ключевых следственных действий, позволяющих предоставить в распоряжение дознавателя (следователя) доказательства совершения преступления. Полученные материалы (обнаруженные, зафиксированные в протоколе осмотра места происшествия и изъятые следы, предметы и объекты) необходимо своевременно проанализировать, систематизировать и предоставить в распоряжение дознавателя (следователя) в такой форме, чтобы они были полными, объективными, понятными, содержали необходимые и достаточные сведения для быстрого раскрытия и грамотного расследования преступлений данной категории, выработки рекомендаций по устранению причин и условий, способствовавших их совершению.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы тенденции, перспективы. Общая и частная теории. М.: Изд-во Юридическая литература, 1987. 271 с.

2. Гавло В.К. Избранные труды / сост. В.В. Сорокин, Н.А. Дудко. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 850 с.

3. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. 333 с.

4. Жердев П.А. Первоначальный этап расследования преступлений, связанных с подделкой или уничтожением идентификационного номера транспортного средства в целях эксплуатации или сбыта: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2014. 198 с.

5. Ким Д.В. Проблемы теории и практики разрешения криминалистических ситуаций в процессе раскрытия, предварительного расследования и судебного рассмотрения уголовных дел: дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул, 2009. 428 с.

6. Лебедев А.С. Уголовная ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 224 с.

7. Лесных А.В. Расследование подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 216 с.

8. Официальный сайт МВД Российской Федерации. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 06.02.2020).

9. Официальный сайт «Первого канала». URL: https://www.1tv.ru/news/2019-12-21/377800v_leningradskoy_oblasti_obnaruzhen_ podzemnyy_bunker_s_ugnannymi_avtomobilyami (дата обращения: 06.02.2020).

10. Официальный сайт ФГБУ «Редакция "Российской газеты"». URL: https://rg.ru/2020/01/04/v-rossii-vyroslo-chislo-zaregistrirovannyh-avtomobilej.html (дата обращения: 06.02.2020).

11. Суворов А.С. Уголовная ответственность за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 186 с.

12. Уголовное дело № 2-5/2019 // Архив Тамбовского областного суда.

13. Чечетин А.Е. Оперативно-розыскные мероприятия и права личности: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2006. 148 с.

14. Шатохин И.Д., Чечетин А.Е. Принцип уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина в оперативно-розыскной деятельности: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2020. 206 с.

УДК 343.98
Р.Р. Карданов, *канд. юрид. наук*
Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ВЕРСИЙ

При планировании расследования преступлений весьма важную роль играют версии, которые составляют его основу. Сама версия означает предположение, подлежащее проверке в ходе расследования. Без выдвижения версий невозможен процесс доказывания. Версии являются средством установления объективной истины по уголовному делу, содержащему ту или иную совокупность доказательств. Практическое значение криминалистических версий состоит в возможности планирования расследования, а проверка версий обеспечивает полноту и всесторонность расследования.

В статье рассмотрены особенности построении следственных версий, раскрыты понятие, содержание, значение следственных версий в организации расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, следователь, версия, преступление, происшествие, расследование, преступник, доказательства.

R.R. Kardanov, *Candidate of Juridical Sciences*
North-Caucasian Institute (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru

SOME FEATURES OF CONSTRUCTION OF INVESTIGATIVE LEADS

The versions that form the basis of a crime investigation play a very important role when planning a crime investigation. The version itself means an assumption that is subject to verification during the investigation. The proof process is not possible without putting forward versions. Versions are a means of establishing objective truth in a criminal case containing a particular set of evidence. The practical value of forensic versions is the ability to plan an investigation, and checking versions ensures the completeness and comprehensiveness of the investigation.

The article discusses the features of building investigative versions, reveals the concept, content, and value of investigative versions in the organization of crime investigation.

Key words: forensics, investigator, version, crime, incident, investigation, criminal, evidence.

В познании истины по уголовному делу версия свою функцию полноценно осуществляет тогда, когда заключающееся в ней предположение будет основываться на фактах. Сведения, являющиеся основанием построения следственных версий, включают в себя данные, напрямую имеющие отношение к расследуемому событию, а также общие положения, основанные на обобщении следственной практики и других исследованиях.

Вне зависимости от вида и типа происшествия оно происходит в прошлом, по причине чего правоохранительные органы не имеют возможности воспринимать его лично и непосредственно, соответственно, познание в уголовном судопроизводстве осуществляется опосредованным путем – при помощи доказательств.

Результаты проведения первоначальных следственных действий в совокупности с первичными материалами дела содержат в себе основную информацию о расследуемом событии [1].

При этом именно непосредственное изучение следователем обстановки места происшествия в процессе проведения осмотра места происшествия имеет важное значение для построения версий.

Непосредственное восприятие расширяет представление следователя о случившемся событии, насыщая его более разносторонними и полными образами, что, в свою очередь, оказывает положительное воздействие на выдвижение версий.

Сведения, полученные в результате проведения разыскных мероприятий, и информация, содержащаяся в анонимных письмах, могут быть использованы для выдвижения версий.

К общим положениям, которые учитываются при построении следственных версий, относятся сведения о лицах, механизме следообразования, способах совершения и сокрытия преступлений.

Как правильно указывал В.Ф. Асмус, версия – это форма мышления, которая в логике именуется гипотезой. В структуре версии обнаруживаются те же элементы, что и в структуре гипотезы [2, с. 145]. Аналогичную позицию заняли А.Н. Васильев, А.М. Ларин, И.М. Лузгин, А.А. Старченко, М.С. Строгович, А.Р. Шляхов и другие ученые.

Источниками указанных сведений являются специфические знания следователя, полученные им в результате изучения криминалистики и следственной практики, а также его профессиональный и жизненный опыт [3, с. 66].

Знание способов совершения преступлений и характера специфических для каждого из них следов позволяет следователю с учетом имеющейся у него информации выдвинуть все реальные в данной ситуации версии о способе совершения расследуемого преступления и определить характер и место нахождения возможных следов, а при обнаружении таковых правильно решить вопрос об их относимости (например, при проведении осмотра места происшествия по факту совершения квартирной кражи следует искать на месте следы рук, обуви, отпирания замков биологического происхождения, при этом местами нахождения возможных следов будут являться места расположения ценностей и места, где было конкретное изменение первоначальной обстановки в квартире – перемещение предметов).

Помимо этого, всю информацию о преступлении следователь сопоставляет со способами совершения аналогичных преступлений, с признаками, характерными для совершающих лиц, и иными сведениями, характерными для преступлений определенной категории. При совпадении определенных признаков исследуемого происшествия или его обстоятельств с признаками, наблюдавшимися раньше в ином событии или событиях, следователь, применяя аналогию, выдвигает предположение, что и все остальные их признаки сходны или являются следствием одной причины.

На основании этого следователь строит версию, что в данном случае имело место событие (обстоятельство), аналогичное тому, с которым совпали признаки. Следует отметить, что при построении следственных версий индукция и аналогия обычно используются в совокупности, т.е. предположительный вывод, как правило, основывается не только на простом обобщении установленных фактов, но и на сопоставлении их с определенными знаниями общего характера [4, с. 122-125].

Изложенное можно проиллюстрировать на примере построения версий при планировании расследования хищения оргтехники из складского помещения одного из крупных сетевых магазинов.

При осмотре места происшествия на входной двери складского помещения выявлены следы нарушения целостности печати запорно-пломбировочного устройства и отпирания замка инородным предметом. В местах, где по заявлению материально-ответственного лица и дежурившего сторожа хранилось украденное имущество, обнаружены как единичные следы обуви, так и дорожка следов, по рисунку отличающаяся от обуви работников склада. Инвентаризацией установлено, что в магазине имеется недостача. Эти факты и заявление материально-ответственного лица о том, что недостача имущества есть результат кражи его неизвестным преступником, имеют отношение к расследуемому событию и дают основание выдвинуть версии, что в данной ситуации замок был отперт инородным предметом и впоследствии в складское помещение проникло постороннее лицо, что недостача имущества есть результат кражи, совершенной лицом, проникшим в хранилище.

Кроме того, во время осмотра места происшествия в урне у стола материально-ответственного лица обнаружен пепел сожженных документов. От определенных лиц следователю стало известно, что в ближайшие дни намечалась инвентаризация материальных ценностей, узнав о которой материально-ответственное лицо проявило беспокойство. Можно предполагать, что эти факты находятся в причинной связи с преступлением, и с учетом известных из следственной практики способов совершения и сокрытия хищений должностными лицами выдвинуть версии, что заинтересованное лицо сожгло документы, а проникновение в склад постороннего лица могло быть инсценировано для сокрытия недостачи, образовавшейся по вине материально-ответственного лица.

При построении версий мысленный образ, идеальная модель не только всегда сопутствуют предположительному суждению, но и предшествуют ему. Сначала следователь на основании имеющихся в его распоряжении сведений о происшествии и своих знаний мысленно представляет исследуемое событие или его обстоятельство в разных вариантах, а затем формулирует версии. Например, при расследовании пропажи пистолета у сотрудника военизированной охраны следователь, исходя из информации по делу и данных следственной практики, сначала мысленно представил общую картину событий, при которых мог пропасть пистолет. Эти мысленные модели позволили не только сформулировать общие версии, что пистолет похищен или утерян, но и при дальнейшей конкретизации моделей расследуемого события сформулировать версии о некоторых его обстоятельствах, а именно способе кражи оружия, лице, которое могло его совершить, а также месте, времени и механизме утраты пистолета.

Чем больше сведений о расследуемом событии имеет следователь, тем более конкретный характер будут носить выдвигаемые им версии. В ходе расследования процесс выдвижения и проверки версий идет от менее конкретных к более конкретным версиям. Например, от версий по субъекту преступления, охватывающих группы лиц, среди которых может находиться преступник, к версиям о причастности к преступлению конкретных лиц.

Поскольку версии выдвигаются следователем в тех случаях, когда имеющиеся в его распоряжении фактические данные недостаточны для окончательного, единственно правильного объяснения исследуемого события или обстоятельства, версия никогда не является единственной, ибо ей как минимум противостоит контрверсия. Так, кроме версии о виновности подозреваемого А. в преступлении, всегда должна выдвигаться и проверяться контрверсия о его невиновности. При этом, поскольку контрверсия с частицей «не» слишком неопределенна, то чтобы сделать ее проверяемой, необходимо негативную версию с учетом имеющихся в деле данных и знания типичных для этой ситуации версий преобразовать в ряд версий, положительно объясняющих неизвестное обстоятельство.

Также следует отметить, что интуиция играет определенную роль в построении следственных версий. При упоминании интуиции имеется в виду кажущееся внезапное непосредственное постижение истины без очевидных доказательств и развернутого логического мышления. Из теории познания известно, что за способностью сознания при минимальном наличии информации по ничтожным признакам, без развернутого анализа интуитивно угадывать истину стоят приобретенные ранее фактические знания и опыт, которые дают возможность человеку как бы «внезапно» правильно решить ту или иную задачу. Вот почему интуитивные догадки обычно имеют место у следователей, обладающих соответствующими знаниями, а также значительным профессиональным и жизненным опытом. Более того, если проанализировать, на чем основан и каким образом был найден безошибочный интуитивный вывод, то можно увидеть, что в основе его лежит конкретная информация, нередко слабозаметная и незначительная, и возник он в результате неосознанного мыслительного процесса. При изучении и осмысливании исходной информации по делу логическое мышление следователя дополняется его воображением, а обоснованные фактами выводы и предложения – интуитивными догадками. Интуитивная догадка и следственная версия, будучи вероятными суждениями, различаются степенью обоснованности предположения, составляющего их содержание.

Правильная догадка позволяет определить направление поиска доказательств и по мере получения сведений, подтверждающих ее обоснованность, превращается в следственную версию.

Мыслительный процесс аналитического рассмотрения следователем сведений по делу в целях определения характера преступления и содержания отдельных его обстоятельств запускается незамедлительно после получения информации о происшествии. Как только в руках следователя окажется минимальное количество информации для выдвижения версий, он сразу приступает к их построению. Количество фактов, учитываемых при построении версий, степень надежности их источников влияют на степень обоснованности версий [5, с. 78-79].

Проверка необоснованных предположений ведет к напрасной трате сил и времени, что сокращает возможность исследования реальных версий.

Лишь наличие достаточного количества информации, содержащей в себе признаки преступления,

служит основанием для возбуждения уголовного дела.

При этом на начальном этапе расследования из-за недостаточности информации об обстоятельствах происшествия нередко не представляется возможным не только уверенно определить квалификацию деяния, содержащего признаки преступления, но и дать ответ в категорической форме на вопрос: является ли расследуемое событие преступлением. В таких ситуациях в основу возбуждения дела по признакам той или иной статьи УК РФ фактически закладывается наиболее вероятная версия о составе преступления.

Даже в случае, когда следователь выезжает на место происшествия для производства осмотра до возбуждения уголовного дела, основанием для производства этого следственного действия является обоснованное предположение (версия), что в данном месте произошло определенное преступление.

Таким образом, версии строятся следователем с самого начала расследования, как до производства первоначальных следственных действий, так и в ходе их проведения. Невозможно представить, чтобы следователь на каком-либо этапе следствия не имел обоснованных предположений о характере расследуемого им события и содержании исследуемых обстоятельств.

Версии на начальном этапе расследования из-за ограниченности информации не всегда достаточно конкретны и полно обоснованы, нередко они не фиксируются в плане и при проверке опровергаются результатами первых же следственных действий.

В ходе расследования по мере получения новых данных о преступлении одни версии, не нашедшие подтверждения и опровергнутые доказательствами, отпадают, другие – уточняются и конкретизируются. Кроме того, при наличии оснований следователь выдвигает новые, ранее им не предусмотренные версии.

Все частные версии о содержании обстоятельств происшествия прямо связаны с соответствующей им общей версией о характере расследуемого события. Множество непосредственных и опосредованных связей имеется между версиями о разных обстоятельствах происшествия. Связи между версиями оказывают влияние как на их построение при планировании, так и на проверку в процессе расследования. Как правило, построение одной версии обуславливает необходимость выдвижения других. Результат проверки той или иной версии, т.е. установленное или опровергнутое обстоятельство, может быть использован при проверке достоверности других выдвинутых версий и для обоснования новых.

Исходя из фактических данных и известных способов маскировки преступников после оставления ими места кражи, следователь в числе других версий выдвинул предположение, что застигнутый на месте преступления преступник после выхода из квартиры поднялся по лестнице на верхний этаж, где часть украденных предметов одежды одел на себя, а другие спрятал в свой чемодан. В нем ранее находился светлый плащ, который преступник для изменения внешности надел на себя, при этом следователь предположил, что преступником может быть гражданин в светлом плаще.

Выдвижение и проверка этой производной версии о субъекте преступления позволили быстро установить личность преступника и задержать его.

При построении и проверке версий по делу следует учитывать не только связи между версиями о разных обстоятельствах происшествия, а также между частными и общими версиями, но и то, как соотносятся между собой однопорядковые версии (суждения) о характере расследуемого события или о содержании того или иного исследуемого обстоятельства.

Отношение между такими версиями может иметь форму альтернативы. В суждениях такой формы, именуемых разделительными, каждая из версий исключает прочие. Например, при составлении плана расследования по уголовному делу, возбужденному в связи с обнаружением неопознанного трупа со смертельным огнестрельным ранением, возможны следующие две группы взаимоисключающих версий: а) о характере события – убийство, самоубийство или несчастный случай; б) о личности погибшего – это может быть без вести пропавший А. или кто-то другой.

Помимо альтернативных версий, фактические данные о расследуемом преступлении могут давать основания для построения версий, которые не исключают одна другую. В этом случае выдвинутые версии имеют форму соединительно-разделительного суждения. Так, при планировании расследования недостачи материальных ценностей в хранилище при отсутствии сведений о ее причине типичными версиями будут: а) о характере преступления – недостача есть результат хищения, злоупотребления или халатности; б) по субъекту хищения – хищение могло быть совершено материально-ответственным лицом или посторонним. При этом причиной недостачи может быть как одно из указанных преступлений, так и их совокупность, субъектами хищения могут быть должностное и постороннее лица как раздельно, так и совместно.

Все связи между версиями – предположительными суждениями о содержании обстоятельств расследуемого преступления – отражают объективно существующие закономерные связи между явлениями, соответствующими этим суждениям.

Знание взаимосвязей между версиями дает возможность не только своевременно и обоснованно

выдвигать отдельные следственные версии, но и сводить все версии в единую систему, которую целесообразно фиксировать (например, в виде графической схемы).

Литература

1. Антипов В.П. Планирование расследования нераскрытых преступлений. М.: Юрлитинформ, 2002. 152 с.

2. Асмус В.Ф. Избранные философские труды. М., 1969. Т. I.

3. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984.

4. Ляхова О.О. Понятие, содержание, значение следственных версий в организации расследования преступлений // Молодой ученый. 2018. № 7. URL: https://moluch.ru/archive/193/48339/ (дата обращения: 27.02.2020).

5. Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. 464 с.

6. Руденко А.В. Содержательная логика доказывания: диалектические и формально-логические основы (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2011.

7. Топорков А.А. Криминалистика: учебник: для курсантов, слушателей и студентов. М.: Контракт, ИНФРА-М, 2017. 462 с.

8. Тюнис И.О. Криминалистика: учебное пособие. М.: Университет «Синергия», 2018. 222 с.

9. Яблоков Н.П. Криминалистика: учебник. М.: Юрайт, 2013. 279 с.

УДК 343.982
А.В. Кондаков, *канд. юрид. наук, доцент*
Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации
E-mail: akondakov@rambler.ru;
Д.А. Евстропов, *канд. техн. наук*
Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации
E-mail: Dmitry.Evstropov@gmail.com

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЛЮМИНЕСЦЕНТНЫХ ПОРОШКОВ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ СЛЕДОВ РУК

Изложенный в статье материал основан на экспериментальном исследовании эффективности работы порошков компании BVD International BV (зеленого цвета) и компании FoshanXiucalChemicalCo., Ltd (белого цвета), обладающих свойствами «холодного свечения», в зависимости от диапазона видимой части спектра и длины волны возбуждающего излучения.

Использование люминесцентных порошков в экспертной практике имеет свои особенности, о которых в своих рекомендациях не говорят производители.

Учитывая потребность экспертных подразделений в информационном сопровождении эффективности работы таких порошков, авторами проведен ряд экспериментов по выявлению следов рук на поверхности стекла и их фиксации на лабораторной установке DOCUBOX ProjectinaDocumentExamination», направленных на анализ, и выработку в последующем рекомендаций по их применению.

Ключевые слова: дактилоскопия, флуоресценция потожировых следов рук, люминофорные порошки в дактилоскопии, физические методы выявления следов рук, папиллярные узоры.

A.V. Kondakov, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
E-mail: akondakov@rambler.ru;
D.A. Evstropov, *Candidate of Technical Sciences*
Volgograd Academy of the Ministry of Interior of Russia
E-mail: Dmitry.Evstropov@gmail.com

CERTAIN ASPECTS OF THE USE OF LUMINESCENT POWDERS FOR IDENTIFICATION OF HANDPRINTS

The material presented in the article is based on an experimental study of the effectiveness of powders of BVD International BV (green) and FoshanXiucal Chemical Co., Ltd (white), which have «cold glow» properties, depending on the range of the visible part of the spectrum and wavelength of exciting radiation.

The use of luminescent powders in expert practice has its own characteristics, which are not mentioned in their recommendations by manufacturers, in particular, there is no information about the possibility of improving the imaging parameters of the trace, brightness, contrast, color saturation, by changing the lighting parameters on specific laboratory devices, by the use of modern graphic editors, with the exception of distortions introduced by the constituent structural elements of the trace-perceiving surface. In addition, many experts simply do not have experience with such powders.

Taking into account the need of expert departments for information support of the effectiveness of such powders, the authors conducted a number of experiments to identify handprints on the glass surface and fix them on the laboratory installation DOCUBOX ProjectinaDocumentExamination», aimed at analysis, and the subsequent development of recommendations for their use.

Key words: fingerprinting, fluorescence of fingerprints of hands, luminophore powders in fingerprinting, physical methods for detecting handprints, papillary patterns.

Выявление следов рук с помощью дактилоскопических порошков является традиционным физическим методом. Современные порошки имеют разнообразные составы, и в большинстве случаев вид порошка, используемого криминалистом, является предметом его личного выбора [4].

Многие зарубежные организации используют запатентованные порошки, производимые независимыми компаниями, точный химический состав которых не раскрывается. На протяжении многих лет этими компаниями активно рекламируются дактилоскопические порошки, обладающие свойствами «холодного свечения», как один из эффективных методов выявления следов рук на разнообразных поверхностях, для фиксации которых можно воспользоваться фотосъемкой с фильтрами, прибором экспертного света либо специализированными лабораторными установками.

В процессе исследования следов, выявленных такими порошками, экспертам приходится ориентироваться на опыт других специалистов, коллег, а также результаты исследований, описанных в научной литературе [2, 3, 6].

Выявленные при этом следы в зависимости от типа воздействующего на них источника света (излучения) будут проявлять свойства «холодного свечения», яркость и контрастность которого зависят от химического состава порошка, свойств поверхности, длины волны излучения и т.д. [1].

Многие методы работы с такими порошками не находят должного отражения в специализированной литературе, полезная информация специалистам не предоставляется, таким образом, потенциальное применение данных порошков для обнаружения скрытых отпечатков пальцев в России до сих пор полностью не изучено.

В данной статье описан ход и результат исследования эффективности работы дактилоскопических порошков, обладающих свойствами «холодного свечения», при выявлении следов рук на поверхности стекла. На основе анализа результатов, полученных при исследовании порошков компаний BVD International BV и FoshanXiucalChemicalCo., Ltd, даны рекомендации по улучшению яркости, контрастности и цветовой насыщенности выявленного следа в зависимости от длины волны возбуждающего излучения.

Объектами исследования являются порошки зеленого BVD International BV (далее – I) и белого FoshanXiucalChemicalCo., Ltd (далее – II) цвета, обладающие свойствами «холодного свечения», и следы пальцев рук, выявленные с их помощью на поверхности стекла.

Для удобства анализа следы рук оставлял только один человек, мужчина 29 лет без кожных заболеваний, указательным пальцем правой руки. Руку тщательно промывали мыльным раствором, подсушивали, после чего следообразующий участок пальца взаимодействовал с кожным покровом, имеющим достаточное количество потожирового вещества (лоб, нос, ушные раковины), и оставлялся след. В периоде между мытьем рук и образованием следов на стекле избегали лишних касаний окружающих поверхностей.

Для выявления следов был выбран один из распространенных в дактилоскопии методов перекатывания дактилоскопического порошка с последующим удалением его излишков при помощи беличьей кисти.

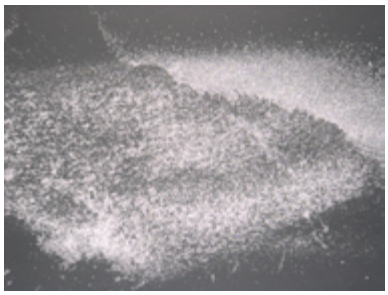
Визуализацию свойства зеленого и белого люминесцентных порошков изменять свой цветовой контраст и насыщенность осуществляли на видеоспектральном компараторе DOCUBOX ProjectinaDocumentExamination.

В таблицах 1-2 представлена картина возможности исследуемых порошков изменять свой цветовой контраст и насыщенность: в диапазоне видимой части света; ночью; в диапазонах 530-630 нм (от зеленого до красного); с модулем моторизированного фильтра (желто-зеленого цвета) в полосе частот 570 нм; а также под действием ультрафиолетового излучения.

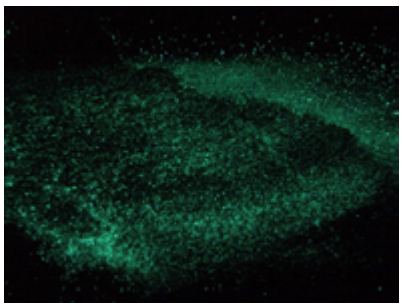
Исходя из полученных результатов, частицы порошка II, выведенные из состояния термодинамического равновесия, после сообщения им энергии возбуждения при помощи лампы дневного освещения холодного цвета способны к люминесценции в условиях недостаточной освещенности «ночью». Порошок выделяет избыточную энергию, испуская неравномерное свечение, продолжающееся определенное время. Этого достаточно, чтобы запечатлеть изображение частицы на поверхности стекла в данных условиях.

Таблица 1

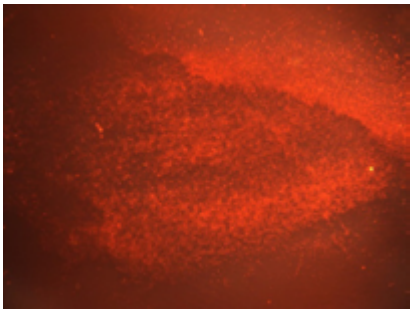
Изображения характера распределения частиц порошка компании FoshanXiucalChemicalCo., Ltd (Китай) на поверхности стекла



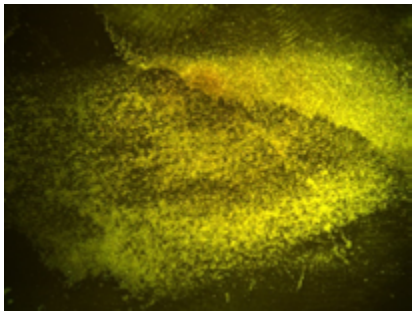
В диапазоне видимой части света



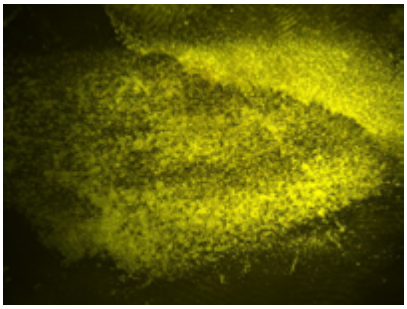
В условиях недостаточной освещенности



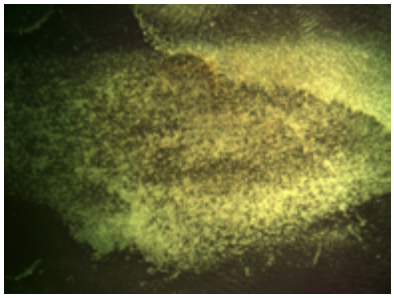
В полосе частот 630 нм



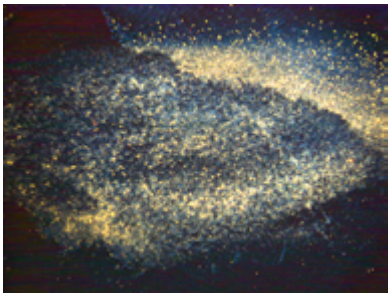
В полосе частот 610 нм



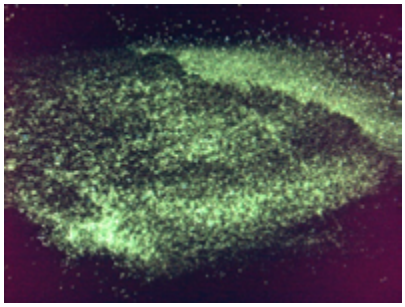
В полосе частот 590 нм



В полосе частот 530 нм



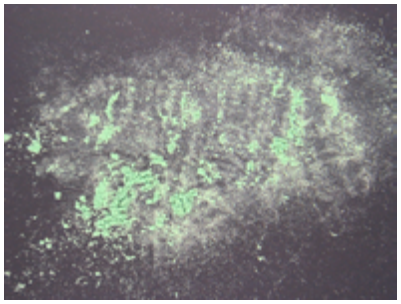
С модулем моторизированного фильтра
в полосе частот 570 нм



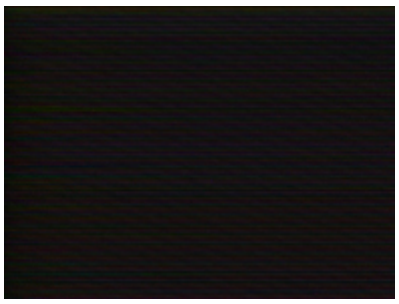
Ультрафиолетовое излучение
с длиной волны 365 нм

Таблица 2

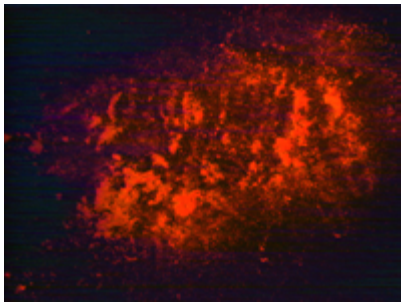
Изображения характера распределения частиц порошка компании BVD International BV (США) на поверхности стекла



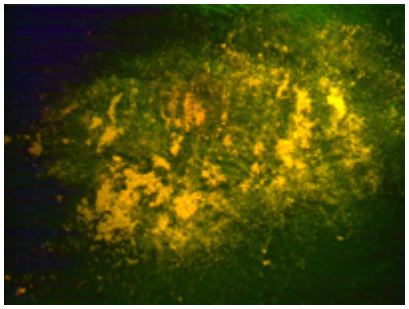
В диапазоне видимой части света



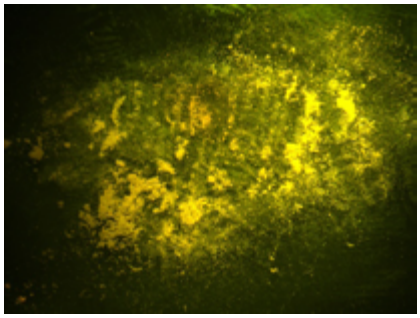
В условиях недостаточной освещенности



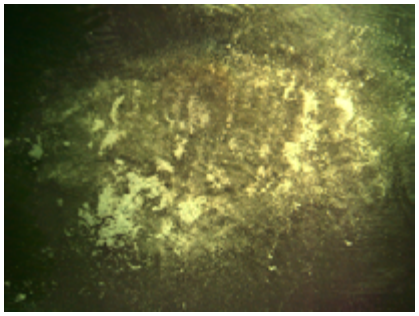
В полосе частот 630 нм



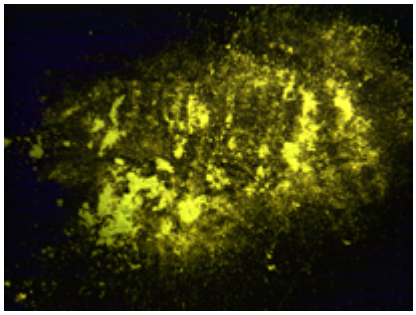
В полосе частот 610 нм



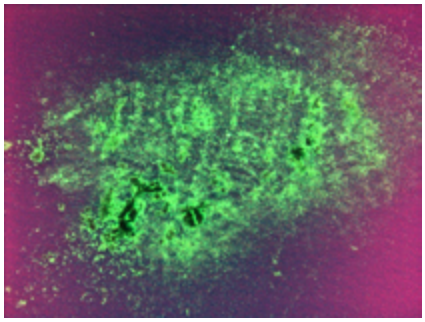
В полосе частот 590 нм



В полосе частот 530 нм



С модулем моторизированного фильтра в полосе частот 570 нм



Ультрафиолетовое излучение с длиной волны 365 нм

Под действием ультрафиолетового излучения на анализируемых изображениях наблюдается появление фиолетовых засветов, наряду с ними в I порошке визуально наблюдается структурная неоднородность в местах наибольшего скопления порошка, что отражается в виде темных пятен на изображении. Распределение частиц II порошка при аналогичных условиях освещения выглядит более контрастным и равномерным. В полосе частот 630 нм наблюдается обратная картина – наложение красного фона от подложки и частиц II порошка, окрашенных в красный цвет, что вносит соответствующее искажение в четкость восприятия картины распределения частиц по поверхности.

При подключении модуля моторизированного спектра в полосе частот 570 нм картина изменения характера распределения частичек II порошка по поверхности аналогична картине, наблюдаемой в ультрафиолетовом излучении, однако некоторые особо крупные частички порошка светятся ярче и контрастнее. Распределение частиц I порошка в сравнение с распределением, наблюдаемым в ультрафиолетовой области спектра, выглядит более равномерным, без искажений.

В диапазоне видимой части света при частотах 530-610 нм результаты сопоставимы друг с другом: частицы порошка хорошо различимы на поверхности, искажения и структурные неоднородности на представленных изображениях не наблюдаются. Поэтому с целью экономии времени при дальнейшем анализе следов пальцев рук, выявленных I и II порошком, мы ограничимся исследованиями в диапазоне видимой части спектра при дневном освещении.

В таблице 3 представлены изображения следов пальцев рук, выявленных люминофорными порошками I и II на поверхности стекла. Их анализ показывает, что порошки пригодны для выявления следов.

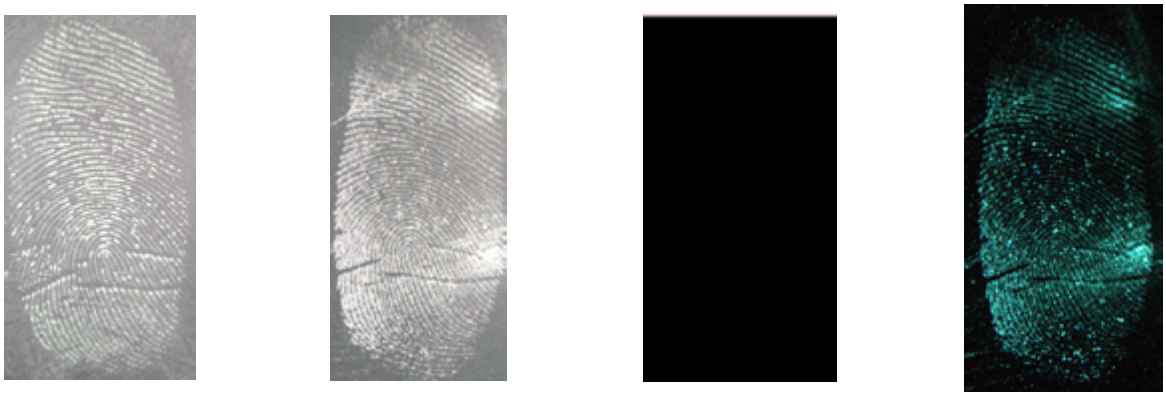
Качественный результат, наблюдаемый нами, зависит от совокупности факторов, из которых немаловажная роль отведена условиям освещения.

В условиях недостаточной освещенности за счет свойства II порошка излучать энергию «холодного свечения» удается различить вид, тип и другие особенности строения папиллярного узора.

Таблица 3

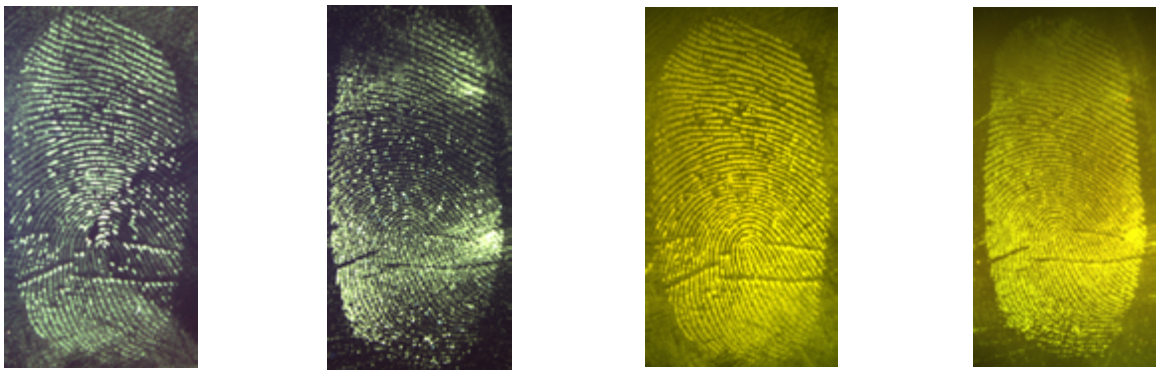
Изображения следов пальцев рук, выявленных люминофорными порошками I и II на поверхности стекла

I II I II



В диапазоне видимой части света В условиях недостаточной освещенности

I II I II



В ультрафиолетовом освещении с длиной волны 365 нм С модулем моторизированного фильтра в полосе частот 570 нм

С нашей точки зрения, наиболее качественного результата удалось добиться в следе, наблюдаемом и зафиксированном с модулем моторизированного фильтра в полосе частот 570 нм: следы яркие, контрастные, частные признаки легко различимы, их анализ не вызывает труда.

Подводя итог, следует отметить, что представленные результаты экспериментальной работы по выявлению следов рук порошками указанных производителей на поверхности стекла позволяют специалисту получить представление о возможностях их использования, средствах и способах улучшения качества изображения полученных следов. Эффективность применения данных порошков на практике будет зависеть также от уровня оснащения криминалистических лабораторий необходимым современным оборудованием, полноты информации, предоставляемой производителем, о возможностях работы с ними, для получения качественного изображения следов пальцев рук на различных следовоспринимающих поверхностях.

Литература

1. Адирович Э.И. Люминесценция и законы спектрального преобразования света // Успехи физических наук. 1950. Т. 40. № 3. С. 341-368.

2. Латышов И.В., Васильев В.А., Кондаков А.В. Оценка эффективности применения дактилоскопических порошков для выявления следов рук // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3 (47).

3. Майлис Н.П. Основы дактилоскопии: курс лекций. М.: РГУП, 2016.

4. Харламова О.А. Особенности применения современных дактилоскопических порошков для выявления следов пальцев рук на различных поверхностях // Вестник экономической безопасности. 2015. № 2.

5. Холевчук А.Г. Современные тенденции развития статистических моделей в судебной дактилоскопии: опыт США // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 5. С. 172-187.

6. Barros H. L., Stefani V. Micro-structured fluorescent powders for detecting latent fingerprints on different types of surfaces // Journal of Photochemistry and Photobiology A: Chemistry. 2019. T. 368. C. 137-146.

УДК 343.982.323
Е.А. Моляров
адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России
E-mail:LekS603@mail.ru

СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ»

В статье представлен структурный анализ оперативно-разыскного мероприятия «отождествление личности», в основе которого находится деятельностная парадигма. Исследуемое мероприятие рассматривается автором как система, состоящая из совокупности следующих взаимосвязанных структурных элементов (подсистем): 1) оперативно-тактической задачи; 2) субъекта; 3) объекта; 4) функциональной (деятельной) стороны; 5) приемов организационного характера; 6) результата. На основании имеющихся теоретических разработок и обобщения результатов эмпирических исследований сделан ряд выводов, относящихся к содержанию каждого из представленных структурных элементов отождествления личности. В частности, выделено несколько типов оперативно-тактических задач, решаемых в ходе отождествления личности (познавательные, поисковые, удостоверительные), сделан вывод об относимости к субъекту мероприятия не только должностных лиц, наделенных правом проводить ОРМ, но и лиц, привлекаемых к его проведению и ориентированных организатором мероприятия (должностным лицом) на добывание оперативно значимой информации об опознаваемых лицах, аргументирована позиция об относимости к объекту мероприятия как опознаваемых, так и опознающих лиц.

Ключевые слова: отождествление личности, оперативно-разыскное мероприятие, структурные элементы.

E.A. Moliarov
postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: LekS603@mail.ru

STRUCTURAL ANALYSIS OF THE OPERATIONAL-SEARCH MEASURE «THE IDENTIFICATION OF PERSONS»

The author of the study subjects the operational-search measure «the identification of persons» to a structural analysis based on the paradigm of activity. The measure under study is considered by the author as a system consisting of a combination of the following interconnected structural elements (subsystems): 1) an operational-tactical task; 2) a subject; 3) an object; 4) a functional (active) side; 5) organizational methods; 6) the result. Based on the available theoretical developments and generalization of the results of empirical studies, a number of conclusions have been made relating to the content of the presented structural elements of personality identification. In particular, several types of operational-tactical tasks are defined that are solved in the course of personal identification (cognitive, search, identification); the conclusion about the relevance to the subject of the event not only officials empowered to conduct an operational-search measure, but of persons involved in its implementation and focused by the event organizer (official) on the extraction of important information quickly about identifiable individuals-argued position is of relevance to the object of the event as an identifiable and identified persons.

Key words: identification of the person, non-procedural identification of the person, operational search measure, structural analysis.

Под отождествлением личности понимается оперативно-разыскное мероприятие (далее – ОРМ), которое заключается в установлении и идентификации человека по индивидуализирующим статистическим и динамическим признакам, а равно при помощи других способов, позволяющих с достаточной степенью вероятности опознать индивида [5]. Существенный вклад в развитие научных представлений об отождествлении личности внесли такие ученые, как В.М. Атмажитов, В.Г. Бобров, В.А. Горяинов, Д.В. Гребельский, С.И. Захарцев, И.А. Климов, С.С. Овчинский, Г.К. Синилов, А.Е. Чечетин, А.Ю. Шумилов и многие другие. Отдельного внимания заслуживает выполненное в 2001 г. диссертационное исследование В.В. Важенина закрытого характера, посвященное комплексному изучению указанного ОРМ.

Несмотря на, казалось бы, достаточно высокую степень научной разработанности отождествления личности как ОРМ, некоторые вопросы, относящиеся к его внутренней организации, остаются нерешенными. Так, в теории ОРМ недостаточно четко определены цели и задачи отождествления личности, характер добываемой в ходе его проведения информации. Дискуссионными остаются вопросы относительно круга объектов отождествления личности, возможных способов проведения данного ОРМ и др. В связи с этим нами было проведено исследование, направленное на познание его внутреннего содержания. Для этого мы использовали метод структурного анализа.

Структурный анализ – это метод научного исследования, который заключается в изучении объекта исследования как целостной системы, состоящей из совокупности взаимосвязанных элементов (подсистем). Наиболее перспективная структурная модель ОРМ (как родового понятия), по нашему мнению, была предложена К.К. Горяиновым, Ю.Ф. Квашой, К.В. Сурковым, В.Г. Бобровым [2, с. 280; 1, с. 10-23]. В соответствии с позицией указанных ученых любое ОРМ как система представляет собой совокупность пяти элементов: оперативно-тактической задачи, субъекта, объекта, функциональной (деятельной) стороны, приемов организационного характера [1, с. 10-23].

В ходе изучения научной литературы выявлено, что представленная структурная модель ранее использовалась преимущественно для анализа ОРМ как родового понятия. Так, например, структурный анализ ОРМ (как родового понятия) имеется в работах С.И. Давыдова [3, с. 114-126] и А.Е. Чечетина [13, с. 68-80]. В то же время для анализа отдельных видов ОРМ данная структурная модель использовалась в единичных случаях. Такой подход применялся в 2014 г. А.А. Шмидтом при анализе ОРМ «наведение справок» в рамках научного исследования закрытого характера. Отметим, что в ходе изучения научной литературы нами не было обнаружено работ, в которых представленная структурная модель использовалась как основа для анализа ОРМ «отождествление личности».

Обратим внимание и на то, что рассматриваемая структурная модель характеризует ОРМ как целенаправленную деятельность, исходя из наличия в его структуре таких компонентов, как субъект, оперативно-тактическая задача (цель), деятельная сторона. Как известно, любая целенаправленная деятельность имеет определенный результат (продукт), который, в свою очередь, является внутренней составляющей деятельности. В связи с этим полагаем, что в качестве самостоятельного структурного элемента мероприятия необходимо дополнительно рассматривать и результат отождествления личности.

Рассмотрим каждый структурный элемент отождествления личности подробно.

Оперативно-тактическая задача отождествления личности – это вопрос, подлежащий установлению субъектом ОРМ в ходе проведения мероприятия [1, с. 14]. Анализ научной литературы показывает, что теоретические положения относительно содержания данного элемента отождествления личности в достаточной степени не выработаны. Исходя из имеющихся определений понятия ОРМ, можно лишь сделать вывод о том, что его основной задачей (целью) является установление и идентификация личности. Однако подобная формулировка задачи (цели), как нам представляется, является расплывчатой и не позволяет определить специфику ОРМ.

Для конкретизации данного элемента необходимо рассматривать отдельно общие и частные оперативно-тактические задачи отождествления личности. Учитывая информационный характер любого ОРМ, к общей задаче отождествления личности мы предлагаем относить добывание информации о лицах, представляющих оперативный интерес. Что касается частных задач отождествления личности, то их постановка осуществляется в зависимости от сложившейся ситуации на момент проведения мероприятия. Каждое отдельно взятое ОРМ «отождествление личности» имеет свои собственные задачи, а значит составление их полного перечня не имеет смысла. При этом изучение практической деятельности позволило нам выделить несколько типов оперативно-тактических задач отождествления личности:

- *Познавательные оперативно-тактические задачи,* направленные на получение оперативно значимой информации. Примером одной из таких задач является установление тождества определенного лица с преступником по особым приметам внешности (шрамам, татуировкам, физическим недостаткам),

описанным потерпевшим. Решение данной задачи направлено на добычу сведений о наличии связи конкретного человека с преступным деянием, а также на получение установочных данных (фамилия, имя, отчество, дата и место рождения) лица, причастного к преступлению. Еще одним примером познавательной задачи отождествления личности является составление должностным лицом подразделения оперативно-разыскной информации (ООРИ) МВД с участием потерпевшего словесного портрета преступника с использованием габитоскопической регистрационно-поисковой системы, входящей, например, в АПК «Сова». Ее решение направлено на получение сведений об индивидуализирующих признаках лица, представляющего оперативный интерес. Из общего числа опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений 61% респондентов признали, что познавательные оперативно-тактические задачи ставятся в ходе проведения исследуемого ОРМ.

- *Поисковые оперативно-тактические задачи,* направленные на обнаружение опознаваемых/искомых объектов. Как известно, в ходе исследуемого ОРМ могут осуществляться поисковые действия, в частности, может осуществляться физический поиск лиц, представляющих оперативный интерес, в местах вероятного их появления с последующим их отождествлением. Также поисковые действия могут осуществляться в автоматизированном режиме с использованием информационных систем, имеющихся в распоряжении оперативных подразделений и созданных для идентификационных целей, к таковым относятся ранее упомянутый АПК «Сова», а также АПК «Портрет-поиск», АДИС (автоматизированная дактилоскопическая информационная система) и др. Так, перед должностным лицом подразделения ОРИ, проводящим ОРМ «отождествление личности», после составления субъективного портрета преступника решается задача по формированию выборочной совокупности лиц, схожих по описываемым приметам с разыскиваемым. Такая задача решается посредством поиска в вышеуказанных информационных системах. Сформированная выборка изображений лиц в дальнейшем предъявляется опознающему для непроцессуального опознания. Из общего числа опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений 76% респондентов признали возможность постановки задач данного типа в ходе проведения исследуемого ОРМ.

- *Удостоверительные оперативно-тактические задачи,* направленные на фиксацию результатов отождествления личности. Решение удостоверительных задач необходимо для сохранения добытой оперативно значимой информации. Рассматриваемая задача может выражаться в составлении по итогам ОРМ различных документов, в т.ч. протоколов, актов, рапортов, справок, объяснений участников ОРМ «отождествление личности». Также к таким задачам относятся фотовидеофиксация процесса отождествления личности, привлечение к мероприятию представителей общественности для удостоверения факта проведения ОРМ, а также его результатов. Из общего числа опрошенных нами сотрудников оперативных подразделений 41% респондентов признали, что удостоверительные задачи решаются в ходе проведения исследуемого ОРМ.

Субъекты отождествления личности – это лица, на которых возлагается решение оперативно-тактических задач при его проведении. Такими лицами выступают, во-первых, должностные лица, которые наделены правом проводить ОРМ, во-вторых, лица, которые привлекаются к участию в мероприятии и ориентированы организатором мероприятия (должностным лицом) на добывание оперативно значимой информации о лицах, представляющих оперативный интерес.

К первой обозначенной категории субъектов ОРМ относятся должностные лица оперативных подразделений государственных органов, уполномоченных осуществлять оперативно-разыскную деятельность (далее – ОРД), перечень которых содержится в ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ Об ОРД) [7]. Ко второй категории субъектов можно отнести достаточно широкий круг лиц. Так, некоторые авторы, например О.А. Вагин, В.С. Овчинский, А.Л. Осипенко, В.В. Черников, А.Е. Чечетин, указывают на то, что к субъекту исследуемого ОРМ относятся лица, оказывающие гласное и негласное содействие оперативным подразделениям [4]. Д.А. Васильченко, М.С. Десятов, А.С. Малахов, В.А. Шипицин, А.Ю. Шумилов и ряд других авторов допускают отнесение к субъектам данного мероприятия сотрудников экспертно-криминалистических, информационных подразделений, кинологов и ряд других должностных лиц, не наделенных правом проводить ОРМ, но привлекаемых к участию в его проведении и способствующих решению оперативно-тактических задач ОРМ [8, с. 54-55].

Вышеуказанные позиции ученых нами полностью поддерживаются, поскольку подтверждаются проведенным нами исследованием. Так, опрос сотрудников оперативных подразделений показал, что для проведения отождествления личности практикуется привлечение следующих лиц (в % от числа опрошенных): лиц, оказывающих гласное и негласное содействие, – 49%; сотрудников ЭКЦ – 43%; сотрудников кинологической службы – 22%; сотрудников ППСП – 19%.

Объектом отождествления личности являются лица, в отношении которых субъектом ОРМ осуществляется воздействие с целью получения опера-

тивно значимой информации. Мы пришли к выводу, что к объектам исследуемого мероприятия необходимо относить не только опознаваемых, но и опознающих лиц, в памяти которых сохранился мысленный образ искомого объекта. Опознающие лица являются источником информации об идентифицирующих признаках искомого объекта и, соответственно, способны отождествить его. Воздействие на опознающий объект выражается, например, в изучении его способности отождествить искомый объект, привлечении его для изготовления словесного или субъективного портрета, предъявлении ему для непроцессуального опознания определенного круга лиц. Воздействие на опознаваемое лицо выражается в изучении индивидуализирующих их признаков (внешности, голоса) в процессе отождествления.

Опрос сотрудников оперативных подразделений показал, что в качестве опознающих при отождествлении личности наиболее часто привлекаются: пострадавшие от преступлений – 88%, очевидцы – 54%. Кроме того, в ходе исследования нами были выявлены единичные случаи, когда в качестве опознающих привлекались соучастники преступления, деятельно раскаявшиеся и способствующие раскрытию и расследованию преступления. В качестве опознаваемых могут выступать следующие лица: лица, причастные к преступлению, – 76%; пропавшие без вести – 34%; пострадавшие от преступления – 26%; очевидцы преступления, а также другие лица, располагающие оперативно значимой информацией, – 24%. Необходимо обратить внимание и на то, что в качестве опознаваемых привлекаются лица, которые имеют схожие признаки внешности искомых объектов, но фактически ими не являются [4, с. 99].

Функциональная (деятельная) сторона ОРМ «отождествление личности» отражает способы, используемые субъектом ОРМ для добывания оперативно значимой информации. В учебной литературе выделяется несколько способов отождествления личности: 1) негласное опознание по признакам внешности, голосу и другим приметам; 2) информационный поиск в оперативно-разыскных и криминалистических учетах; 3) исследование предметов, документов, биологических объектов, фотоснимков и других физических носителей информации [11, с. 76-77].

Характеризуя первый из способов проведения ОРМ, обратимся к работам М.С. Десятова, Д.А. Васильченко, А.С. Малахова, В.А. Шипицина, которые полагают, что негласное опознание по приметам может быть осуществлено, например, путем производства поиска в местах вероятного появления лиц, представляющих оперативный интерес [8, с. 54]. А.Н. Халиков дополняет, что отождествление личности может проводиться путем поиска лица, представляющего оперативный интерес, с использованием служебно-разыскной собаки по запаховым следам [10, с. 193].

При реализации второго из способов отождествления личности – информационного поиска в оперативно-разыскных и криминалистических учетах – могут использоваться, например, АИПС «Опознание», АИПС «Портрет-Поиск», АПК «Сова» [6, с. 54], АДИС, которые позволяют идентифицировать человека по отпечаткам пальцев и ладоням рук в режиме реального времени.

Достаточно спорным является отнесение к способу отождествления личности действий, связанных с исследованием предметов, документов, биологических объектов, фотоснимков и других физических носителей информации. Мы полностью поддерживаем позицию А.Е. Чечетина и В.В. Важенина, в соответствии с которой исследование различных объектов для решения идентификационных задач логичнее относить к ОРМ «исследование предметов и документов» [12, с. 139]. В противном случае не совсем понятно, чем оно будет отличаться от отождествления личности.

Приемы организационного характера ОРМ «отождествление личности» необходимы для обеспечения условий эффективного проведения мероприятия. К данному структурному элементу мы относим:

- выбор времени и места проведения ОРМ «отождествление личности»;
- привлечение и инструктаж сотрудников информационных, экспертно-криминалистических подразделений, кинологов и других должностных лиц, которые могут способствовать поиску и опознанию искомого объекта по его приметам;
- предварительный опрос опознающего лица об обстоятельствах, при которых он воспринимал (видел или слышал) искомый объект, и о приметах, по которым он может его отождествить;
- последующий опрос (после акта отождествления личности), проводимый для уяснения, по каким приметам был отождествлен искомый объект и насколько уверенно опознающий его идентифицировал;
- документальное оформление результатов отождествления личности.

Результат ОРМ «отождествление личности» – это информация, которая была добыта субъектом ОРМ в ходе проведения мероприятия. Опрос оперативных сотрудников подразделений ОВД показал, что в ходе отождествления личности ими добывалась следующая оперативно значимая информация:

- установочные данные опознающего/искомого объекта – 86%. К установочным данным относятся фамилия, имя, отчество, дата и место рождения. Такая информация может быть добыта в ходе отождест-

вления личности, проведенного путем информационного поиска по оперативно-разыскным и криминалистическим учетам;

- информация об идентификационных признаках опознаваемого (искомого) объекта 62%. Такая информация добывается в процессе восприятия субъектом ОРМ искомого объекта, на который указывает опознающий. Получение данной информации необходимо для последующего осуществления поиска и отождествления искомого объекта;

- сведения о наличии либо отсутствии связи опознаваемого (искомого объекта) с событием преступления 44%. Получение данной информации является ключевым фактором в раскрытии преступления.

В зависимости от качества сведений, добытых по итогам ОРМ, результат отождествления личности может быть информативным или неинформативным. К информативному результату отождествления личности мы относим получение такой информации, которая имеет значение для раскрытия либо расследования преступления. Неинформативный результат характеризуется отсутствием оперативно значимой информации, которую предполагалось добыть в ходе проведения ОРМ. Результаты отождествления личности могут использоваться как в сфере ОРД, так и в сфере уголовного судопроизводства в соответствии со ст. 11 ФЗ Об ОРД [7].

Подводя итоги исследования, можно констатировать, что ОРМ «отождествление личности» как система представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов: оперативно-тактической задачи; субъекта; объекта; функциональной (деятельной) стороны; приемов организационного характера; результата. Каждый из элементов системы обладает специфическими характеристиками. В целом структурный анализ ОРМ позволяет познать сущность исследуемого мероприятия, а также выявить его внутреннюю организацию.

Литература

1. Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскного мероприятия: лекция. М.: Академия управления МВД России, 2003. 64 с.

2. Горяинов К.К., Кваша Ю.Ф., Сурков К.В. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»: комментарий. М.: Новый юрист, 1997. 570 с.

3. Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2009. 264 с.

4. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». С приложением решений Конституционного Суда Российской Федерации и обзоров практики Европейского суда по правам человека / отв. ред. В.С. Овчинский. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 576 с.

5. Модельный закон об оперативно-розыскной деятельности // Антитеррористический центр государств-участников содружества независимых государств. URL: www.cisatc.org/1289/135/154/245 (дата обращения: 14.03.2020).

6. Морозов А.В. Использование экспертно-криминалистических учетов в расследовании преступлений прошлых лет: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 252 с.

7. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие / М.С. Десятов, Д.А. Васильченко, А.С. Малахов, В.А. Шипицин; под ред. М.С. Десятова. Омск: Омская академия МВД России, 2017. 88 с.

9. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДИАНА, 2016. 175 с.

10. Халиков А.Н. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд. М.: РиОР: ИНФРА-М, 2017. 324 с.

11. Хлус А.М., Бранчель И.И. Основы оперативно-розыскной деятельности: ответы на экзаменационные вопросы. Минск: ТетраСистемс, 2012. 144 с.

12. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. 180 с.

13. Чечетин А.Е. Обеспечение прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий: монография. СПб.: Изд-во СПб. ун-та МВД России, 2016. 232 с.

Гражданско-правовые отношения

УДК 347.440.76
А.А. Велекжанина
Юридический институт Томского государственного университета
E-mail: Nast3a@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА

Статья посвящена анализу правовой природы опциона на заключение договора. Автором обоснована позиция, согласно которой возмездное опционное соглашение порождает обязательства как организационного (предоставление акцептанту секундарного права выбора), так и имущественного характера (обязательство по уплате опционной премии). Такое соглашение является сложным (неоднородным) организационным договором. При безвозмездном характере соглашения о предоставлении опциона обязательство носит исключительно организационный характер и характеризуется состоянием связанности, что позволяет квалифицировать рассматриваемое соглашение в качестве простого (однородного) организационного договора.

При этом в обоих случаях опционное обязательство выступает обязательством особого типа, направленным на достижение правового результата в виде предоставления кредитору (эвентуальному акцептанту) по общему правилу за опционную премию секундарного права выбора. Таким образом, обязательства опционного типа не подпадают под традиционные классификации обязательств и занимают отдельное место в системе гражданско-правовых обязательств.

Ключевые слова: опцион на заключение договора, предварительный договор, секундарное право, опционная премия, встречное предоставление, безотзывная оферта, организационный договор, организационное правоотношение.

A.A. Velekzhanina
Law Institute of the National Research Tomsk State University
E-mail: Nast3a@mail.ru

LEGAL NATURE OF AN OPTION TO CONCLUDE A CONTRACT

The article is devoted to the analysis of a legal nature of an option to conclude a contract. The author argues that a paid option agreement breeds such obligations as an organizational one (granting the acceptor a secondary choice right) and the one of property character (obligation to pay the option premium). Such an agreement is a complex (heterogeneous) organizational agreement. If the option agreement is gratuitous, the obligation is exclusively organizational and it is characterized by a condition of connectivity, which makes it possible to qualify the agreement as a simple (homogeneous) organizational agreement.

In both cases, the option obligation is a special type of obligation aimed at achieving a legal result in the form of granting the lender (the eventual acceptor), as a general rule, a secondary choice right for an option premium. Thus, option-type obligations do not fall under the traditional classification of obligations and occupy a separate place in the system of civil obligations.

Key words: option to conclude contract, preliminary contract, secondary right, option premium, consideration, irrevocable offer, organizational contract, organizational legal relations.

В ходе масштабной реформы обязательственного права России раздел третий Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) претерпел значительные изменения. В результате внесенных поправок в ГК РФ появились ранее непоименованные, но используемые на практике договорные конструкции, в т.ч. опцион на заключение договора (ст. 429.2 ГК РФ). Вопрос о правовой природе данного договора в юридической литературе решается неоднозначно, однако в целом не изобилует широким спектром мнений.

Наиболее широкое распространение в юридической науке получила концепция, в рамках которой опцион на заключение договора (далее – «опционное соглашение», «опцион», «соглашение о предоставлении опциона») отождествляется с предварительным договором [13, 17]. При этом один из сторонников данной позиции предлагает признавать опцион на заключение договора возмездным односторонним предварительным договором [17, с. 88].

К числу отличий между предварительным договором и опционом на заключение договора можно отнести следующие:

1) предварительный договор является основанием возникновения обязательства исключительно организационного характера: он не предусматривает необходимость осуществления каких-либо встречных имущественных предоставлений. Опцион на заключение договора является основанием возникновения обязательства как организационного, так и имущественного характера. На это указывают положения п. 1 ст. 429.2 ГК РФ, согласно которым опцион по общему правилу носит возмездный характер;

2) предварительный договор связывает обязательством по заключению основного договора обе стороны, а опцион – только оферента, при этом потенциальному акцептанту предоставляется право, но не обязанность заключить основной договор;

3) при выборе модели предварительного договора, в случае уклонения от заключения основного договора возможен механизм судебного принуждения (п. 5 ст. 429, п. 4 ст. 445 ГК РФ). При реализации опциона такой механизм отсутствует ввиду того, что основной договор заключается автоматически при акцепте безотзывной оферты.

Вместе с тем изложенное не препятствует наличию общих черт, которыми обладают предварительный договор и опцион на заключение договора. К их числу в первую очередь относится организационный характер договоров[1]. Правда, вопрос о том, является ли опцион на заключение договора организационным договором [2, с. 68; 6, с. 885; 16, с. 90-91; 19, с. 12], решается в гражданско-правовой науке неоднозначно.

Одно из первых определений организационного договора было предложено Н.В. Васевой, по мнению которой «организационный договор представляет собой взаимное соглашение двух или более сторон, направленное на организацию, упорядочивание взаимоотношений и создание предпосылок, необходимых и достаточных для вступления его участников в иные общественные отношения имущественного характера» [2, с. 69].

Исходя из буквального толкования приведенного определения организационного договора, следует, что данный договор имеет характер строго неимущественный. В то время как в юридической науке можно по данному поводу встретить и иные точки зрения[2].

Так, М.А. Егорова указывает, что «отсутствие встречного предоставления, составляющее один из критериев организационного отношения, предопределяет и специфику его возмездности. Организационные отношения в чистом виде должны носить безвозмездный характер» [8, с. 12]. Поддерживает указанную позицию также К.А. Кирсанов, который считает, что «гражданско-правовые организационные правоотношения являются неимущественными» [11, с. 64].

Противоположной позиции придерживается Е.А. Суханов, который отмечает, что организационные отношения являются неимущественными, в которых неизбежно присутствует определенный имущественный элемент, обусловленный отчуждением или приобретением их участниками определенного имущества по основному договору [5, с. 40-42].

По мнению Г.Э. Маиляна, организационные отношения не относятся ни к имущественным, ни к личным отношениям. Более того, автор полагает, что имущественные договоры могут заключать в себе элементы организационных отношений, а в организационных договорах, соответственно, могут присутствовать элементы имущественных отношений. При этом на основании организационного договора могут возникнуть имущественные отношения [15].

Учитывая спектр проанализированных позиций, сложно согласиться с определением организационного договора, представленного Н.В. Васевой. Квалификация организационных договоров в качестве исключительно безвозмездных и однозначное противопоставление их имущественным договорам не представляются корректными.

[1] В юридической науке предварительный договор и опцион на заключение договора принято относить к числу организационных договоров [4, с. 158; 17, с. 38].

[2] Поскольку договор первичен по отношению к обязательственному правоотношению и является основанием его возникновения, позиции ученых, которые будут приведены ниже, также распространяются и на организационные договоры.

В этой связи наиболее обоснованным следует признать определение организационного договора, предложенное С.А. Тюриной. По мнению ученого, под организационным договором следует понимать «соглашение двух и более лиц, определяющее условия их участия в конкретных обязательствах в будущем и (или) направленное на упорядочение и обеспечение их взаимосвязанной деятельности» [23, с. 10]. При этом С.А. Тюрина предлагает выделять две группы организационных договоров: простые (однородные) договоры, участники которых согласовывают только обязательства организационного характера, и сложные, представляющие «взаимосвязанную систему имущественных и организационных обязательств» [23, с. 10].

Рассматривая опционное соглашение с позиций ученых, полагающих, что организационный договор носит исключительно неимущественный характер, назвать исследуемое соглашение организационным затруднительно, поскольку в п. 1 ст. 429.2 ГК РФ законодателем предусмотрена презумпция возмездности опционных соглашений.

В юридической литературе законодательное закрепление указанной презумпции подвергается обоснованной критике. В частности, указывается на целесообразность закрепления обратной презумпции и на случайный характер условия об опционной премии [6, с. 906]. При таком подходе молчание сторон в части согласования опционной премии указывало бы на безвозмездный характер опциона на заключение договора.

Данный подход представляется наиболее уместным, поскольку сам законодатель допускает заключение безвозмездных опционных соглашений, в т.ч. и между коммерческими организациями. Такое допущение даже в рамках подхода о строго неимущественном характере организационных соглашений позволяет квалифицировать опцион на заключение договора в качестве организационного соглашения.

Позиции об организационном характере опциона на заключение договора придерживается ряд исследователей [4, с. 158; 16, с. 38; 19, с. 90, 169]. Так, Б.М. Гонгало пишет: «…соглашение о предоставлении опциона представляет собой организационный договор: осуществление права, им предусмотренного, приводит к появлению нового договора» [4, с. 158]. С.О. Макарчук предлагает рассматривать опционное соглашение в качестве абсолютно-организационного договора, несмотря на наличие в его структуре имущественного интереса, «который в рамках данного правоотношения в виде исключения имеет второстепенное значение, по крайней мере, для одной из сторон» [16, с. 38]. «Данный вид опционного договора, как представляется, включает элементы, имеющие организующий характер, поскольку на его основе заключается другой договор», – пишет Е.Б. Подузова [20, с. 13].

Уделяя должное внимание организационному правоотношению как вторичному элементу по отношению к организационному договору, нельзя не обратиться к работе О.А. Красавчикова, который является основоположником теории организационных отношений в отечественной цивилистической доктрине. Ученый определял организационные отношения как «построенные на началах координации или субординации социальных связей, которые направлены на упорядочение (нормализацию) иных общественных отношений, действий их участников либо на формирование социальных связей» [12, с. 56]. О.А. Красавчиков выделял три родовых признака организационных отношений: а) особенность содержания; б) особенность объекта; в) особенность непосредственной цели. Базируясь на приведенных положениях, представляется возможным дать характеристику правоотношению, возникающему на основании соглашения о предоставлении опциона.

1. Содержание. По мнению О.А. Красавчикова, следует выделять содержание организуемых и организационных отношений. Первыми ученый называет имущественные, трудовые и иные общественные отношения. В случае с опционным соглашением имеет место упорядочение именно имущественных отношений, поскольку опцион предоставляет эвентуальному акцептанту право заключить договор. В свою очередь, содержание организационного правоотношения имеет иную сущность: оно складывается преимущественно из организационных действий, которые направлены на нормализацию организуемых отношений.

Особенность содержания правоотношения, порождаемого опционным соглашением, заключается в следующем. В силу исследуемого соглашения одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право выбора (далее – опционное право): заключить договор посредством акцепта безотзывной оферты или воздержаться от его заключения. Представляется, что опционное право удовлетворяется не за счет поведения контрагента, а за счет собственных действий управомоченной стороны, поскольку последняя может выразить волю, направленную на заключение основного договора, посредством акцепта безотзывной оферты. При этом основной договор заключается автоматически при получении оферентом уведомления об акцепте, за исключением опционных соглашений, требующих нотариального удостоверения договора или государственной регистрации перехода права собственности. В этой связи некорректно говорить о наличии в содержании рассматриваемого правоотношения обязанности оферента заключения договора.

Не исключается, что можно, но с достаточной условностью указывать на наличие в составе исследуемого правоотношения определенного должного поведения, например, выражающегося в необходимости ожидания акцепта и воздержания от заключения основного договора с третьими лицами. Однако в данном случае корреспондирующие элементы (право и обязанность) не находятся в непосредственной взаимосвязи относительно друг друга. «Так, в случае нарушения "обязанности" по ожиданию акцепта, в случае его получения лицо будет нести неблагоприятные последствия не за уклонение от заключения основного договора, а за неисполнение уже основного обязательства; т.е. соответствующий результат, а именно безусловное заключение основного договора, наступает, несмотря на отсутствие желания у ожидающей стороны» [16, с. 38].

Опционное право признается цивилистами [21, с. 36-39; 6, с. 903] в качестве секундарного (Gestaltungsrecht), т.е. такого субъективного частного права, содержанием которого является возможность установить (преобразовать) конкретное юридическое отношение посредством односторонней сделки [9, с. 211].

Однако некоторые ученые не согласны с указанной позицией. Так, В.Е. Карнушин полагает, что право акцепта не является секундарным. По мнению исследователя, акцепт является действием, полностью зависящим от оферты. В качестве основного отличия акцепта от секундарного права ученый называет наличие в последнем собственной воли, «в то время как воля при акцепте лишь касается принятия выраженной воли» [10, с. 103-104]. Таким образом, зависимость права акцепта от воли оферента не позволяет отнести его к секундарным правам.

Как представляется, рассматриваемая позиция раскрывает право акцепта при реализации оферты в ее классическом понимании (ст. 435 ГК РФ), а не безотзывной оферты в рамках опционного соглашения. В последней содержатся условия, которые являются результатом согласованной воли сторон, а не выражением собственной воли оферента. Ввиду того что опцион должен содержать условия, позволяющие определить предмет и другие существенные условия договора, подлежащего заключению (п. 4 ст. 429.2 ГК РФ), следует признать, что акцепт при реализации такого соглашения является результатом принятия условий, согласованных сторонами обоюдно. Изложенное позволяет утверждать, что право, предоставляемое по опциону на заключение договора, является секундарным. Секундарно-управомоченная сторона получает от оферента безотзывную оферту и у неё появляется как минимум две юридические возможности альтернативного выбора поведения: акцептовать оферту в обусловленный сторонами срок или воздержаться от акцепта. Данные юридические возможности в совокупности и образуют секундарное право акцепта.

Таким образом, управомоченная сторона обладает только указанным правом выбора, а «обязанная» сторона не несет обязанностей в полном смысле этого слова. При этом рассматриваемое правоотношение имеет свою особенность в части состояния связанности оферента в течение предусмотренного срока, что позволяет утверждать о специфической организационной составляющей исследуемого правоотношения. «Праву одной стороны соответствует не обязанность другой стороны, а только связанность его этим правом», – пишет М.М. Агарков, раскрывая сущность секундарного права [1, с. 101].

Состояние связанности в рамках опционного соглашения характеризуется необходимостью оферента претерпевать ожидание решения секундарно-управомоченной стороны. Характеризуя обязательство заключить договор, на это обращал внимание Е. Годэмэ: «…своим обещанием обещавший сделал предложение продажи и обязался держаться этого предложения…» [3, с. 279].

В этой связи возникает вопрос: является ли правоотношение, возникающее в силу опционного соглашения, обязательственным? На данный вопрос следует ответить однозначно положительно в случае, когда опцион на заключение договора носит возмездный характер, поскольку, помимо связанности секундарным правом, у оферента появляется право требовать уплаты опционной премии, а у потенциального акцептанта, соответственно, обязанность её уплатить.

При безвозмездном опционном соглашении возникает только состояние связанности секундарным правом. Обязательство по уплате опционной премии в данном случае отсутствует. Однако это не мешает квалифицировать отношения сторон в качестве обязательственных. Так, в юридической литературе можно встретить термины: «обязательства опционного типа» [25], «опционное обязательство» [7, с. 55; 19, с. 73].

2. Объект. О.А. Красавчиков называл в качестве объекта организационного правоотношения «упорядоченность отношений, связей, действий участников "организуемого" отношения» [12, с. 55].

В качестве объекта правоотношения, возникающего на основании опциона, выступает деятельность его участников, которая направлена не на прямой экономический результат, а на создание условий для эффективной организации отношений, направленных на достижение этого результата, которым выступает заключение основного договора. Такими действиями в рамках исследуемого правоотношения выступают предоставление управомоченной стороне

посредством безотзывной оферты секундарного права выбора, а также направление акцептантом уведомления об акцепте.

Исходя из того, что объектом рассматриваемого правоотношения выступают действия сторон, направленные на организацию отношений сторон, которые не являются по своей природе ни имуществом, ни услугой, ни работой, следует полагать, что организация будущих отношений сторон есть не что иное, как один из объектов гражданских прав. В юридической литературе можно встретить предложение о дополнении перечня ст. 128 ГК РФ особым объектом гражданских прав – «организованность правовых связей» [14, с. 29].

3. Непосредственная цель. О.А. Красавчиков указывал на то, что «организуемое и организационное отношения имеют одну общую конечную цель, но существование таковой не исключает наличия непосредственной (ближайшей) цели организационного отношения» [12, с. 55-56]. Если цель организуемого отношения составляет получение имущества, выполнение работ, оказание услуг и т.д., то целью организационного правоотношения, по мнению О.А. Красавчикова, является упорядочение, организованность (или, как еще говорится, нормализация) соответствующего акта (процесса) по передаче имущества, выполнению работ и т.д.

С.А. Тюрина справедливо отмечает, что непосредственной целью организационного договора выступает «достижение общевыгодного состояния упорядоченности имущественных отношений субъектов» [23, с. 97]. При этом указанное состояние может иметь различную сущность. Так, например, по мнению С.Ю. Морозова, упорядоченность заключается в желаемом состоянии правовой связанности (юридически выражаемой организованности) в ином договорном отношении. «Стороны добровольно соглашаются на определенные ограничения свободы своих действий, полагая получить уверенность в том, что приобретают возможность достижения целей будущих имущественных отношений», – пишет он [18, с. 82].

Так, например, перечисленные ограничения могут касаться отсутствия у оферента возможности повлиять на правовые последствия после направления им оферты. На это в своем исследовании также обращает внимание С.В. Третьяков: «Для состояния юридической связанности характерна независимость наступающих правовых последствий от поведения пассивного субъекта. Именно это обстоятельство отличает связанность от обязанности, наличие которой предполагает необходимость совершить действия или воздерживаться от их совершения, с помощью которых и обеспечивается исполнение обязанности» [22].

Указанная цель в рамках правоотношения, возникающего в силу опционного соглашения, достигается посредством предоставления потенциальному акцептанту опционного права. В силу выданной безотзывной оферты оферент считается связанным своим предложением по заключению основного договора и вынужден быть готов исполнить договор в любой момент времени в пределах согласованного срока. Указанная цель направлена на организацию (упорядочение) процесса заключения основного договора. Цель организуемого отношения, т.е. отношения по заключению основного договора, в данном случае будет зависеть от направленности результата договора, подлежащего заключению: это может быть передача имущества, выполнение работ, оказание услуг и др.

В юридической литературе [8, 24] указываются и другие признаки организационных отношений: выполнение ими обслуживающей функции, срочность (см. п. 2 ст. 429.2 ГК РФ), отсутствие строгой связи с личностью участников (см. п. 7 ст. 429.2 ГК РФ), зачастую отсутствие признака возмездности (см. п. 1 ст. 429.2 ГК РФ), отсутствие явно выраженной обязанной и управомоченной сторон.

Таким образом, правоотношение, возникающее на основании опциона на заключение договора, является обязательственным организационным отношением, в структуре которого при наличии опционной премии или иного встречного предоставления проявляется имущественный характер.

В свою очередь, изложенное позволяет сделать вывод о том, что возмездное опционное соглашение порождает обязательства как организационного, так и имущественного характера одновременно: первое составляет предоставление эвентуальному акцептанту права выбора, второе является обязательством по уплате опционной премии за предоставление указанного права. В этом случае рассматриваемое соглашение является сложным (неоднородным) организационным договором, одновременно порождающим обязательства как имущественного, так и организационного характера. При безвозмездности рассматриваемого соглашения обязательство носит исключительно организационный характер и характеризуется состоянием связанности, что позволяет квалифицировать рассматриваемое соглашение в качестве простого (однородного) организационного договора.

Литература

1. Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т.; т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. М.: Статут, 2012. 536 с.

2. Васева Н.В. Имущественные и организационные договоры // Гражданско-правовой договор и его функции: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. О.А. Красавчиков. Свердловск, 1980. С. 53-69.

3. Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер. с фр. И.Б. Новицкого. М.: Юрид. изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 511 с.

4. Гражданское право: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. Т. 2. 543 с.

5. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: ВолтерсКлувер, 2005. Т. 1. 720 с.

6. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. 1120 с.

7. Долганин А.А. Новеллы Гражданского кодекса об опционах: хеджирование или дисбаланс интересов? // Законодательство. 2015. № 10. С. 51-60.

8. Егорова М.А. Организационное отношение и организационные сделки в гражданско-правовом регулировании // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 5. С. 10-21.

9. Зеккель Э. Секундарные права в гражданском праве / пер. с нем. Е.Ю. Самойлова, Е.А. Леонтьева, В.П. Леонтьева // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 204-252.

10. Карнушин В.Е. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В.П. Камышанского. М.: Статут, 2016. 256 с.

11. Кирсанов К.А. Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 189 с.

12. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. № 10. С. 50-57.

13. Красников Н.О. О концепции понимания опционного соглашения как предварительного договора по российскому праву // Юрист. 2009. № 12. С. 25-30.

14. Маилян Г.Э. Организационные отношения в предмете корпоративного права // Юрист. 2014. № 17. С. 22-29.

15. Маилян Г.Э. Проблемы экспансии и монополии гражданского законодательства: мт-лы круглого стола, проведенного в рамках международной научно-практ. конф-ции «Проблемы развития предприятий: теория и практика» (СГЭУ, 22 ноября 2013 г.) // Актуальные проблемы правоведения. 2013. № 3 (39). С. 27-29.

16. Макарчук С.О. Об организационной функции опционного договора // Вестник Моск. ун-та МВД России. 2013. № 12. С. 36-38.

17. Меньшенин П.А. Предварительный договор в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 179 с.

18. Морозов С.Ю. Цели и основные функции организационных транспортных договоров // Закон и право. 2010. № 4. С. 81-89.

19. Орлов Г.Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2018. 217 с.

20. Подузова Е.Б. Организационный договор в современном гражданском праве и законодательстве // Гражданское право. 2013. № 3. С. 12-14.

21. Полякова В.Э. Предварительный договор в праве России и Германии: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 141 с.

22. Третьяков С.В. Формирование концепции секундарных прав в германской цивилистической доктрине (к публикации русского перевода работы Э. Зеккеля «Секундарные права в гражданском праве») [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Тюрина С.А. Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 213 с.

24. Уколова Т.Н. О единообразном понимании организационных договоров // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 2. С. 160-171.

25. Фролов А. Обязательства опционного типа в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2016. № 12. С. 83-89.

УДК 347.965.6
В.В. Заборовский, *доктор юрид. наук, профессор*
Ужгородский национальный университет
E-mail: zaborovskyviktor@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ИММУНИТЕТА АДВОКАТА В ХОДЕ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЕГО К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ИМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье раскрывается правовая природа гарантий адвокатской деятельности, которые указывают на наличие иммунитета адвоката по привлечению его к ответственности в связи с осуществлением профессиональной деятельности (индемнитет адвоката). Для достижения поставленной цели были применены характерные для правовой науки методы. Исследование проводилось с применением диалектического метода познания правовой действительности, который предоставил возможность проанализировать как нормативное регулирование, так и позиции ученых о целесообразности существования указанных профессиональных гарантий адвоката. Метод системного анализа, который является одним из основных методов этой работы, предоставил возможность добиться выполнения поставленных целей и задач исследования, а метод синтеза – определить недостатки правового регулирования, связанные с практической реализацией адвокатом своего иммунитета по привлечению к ответственности в связи с осуществлением адвокатской деятельности.

Аргументируется вывод, согласно которому недостатки правового регулирования иммунитета адвоката в ходе привлечения его к ответственности определенным образом нивелируют возможность существования надежного механизма обеспечения адвокатской деятельности, а следовательно, и механизма защиты прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: адвокат, гарантии профессиональной деятельности адвоката, иммунитет адвоката, ответственность адвоката, индемнитет адвоката.

V.V. Zaborovskiy, *Doctor of Juridical Sciences, professor*
Uzhhorod National University
E-mail: zaborovskyviktor@gmail.com

IMPLEMENTATION OF LAWYER'S IMMUNITY IN THE COURSE OF BRINGING HIM TO RESPONSIBILITY IN THE CONTEXT OF PROFESSIONAL ACTIVITY

The article analysis the legal nature legal nature of guarantees of advocacy, which indicate the presence of immunity of a lawyer to bring him to justice in connection with the implementation of professional activities (indemnity of a lawyer). To achieve this goal, methods typical of legal science were used. The study was conducted using a dialectical method of knowledge of legal reality, which provided an opportunity to analyze both the regulations and the position of scholars on the feasibility of the existence of these professional guarantees of a lawyer. The method of systematic analysis, which is one of the main methods of this work, provided an opportunity to achieve the goals and objectives of the study, and the method of synthesis – to identify shortcomings in legal regulation associated with the practice of a lawyer's immunity to prosecute.

It is argued that the shortcomings of legal regulation and the lack of proper safeguards procedures, which indicate the presence of a lawyer's immunity to prosecute, in some way offset the possibility of a reliable mechanism for advocacy, and, consequently, a mechanism to protect human rights and freedoms, citizen.

Key words: lawyer, guarantees of professional activity of the lawyer, lawyer's immunity, lawyer's responsibility, indemnity lawyer.

Важной составляющей механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина является надлежащая реализация конституционного права на профессиональную юридическую помощь. В то же время, возлагая на адвоката обязанность по предоставлению такой помощи, государство должно обеспечивать ему и соответствующий комплекс прав и гарантий для создания условий предоставления правовой помощи на началах профессионализма и независимости. Актуальность темы исследования заключается также в том, что законодатель наделяет адвоката значительным кругом гарантий осуществления профессиональной деятельности, однако отсутствие соответствующего механизма реализации большинства из них фактически превращает их в декларативные. К сожалению, касается это и совокупности гарантий, свидетельствующих о наличии иммунитета адвоката по привлечению его к ответственности в контексте осуществления профессиональной деятельности.

Правовая природа профессиональных гарантий адвоката неоднократно была предметом нашего научного исследования [7-9]. Ряд ученых исследовали отдельные проблемные аспекты реализации гарантий адвокатской деятельности, в т.ч. и касающихся иммунитетов адвоката. Однако подавляющее большинство таких научных работ касалась свидетельского иммунитета адвоката [2, 5, 24, 26], который также стал предметом и нашего исследования [11]. Поэтому на сегодняшний день остается достаточное количество дискуссионных вопросов в аспекте реализации иммунитета адвоката по привлечению его к ответственности в связи с осуществлением профессиональной деятельности.

Согласно п. 14 ч. 1 ст. 23 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» [19] запрещается привлекать к уголовной или иной ответственности адвоката (лицо, в отношении которого прекращено или приостановлено право на занятие адвокатской деятельностью) или угрожать применением ответственности в связи с осуществлением им адвокатской деятельности по закону. Подобная позиция имеет место и в ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [15], согласно которой адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в т.ч. после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им мнение при осуществлении адвокатской деятельности, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии). Но в отличие от украинского законодателя российский отмечает, что указанные ограничения не распространяются на гражданско-правовую ответственность адвоката перед доверителем.

Такие положения дают нам возможность прийти к выводу о наличии у адвоката своего рода иммунитета от привлечения его к ответственности в связи с осуществлением им своей профессиональной деятельности. Возможность применения термина «иммунитет» (происходит от латинского immunitas – освобождение от общественных повинностей, льгота, освобождение от чего-либо [17, с. 295]) в данной ситуации заключается в том, что одним из основных значений данного термина является восприятие его как способности противостоять чему-либо и нераспространения некоторых законов на лиц, которые занимают особое положение в государстве [1, с. 389]. Исходя из этого, заслуживает внимания определение А. Репьева, согласно которому «правовой иммунитет – это юридически оформленное исключение, состояние в правомерном наделении конкретно определенных субъектов права дополнительными гарантиями, состоящие в их неприкосновенности при привлечении к юридической ответственности и неподверженности обязанностям и запретам, установленным национальным законодательством и нормами международного права» [22, с. 7].

В то же время в юридической литературе такого рода гарантию называют еще идемнитетом (от лат. Indemnatas – несудимый [17, с. 210]). В данном случае заслуживает внимания позиция А.Т. Талеубекова, который индемнитет рассматривает в качестве привилегии депутатов, что «заключается в их неответственности за действия, совершенные ими при исполнении депутатских обязанностей (речь в парламенте, голосование, участие в комиссиях и т.п.)» [25, с. 25]. Подобной позиции придерживается и С.В. Васильева [3]. Исследует понятие «индемнитет» и С.Ю. Суменков, который, рассматривая его в качестве составной части иммунитета, указывает на то, что индемнитет изначально отрицает любую возможность наступления юридической ответственности, гарантируя абсолютную неответственность за соответствующие действия [23, с. 18]. На основании указанного можно сделать вывод о целесообразности применения и понятия «адвокатский индемнитет», под которым следует понимать невозможность привлечь адвоката к ответственности в связи с осуществлением им своей профессиональной деятельности.

В соответствии с п. 15 ч. 1 ст. 23 закона не могут быть основанием для привлечения адвоката к ответственности его высказывания по делу, в т.ч. те, которые отражают позицию клиента, заявления в средствах массовой информации, если при этом не нарушаются профессиональные обязанности адвоката. Реализация данной гарантии адвокатской деятельности обусловлена и наличием других гарантий, в частности таких, как:

- запрет внесения представления следователем, прокурором, а также вынесения частного определения (постановления) суда относительно правовой позиции адвоката в деле (п. 10);

- запрет вмешательства в правовую позицию адвоката (п. 11);

- запрет отождествления адвоката с клиентом (п. 16).

Наличие гарантии, согласно которой его высказывания по делу не могут быть основанием для привлечения адвоката к ответственности, Т. Дабижа рассматривает в качестве иммунитета адвокатского высказывания, которое непосредственно способствует реализации основного долга адвоката «представлять законные интересы своих доверителей, не опасаясь при этом быть подвергнутым любому из видов наказания за высказанное им мнение» [6, с. 25]. Наличие такого иммунитета, несомненно, играет важную роль в процессе осуществления профессиональной деятельности, поскольку в своей профессиональной деятельности адвокат должен быть независимым и иметь возможность свободно выражать свое мнение, без опасения привлечения его к ответственности при условии соблюдения им требований законности.

Исследуя вышеуказанную проблематику, мы пришли к выводу, что одним из основных условий осуществления правосудия является обеспечение баланса между потребностью соблюдать уважительное отношение к авторитету судебной власти и необходимостью адвоката в процессе своей профессиональной деятельности соблюдать, в частности, принципы независимости и приоритетности интересов клиента. Именно поэтому не должна восприниматься как неуважение к суду реализация адвокатом по закону любых своих профессиональных и процессуальных прав, а также критика профессиональной деятельности судьи или других участников процесса при условии, что она направлена на прекращение неправомерных действий указанных лиц, является обоснованной, касается обстоятельств дела и не сопровождается высказываниями, которые унижают общепрофессиональные качества лица или его честь и достоинство (не является его личными обидами) [10, с. 37].

Необходимо обратить внимание на то, что в юридической литературе имеется и точка зрения, согласно которой такой иммунитет адвоката воспринимается как невозможность преследования адвоката за правовую позицию по делу, если она основывается на законе и соответствует фактам, собранным по делу, а также в связи с оказанием юридической помощи гражданам и организациям [13, с. 179]. Мы подвергаем сомнению такую позицию, поскольку в ней имеется определенное ограниченное восприятие сферы действия такой разновидности иммунитета адвоката (индемнитета), поскольку речь идет лишь о невозможности преследования адвоката за правовую позицию по делу. По нашему убеждению, такое ограничение может быть обусловлено только осуществлением адвокатом своей профессиональной деятельности. К примеру, иммунитет адвоката распространяется и на случай вынесения судом или другим органом решения не в пользу его клиента, отмены или изменения судебного решения или решения другого органа, вынесенного по делу, в котором адвокат осуществлял защиту, представительство или оказывал другие виды правовой помощи. Согласно ч. 3 ст. 34 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» такой случай не является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности, но только при условии, что при этом адвокатом не было совершено дисциплинарного проступка.

Положительным моментом данной нормы является то, что адвокат освобождается от дисциплинарной ответственности за указанные последствия (например, принятие решения не в пользу его клиента), если при этом им не было совершено действий, которые содержат признаки дисциплинарного проступка. И действительно, если проигрыш адвокатом дела был обусловлен невыполнением или ненадлежащим исполнением им своих профессиональных обязанностей (например, пропуск им судебных заседаний без уважительных причин), то такие действия содержат признаки дисциплинарного проступка, а потому положения об адвокатском индемнитете не должны быть к нему применены. Совсем другое дело в том случае, когда такие последствия (вынесение судом или другим органом решения не в пользу его клиента, отмена или изменение судебного решения или решения другого органа, вынесенного по делу, в котором адвокат осуществлял защиту, представительство или оказывал другие виды правовой помощи) не зависели от профессионализма и добросовестности осуществления адвокатом своей деятельности. Поэтому в случае добросовестного выполнения своих профессиональных обязанностей к адвокату должны быть применены положения о таком виде адвокатского иммунитета, как индемнитет, и он не может быть привлечен ни к одному виду дисциплинарной ответственности.

Следует отметить, что положения об иммунитете адвоката по привлечению его к ответственности при осуществлении профессиональной деятельности содержатся и в международных актах об адвокатуре. Так, в ч. 4 Принципа I (Общие принципы свободы профессиональной деятельности адвокатов) Рекомендации № 21 [28] о свободе осуществления профессии адвоката отмечается, что адвокаты не должны страдать от последствий или подвергаться опасности

любых санкций или давления, когда они действуют в соответствии со своими профессиональными стандартами. Кроме этого, в п. 20 Основного положения о роли адвокатов [16] указывается на то, что адвокат должен иметь уголовный и гражданский иммунитет от преследований за заявления, касающиеся дела, сделанные в письменной или устной форме при добросовестном исполнении своего долга и осуществлении профессиональных обязанностей в суде, трибунале или другом юридическом или административном органе. С целью обеспечения такого иммунитета правительства должны обеспечить адвокатам исключения возможности подвергать наказанию или угрожать его применением и возможности обвинения, административных, экономических и других санкций за любые действия, осуществляемые в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, стандартами и этическими нормами (п. 16).

Анализ положений указанных актов свидетельствует о наличии определенных ограничений реализации такой гарантии адвоката. Так, возможность ее реализации определяется только случаями, когда адвокаты действуют «в соответствии со своими профессиональными стандартами», «в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, стандартами и этическими нормами» и «при добросовестном исполнении своего долга и осуществлении профессиональных обязанностей». В украинском законодательстве применение индемнитета адвоката связывается с осуществлением им адвокатской деятельности по закону (п. 14 ч. 1 ст. 23 Закона) и с ненарушением его профессиональных обязанностей (п. 15 ч. 1 ст. 23 Закона). По нашему мнению, учитывая наличие таких общих фраз, которые рассматриваются в качестве ограничений для применения индемнитета адвоката, а также отсутствие механизма для установления наличия или отсутствия указанных ограничений, все это определенным образом нивелирует возможность существования надежного механизма обеспечения деятельности адвоката в сфере реализации положений о таком его индемнитете. Это обусловлено тем, что в данном случае непонятно, во-первых, в чем именно будет заключаться такое «правонарушение» адвоката, а во-вторых, к компетенции какого органа (суда, квалификационно-дисциплинарной комиссии адвокатуры и т.д.) будут отнесены решения вопроса о наличии или отсутствии такого правонарушения.

Исследовал вопрос о привлечении адвоката к ответственности за его высказывания по делу А.В. Рагулин, который на основе анализа международно-правовых норм, законодательства, материалов научных исследований и правоприменительной практики приходит к выводу о том, что «ответственность адвоката за оказанное при осуществлении профессиональной деятельности мнение в смысле ответственности именно за факт выражения мнения и за смысловое содержание мысли невозможна. При этом возможна ответственность за несоблюдение адвокатом профессиональных стандартов, связанных с формой выражения своего мнения» [21, с. 137]. Кроме этого, подходящим является и замечание ученого о том, что поскольку решение вопроса о том, действовал ли адвокат в соответствии с законодательством об адвокатуре, относится к компетенции органов адвокатского самоуправления, то и привлечение адвоката к ответственности за использование некорректной формы выражения допускается только при наличии решения о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности.

Мы разделяем такую позицию ученого, поскольку, по нашему убеждению, решать вопрос о неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей, о нарушении им правил адвокатской этики, разглашении адвокатской тайны имеют исключительно органы адвокатского самоуправления. Но при условии совершения адвокатом правонарушения иного рода, которое выходит за пределы его профессиональной деятельности, адвокатский индемнитет на такие действия не распространяется, поэтому адвокат может быть привлечен к ответственности в общем порядке.

Как мы выше отмечали, реализация индемнитета адвоката обусловлена и наличием других гарантий, в частности такой, как запрет отождествления адвоката с клиентом. Такая гарантия предусмотрена и в п. 7 Стандартов независимости юридической профессии Международной ассоциации юристов [29], в котором отмечается, что юрист не должен отождествляться уполномоченными структурами или общественностью с клиентом или делом клиента независимо от того, какие положительные или отрицательные мысли могли быть этим вызваны. Такая же норма закреплена и в уже упоминавшихся Основных положениях о роли адвокатов [16], в соответствии с которыми адвокаты не должны идентифицироваться с клиентами и их делами в связи с выполнением профессиональных обязанностей (п. 18). Анализируя такую гарантию, нужно обратить внимание и на утверждение Р. Мельниченко, который указывает на необходимость исходить из того, что «адвокат в процессе является своеобразным вторым голосом своего клиента. Излагая любые факты, он делает это не от собственного имени, а от имени своего доверителя. И поэтому привлечение адвоката к ответственности за изложение недостоверных фактов будет сродни кусанию палки, которую держит в руках защищающийся» [14, с. 31].

Мы разделяем такую позицию, поскольку на адвоката не возлагается обязанность проверять предо-

ставленные его клиентом доказательства. Согласно положениям ч. 2, 4 ст. 43 Правил адвокатской этики [18] адвокату запрещается ссылаться в суде, в частности, на представленные клиентом доказательства, в отношении которых ему известно, что они являются ложными. По нашему мнению, более удачная позиция российского законодателя содержится в ч. 7 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката [13], которая закрепляет четкое правило о том, что при выполнении поручения адвокат исходит из презумпции достоверности документов и информации, представленных доверителем, и не проводит их дополнительной проверки.

Что касается такой гарантии, как запрет вмешательства в правовую позицию адвоката, то она определенным образом переплетается с такой гарантией деятельности адвоката, как запрет любых вмешательств и препятствий в осуществлении адвокатской деятельности, и тоже, к сожалению, лишена надлежащего механизма ее реализации, что указывает на практически декларативный его характер. О ряде таких случаев попытки вмешиваться в правовую позицию адвоката указывается и в отчетах Национальной ассоциации адвокатов Украины [20]. В данном случае следует отметить, что запрет вмешательства в правовую позицию адвоката касается всех участников, которые вступают в правоотношения с ним, в т.ч. и суда.

В юридической литературе имеются и позиции ученых, которые отражают негативное отношение к такому иммунитету адвоката. Так, Т.Б. Вильчик указывает на то, что «Закон Украины "Об адвокатуре и адвокатской деятельности" фактически делает невозможным привлечение адвокатов к гражданско-правовой ответственности, в частности, в случае необходимости возмещения убытков, причиненных клиенту нарушением адвокатом своих обязательств» [4, с. 119]. Наличие подобной нормы в российском законодательстве А.А. Сизов рассматривает в качестве таковой, что «может повлечь за собой абсолютную безнаказанность адвокатов за проявления ими незаконного и аморального поведения» [23, с. 64]. Мы не разделяем такой позиции ученых, поскольку наличие такой разновидности адвокатского иммунитета (индемнитета) является необходимым условием для обеспечения надлежащего функционирования института адвокатуры.

Такая необходимость, в частности, обусловлена тем, что, во-первых, в своей профессиональной деятельности адвокат определенным образом «противостоит интересам» работников суда и правоохранительных органов, а во-вторых, принятие решения не в пользу клиента, естественно, может вызвать у последнего чувство разочарования и раздражения, что может реализоваться, в частности, в подаче иска в суд или жалобы в квалификационно-дисциплинарную комиссию. Кроме того, необходимо не забывать и то, что законодатель распространяет действие такого индемнитета только на случаи осуществления адвокатом своей профессиональной деятельности в соответствии с нормами законодательства, иначе он подлежит ответственности на общих основаниях.

На основании указанного можно сделать вывод, что украинский законодатель закрепляет достаточно положительные нормы, которыми предусматривается существование иммунитета адвоката по привлечению его к ответственности в контексте осуществления профессиональной деятельности, что в целом соответствует международным стандартам по соблюдению гарантий профессиональной деятельности адвоката. К сожалению, такие нормы не лишены недостатков. Прежде всего это заключается в том, что такой иммунитет адвоката (индемнитет) устанавливается не в одной норме профильного Закона, что имеет своим следствием не повышение уровня обеспечения профессиональной деятельности адвоката, а наоборот, затрудняет возможность его реализации. Кроме этого, недостатки в построении норм, предусматривающих его существование, в частности, что касается использования общих фраз и отсутствия надлежащей процедуры его реализации, определенным образом нивелируют возможность существования надежного механизма обеспечения деятельности адвоката.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

2. Буфетова М.Ш., Чаманов В.В. К вопросу о свидетельском иммунитете адвоката // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 6. С. 16-24.

3. Васильева С.В. Иммунитет и индемнитет российского парламентария // Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: мат-лы II Всероссийской научно-практ. конф-ции с международным участием, посвященной Дню юриста. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2018. С. 109-112.

4. Вільчик Т.Б. Дисциплінарна та цивільно-правова відповідальність адвокатів // Інформація і право. 2015. № 3. С. 115-122. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Infpr_2015_3_19 (дата обращения: 30.06.2020).

5. Гаврилова Е.П. Свидетельский иммунитет адвоката, защитника как гарантия независимости его профессиональной деятельности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 4 (26). С. 41-48.

6. Дабижа Т.Г. Иммунитет адвокатского высказывания // Адвокатская практика. 2012. № 5. С. 25-27.

7. Заборовський В.В. Гарантії безпеки як одні з основних у забезпеченні професійної діяльності адвоката // Priority a stratégie pre rozvoj právnej vedy vo svete vedy: zborník príspevkov z Medzinárodná vedecko-praktická konferencia (Sládkovičovo (Slovak Republic), 28-29 októbra 2016). Sládkovičovo: Vysoká škola Danubius, 2016. P. 192-195.

8. Заборовський В.В. Гарантії як засіб забезпечення інформаційної безпеки адвокатської діяльності // Державотворчі процеси в Україні: реалії сьогодення: тези доповідей за матеріалами Всеукраїнської науково-практичної конференції (м. Ужгород, 24 квітня 2020 року). Ужгород: РІК-У, 2020. С. 32-36.

9. Заборовський В.В. Правова природа гарантій, що пов'язані з кримінальним переслідуванням адвоката // Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Право. 2017. Вип. 47. Т. 3. С. 141-144.

10. Заборовський В.В. Правовий статус адвоката в умовах становлення громадянського суспільства та правової держави в Україні: дис. … д-ра юрид. наук. К., 2017. 577 с.

11. Заборовський В.В. Свідоцький імунітет адвоката // Порівняльно-аналітичне право. 2017. № 3. С. 237-240. URL: http://pap.in.ua/3_2017/72.pdf (дата обращения: 30.06.2020).

12. Коваленко Т.С. Дисциплінарна відповідальність адвоката: дис. ... канд. юрид. наук. К., 2010. 243 с.

13. Кодекс профессиональной этики адвоката: принят Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. URL: http://www.fparf.ru/documents/normative_acts/1059/ (дата обращения: 30.06.2020).

14. Мельниченко Р.Г. Об иммунитете устного высказывания адвоката // Адвокат. 2005. № 9. С. 29-32.

15. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Основні положення про роль адвокатів: прийняті VIII Конгресом ООН по запобіганню злочинам від 1 серпня 1990 р. URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_835.

17. Петрученко О. Латинско-русский словарь. 9-е изд., испр. М.: Издание товарищества «В.В. Дуленов, Наследники Бр. Салаевых», 1914. 810 с.

18. Правила адвокатської етики, затверджені Установчим З'їздом адвокатів України від 17 листопада 2012 року. URL: http://vkdka.org/pravil-advokatskoji-etiki.

19. Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України від 5 липня 2012 р. № 5076-VI // Офіційний вісник України. 2012. № 62. Ст. 17.

20. Про стан дотримання гарантій адвокатської діяльності в Україні: аналітична довідка, підготовлена Комітетом захисту прав адвокатів та гарантій адвокатської діяльності НААУ. 2017. 19 с. URL: http://unba.org.ua/assets/uploads/e698546cb94f12eaff62_file.pdf (дата обращения: 30.06.2020).

21. Рагулин А.В. Проблемные вопросы правовой регламентации профессионального права адвоката на запрет привлечения к ответственности за мнение, выраженное при осуществлении адвокатской деятельности // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Юридические науки. 2011. № 3 (9). С. 131-138.

22. Репьев А.Г. Иммунитет как категория российского права: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 23 с.

23. Сизов А.А. Гарантии добросовестной адвокатской деятельности в уголовном процессе // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2015. № 2 (5). Ст. 64-65.

24. Суменков С.Ю. Привилегии и иммунитеты как общеправовые категории: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 26 с.

25. Таран А.С. Свидетельский иммунитет адвоката: исторические параллели // Адвокатская практика. 2016. № 1. С. 57-61.

26. Толеубеков А.Т. Конституционно-правовой статус Парламента Республики Казахстан: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 36 с.

27. Шигуров А.В. Профессиональный свидетельский иммунитет адвоката, защитника, члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы ФС РФ в российском уголовном процессе // Росийский хороший журнал. 2019. № 1. С. 22-30.

28. Recommendation № R(2000)21 of the Committee of Ministers to member States on the freedom of exercise of the profession of lawyer, adopted by the Committee of Ministers on 25 October 2000 at the 727th meeting of the Ministers' Deputies. URL: https://wcd.coe.int/com.instranet.InstraServlet?command=com. instranet.CmdBlobGet&InstranetImage=533749&SecMode=1&DocId=370286&Usage=2 (дата обращения: 30.06.2020).

29. Standards for the independence of the legal profession, adopted by the IBA on 7 September 1990 in New York. URL: http://www.ibanet.org/ Publications/publications_IBA_guides_and_free_materials.aspx (дата обращения: 30.06.2020).

УДК 347.78.01
С.В. Мельник, *канд. юрид. наук, доцент*
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: m809sv@yandex.ru;
Ю.С. Спиридонова
слушатель Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: rudakovayulya@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАВА НА АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Основная цель исследования – выявление существующих проблем в области прав интеллектуальной собственности на аудиовизуальные произведения в сети Интернет, а также разработка предложений для развития и усовершенствования системы охраны интеллектуальной собственности в глобальной сети. Авторами рассматриваются основные особенности и проблемы отечественного законодательства в области интеллектуальной собственности. Выявлено противоречие в определении результатов интеллектуальной деятельности, которое представлено в Гражданском кодексе Российской Федерации. Также рассматриваются особенности, связанные с защитой авторских прав в сети Интернет.

Ключевые слова: аудиовизуальные произведения, интеллектуальные права, сеть Интернет, авторское право; результаты интеллектуальной деятельности, объекты интеллектуальной собственности.

S.V. Melnik, *Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor*
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: m809sv@yandex.ru;
Yu.S. Spiridonova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia
E-mail: rudakovayulya@mail.ru

INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS TO AUDIOVISUAL WORKS ON THE INTERNET: ESSENCE, PROBLEMS OF IMPLEMENTATION

The main goal of the study is to identify existing problems in the field of protecting intellectual property rights to audiovisual works on the Internet, as well as to develop proposals for the development and improvement of the intellectual property protection system in the global network. The authors consider the main features and problems of domestic legislation in the field of intellectual property. A contradiction has been identified in determining the results of intellectual activity, which are presented in the Civil Code of the Russian Federation. Also features related to copyright protection on the Internet are presented.

Key words: audiovisual works, intellectual property rights, the Internet, copyright, results of intellectual activity, intellectual property objects.

С развитием информационных технологий и появлением сети Интернет наша жизнь во многом упрощается, однако появляются проблемы, связанные с защитой своих интеллектуальных прав в просторах интернета. Большая доля нарушений приходится именно на аудиовизуальные произведения, отличительной особенностью которых являются разнообразие субъектного состава, принимающего непосредственное участие в его создании, а также особенности его структуры, которая включает в себя авторские и смежные права.

В связи с этим возникает необходимость в выработке новых положений, учитывающих реалии современных потребностей пользователей сети Интернет, интересы правообладателей аудиовизуальных произведений и специфику самой глобальной сети.

Аудиовизуальные произведения возникают в сфере произведений искусства. В их основе находится духовная составляющая. Так, В.И. Серебровский отметил: «Произведение есть совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [13, с. 32]. Отсюда мы можем сделать вывод, что любое произведение является нематериальным благом. Поэтому необходимо четко разграничивать произведение как неосязаемый объект и его конкретную форму воплощения.

Особенностью аудиовизуального произведения, отличающего его от других форм творческой деятельности, является то, что оно объединяет в себе множество результатов интеллектуальной деятельности разных лиц, при этом имеет форму единого цельного объекта. В нее входят различные музыкальные, литературные направления, а также игра актеров, фонограммы и многое другое.

Статья 1259 Гражданского кодекса РФ определяет аудиовизуальные произведения как объект авторских прав. А статья 1263 ГК дает следующее определение: «Аудиовизуальным произведением является произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений (с сопровождением или без сопровождения звуком) и предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств» [3].

Несмотря на разнообразие статей кодекса, раскрывающих понятие рассматриваемых произведений, в настоящее время существует ряд проблем с определением их правовой природы.

На международном уровне защита аудиовизуальных произведений закреплена в Бернской конвенции 1886 г. В данной конвенции не используется термин «аудиовизуальное произведение», но среди охраняемых объектов упоминаются кинематографические произведения.

В российском законодательстве еще в 1964 г. вместо понятия аудиовизуального произведения ГК РСФСР закреплял «кинофильм, телефильм радиотелепередачи» [4]. Однако развитие кинематографии выдвинуло необходимость к появлению более широкого термина, который мог бы охватить динамическую аудиовизуальную сферу.

Впервые данный термин был применен в Основах гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., и к таким произведениям были отнесены кино-, теле-, видеопроизведения [12].

Наиболее развёрнутое и легальное определение появилось в Законе РФ от 09.07.1993 № 5351-1 «Об авторском праве и смежных правах». Данный закон определял аудиовизуальное произведение как «произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой кадров (с сопровождением или без сопровождения их звуком), предназначенное для зрительного и слухового (в случае сопровождения звуком) восприятия с помощью соответствующих технических устройств» [11].

Современная индустрия кино использует не только традиционные технические средства для создания произведений, но и компьютерные технологии. В связи с этим понятие «кадр» является не совсем уместным и более узким. Поэтому законодатель в части четвертой ГК РФ использует понятие «изображение».

Но замена понятий все же не исключила всех проблем, и актуальной остается отграничение аудиовизуального произведения от иных произведений искусства. Формулировка «зафиксированная серия связанных между собой изображений», которая дана в ст. 1263 ГК РФ, вполне может охватить и обычную компьютерную презентацию, поскольку она также представляет собой смену изображений под музыкальное сопровождение и воспроизводится с помощью технических средств. Хотя очевидно, что подобная презентация не будет являться аудиовизуальным произведением. Поскольку как отмечает Э.П. Гаврилов, слайд-фильмы и диафильмы включают в себя статические изображения в отличие от аудиовизуальных произведений, статическое изображение в которых получается лишь в случае приостановления его воспроизведения [2]. Поэтому демонстрация статических изображений будет подпадать под защиту фотографических произведений.

Рассматривая последовательность связанных между собой изображений, стоит помнить о том, что не каждая является аудиовизуальным произведением, поскольку у таковых есть отличительная особенность – динамизм. Благодаря этому свойству кинематографическая картина словно оживает, и мы

не замечаем, как изображения (кадры) сменяют друг друга.

В связи с вышеизложенным возникает необходимость в дополнении ст. 1263 ГК РФ понятием «последовательно сменяющихся изображений, при воспроизведении создающих эффект движения».

Наиболее важной чертой как всех произведений, так и аудиовизуальных является их творческий характер. Об этом критерии указано в статьях 1228, 1257, 1258 ГК РФ, также он выступает в качестве необходимого условия для признания произведения творческим трудом и его защиты в рамках гражданского законодательства.

Однако следует отметить, что в совместном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 29 от 26.03.2009 «О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» подчеркивается, что отсутствие новизны и оригинальности не исключает творческого труда [10].

Критерий творчества является важным в отграничении схожих объектов, но по своей природе не подпадающих под правовую защиту. К одному из таких объектов, являющихся спорным, относится видеозапись. Единого мнения по поводу отнесения ее к аудиовизуальному произведению нет. С практической стороны, если на любую видеозапись накладывать ограничения, присущие аудиовизуальному произведению, а именно по свободному использованию, то для этого необходимо будет получить разрешение правообладателя, который, в свою очередь, сможет требовать материальную компенсацию за нарушение его прав.

Основными видами аудиовизуальных произведений являются кинематографические произведения, а также теле-, видеофильмы, выраженные средствами, аналогичными кинематографическим.

Если говорить об особенностях осуществления интеллектуальных прав на аудиовизуальное произведение в сети Интернет, то, как мы уже отмечали, аудиовизуальное произведение является нематериальным благом, и одной из его особенностей является возможность принести своему правообладателю экономическую выгоду. Это становится возможным путем установления интеллектуальных прав. Данный институт позволяет ввести в гражданский оборот продукты интеллектуальной деятельности, а также обеспечить защиту законных интересов автора. Реализация прав на рассматриваемые объекты в сети Интернет имеет свою специфику, которую мы рассмотрим далее.

Понятие «интеллектуальные права» предложил использовать В.А. Дозорцев, поскольку данный термин в полной мере отражает нематериальный характер [6]. А в статье 1226 ГК РФ данный термин получил законодательное закрепление, также были перечислены объекты, подпадающие под интеллектуальные права. Так, в состав интеллектуальных прав входит исключительное право, являющееся имущественным, а в случаях, предусмотренных ГК РФ, также личные неимущественные права и иные права.

Стоит отметить, что объектом гражданского оборота выступает не продукт, а права на него. Это вытекает из формы существования данных продуктов – нематериальной формы, т.е. их отчуждение становится невозможным.

Изначально, до принятия четвертой части ГК РФ, ст. 128 в качестве интеллектуальной собственности рассматривала не только ее результаты, но и права на них. Данный подход также закреплен и в п. VIII ст. 2 Международной конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС) 1967 г. [9].

В новой редакции ст. 128 ГК РФ появилось понятие «результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации», тем самым устранив противоречия в правовом регулировании.

Согласно ст. 1226 ГК РФ система интеллектуальных прав состоит из противопоставленных друг другу исключительных и личных неимущественных прав, а также законодатель указывает на иные права.

Л.А. Трахтенгерц отмечает, что выделение иных интеллектуальных прав позволяет включить те субъективные права, которые однозначно невозможно отнести ни к исключительным, ни к личным неимущественным [8]. Затруднительным является охарактеризовать природу иных прав.

Статья 1226 ГК РФ называет среди иных прав право следования и доступа. Последнее принадлежит только автору. Право следования является неотчуждаемым и может переходить лишь по наследству.

Одной из отличительных особенностей сферы интеллектуального творчества является связь прав имущественного и неимущественного характера. Право авторства выступает неким фундаментом в системе интеллектуальных прав. Его особенностью является отсутствие экономической составляющей, а также тот факт, что изначально оно возникает у автора. Предусмотренные ГК РФ личные неимущественные и иные права на интеллектуальную деятельность не отделимы от личности автора и гарантированы законодательством.

Если говорить о данных положениях на международном уровне, то право автора на признание авторства, а также право на противодействие любому искажению результатов его интеллектуальной деятельности закреплены в п. 1 ст. 6 Бернской конвенции по

охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. [1].

То есть данный документ закрепляет только два личных неимущественных интеллектуальных права.

Ключевым правом автора, которое закреплено в ст. 1256 ГК РФ, является право признаваться автором, что обеспечивает его некую персонификацию, связь непосредственно между автором и его результатом интеллектуальной деятельности. Моментом возникновения такого права является придание объективной формы, его материализация. Право авторства имеет две составляющие – «возможность лица считаться автором созданного им произведения и возможность требовать признания указанного факта со стороны всех третьих лиц» [5].

Еще одним правом автора является право на имя. Право авторства и право автора на имя взаимообусловлены и в какой-то степени вытекают одно из другого. И.В. Исупова указывает, что право на имя реализуется путем указания имени при использовании произведения [7].

Авторы при размещении своего аудиовизуального произведения в сети Интернет имеют абсолютно все предусмотренные законом личные неимущественные права. Но реализуются ли они в полной мере, особенно право на авторство и право на имя, – вопрос неоднозначный, и ответ, скорее, отрицательный. Данные права весьма уязвимы в просторах глобальной сети. Это происходит по многим причинам, и одной из них является множественное копирование файлов, в ходе которого данные об авторе утрачиваются.

ГК РФ не дает классификаций права на неприкосновенность и на обнародование произведений, они регулируются отдельными статьями.

Так, право на неприкосновенность указана в ст. 1266 ГК РФ и определяет запрет на внесение изменений любого характера в произведение без согласия автора. При этом вред от подобных изменений не играет роли.

Стоит отметить тот факт, что право на неприкосновенность аудиовизуального произведения будет принадлежать не только автору. Например, изготовителю фонограммы будет гарантирована защита изменения его фонограммы от изменений.

Статья 1268 ГК РФ предусматривает право автора на обнародование произведения, т.е. действия или согласие на предоставление доступа массам. С момента обнародования произведения начинается его правовая охрана. Данное право может быть реализовано при жизни автора, и при этом оформляется соответствующий договор, а также и после его смерти, но главным условием является непротиворечие воли автора.

В случае с аудиовизуальным произведением есть несколько нюансов. Так, при создании фильма автор сценария передает его продюсеру, обнародование фильма не влечет за собой обнародование сценария, поскольку последний будет являться отдельным произведением. Иначе дело будет обстоять с музыкальным произведением, поскольку его обнародование происходит совместно с обнародованием фильма, поэтому продюсеру необходимо сперва получить разрешение у автора музыки.

С помощью сети Интернет происходит наиболее быстрая процедура доведения произведения до обширного круга пользователей. Но возникает вопрос, будет ли это считаться обнародованием, если на сайте установить ограниченный доступ. По нашему мнению, это будет зависеть от конкретного обстоятельства. Например, если был создан закрытый сервер, доступ к которому получил определенный круг лиц, то это будет доведение произведения до сведения третьих лиц. А если это сайт, на котором доступ к просмотру может получить любой оплативший некий сбор, то в таком случае это будет являться обнародованием, поскольку данный способ схож с прокатом фильмов в кинотеатре.

Наряду с правом на обнародование у автора есть право и на отзыв своего произведения. Но такой отказ возможен лишь до фактического обнародования произведения.

Завершая рассмотрение данного вопроса, необходимо определить, какие формы использования аудиовизуальных произведений могут быть применимы в сети Интернет.

Итак, как указано в ст. 1259 ГК РФ, произведение должно быть материализовано, и одним из таких способов является его воплощение на материальном носителе. В зависимости от произведения материальным носителем могут выступать различные предметы материального мира (книга, диск, холст и др.).

К сети Интернет применимы далеко не все формы использования аудиовизуальных произведений, перечисленных в ст. 1270 ГК РФ.

Аудиовизуальное произведение в сети Интернет может использоваться посредством воспроизведения, сообщения в эфир или по кабелю, перевода или иной переработки произведения, а также путем доведения произведения до всеобщего сведения.

Относительно сети Интернет и защиты авторских прав наибольший интерес представляет право на воспроизведение и на доведение до всеобщего сведения произведения.

При использовании аудиовизуального произведения в сети Интернет происходит ряд обязательных действий, а именно загрузка произведения на сервер, открытие доступа к данному серверу, загрузка произведения на устройство пользователя.

С правовой точки зрения распространения произведения через интернет и торговые точки не являются тождественными способами. При распростра-

нении аудиовизуального произведения на электронных носителях факт распространения фиксируется самой передачей этого носителя. В сети Интернет все наоборот, контроль становится практически невозможным. Таким образом, могут нарушаться права автора, рассмотренные ранее.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что правоотношения по поводу результатов интеллектуальной деятельности являются динамичными. Единое регулирование такой деятельности стало возможно с принятием части четвертой ГК РФ.

На основании исследования природы аудиовизуального произведения были выделены его основные признаки:

1) наличие динамичного, движущегося изображения;

2) выражение в форме видеозаписи;

3) творческий характер;

4) наличие сюжета;

5) субъектный состав авторов;

6) воспроизведение с помощью специальных технических устройств;

7) единая структура произведения.

Также была отмечена необходимость в дополнении ст. 1263 ГК РФ понятием «последовательно сменяющихся изображений, при воспроизведении создающих эффект движения, поскольку одним из отличительных свойств аудиовизуального произведения является его динамичность».

Кроме того, был сделан вывод о необходимости проведения всеобъемлющей политики в сфере охраны интеллектуальной собственности с целью нахождения баланса интересов пользователей и создателей объектов интеллектуальной собственности; повышения правовой культуры граждан с учетом их менталитета; обеспечения беспрекословного выполнения вынесенных судами решений по спорам, связанным с объектами интеллектуальных прав.

Литература

1. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г. URL: www.wipo.int/treaties/ru/ip/berne.

2. Гаврилов Э.П. Авторские договоры в СМИ // Законодательство и практика массмедиа. 1999. № 11.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964) // Ведомости ВС РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

5. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби; Проспект, 2005. Т. 3.

6. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей. М.: Статут, 2003.

7. Исупова И.В. Понятие права авторства и права автора на имя // Фундаментальные исследования. 2014. № 9. Часть 4. С. 916.

8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. М.: Контракт, Инфра-М, 2009 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности 1967 г. URL: www.wipo.int/treaties/ru/convention.

10. О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 5, Пленума ВАС РФ № 29 от 26.03.2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс]: Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

13. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М.: Изд-во АН СССР, 1956.

УДК 347.471.032.1
С.В. Моисеев, *канд. ист. наук, доцент*
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: moiseev-tpg@rambler.ru

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В КНР (ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ)

Современный Китай – это стремительно развивающееся во всех сферах деятельности государство. Эффективное управление коммунистической партии страной в условиях развития рыночной экономики дало высокие и качественные результаты. Китайская Народная Республика стала более открытой для контактов, получило развитие международное партнерство, в т.ч. с Российской Федерацией. В этой связи знание особенностей юридического лица в Китае, его организационно-правовых форм является важным элементом в системе прогрессирующих экономических взаимоотношений как на глобальном, так и на локальном уровнях. Понимание правовых различий в интерпретации определения юридического лица, наличие проанализированной информации о его формах, видах, полномочиях и сферах деятельности предоставляют возможность для установления нового формата партнерских отношений в области предпринимательства с бизнес-сообществом соседнего дружественного государства.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Китай, юридическое лицо, государственный контроль, закон, предприниматель, бизнес-лицензия, законный представитель, иностранный капитал.

S.V. Moiseev, *Candidate of Historical Sciences, assistant-professor*
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: moiseev-tpg@rambler.ru

ORGANIZATIONAL LEGAL FORMS OF LEGAL ENTITIES IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA (GENERAL AND SPECIAL)

Modern China is a rapidly developing state in all spheres of activity. The effective government of the Communist Party in the conditions of the development of a market economy has led to high and quality results. The People's Republic of China has become more open for contacts, international partnerships have developed, including the Russian Federation. In this regard, knowledge of the characteristics of a legal entity in China, its organizational and legal forms, is an important element in the system of progressive economic relations both at the global and local levels. Understanding the legal differences in the interpretation of the definition of a legal entity, the availability of analyzed information about its forms, types, powers and areas of activity, provides an opportunity to establish a new format of partnerships in the field of entrepreneurship with the business community of a neighboring friendly state.

Key words: the People's Republic of China, China, legal entity, state control, law, entrepreneur, business license, legal representative, foreign capital.

Определение юридического лица появилось в праве КНР после принятия Общих положений гражданского права, при этом термин не использовался в правовом обиходе в течение значительного периода времени.

Согласно ст. 36 Общих положений гражданского права КНР юридические лица определялись в виде организаций, обладающих гражданской правоспособностью и гражданской дееспособностью, самостоятельно согласно закону они приобретают гражданские права и несут гражданские обязанности [6].

Особенностью развития деятельности юридических лиц является наличие государственного контроля над всеми бизнес-структурами в КНР. Так, частным компаниям запрещено заниматься оборонными проектами, банковской деятельностью, а также производством товаров и услуг, которые монополизированы государством. Названным положением были определены три вида частных предприятий. Первый – это самостоятельные предприятия, созданные на базе вложений капиталов отдельных граждан; второй – артельные предприятия с количеством участников от двух человек, действующих на основе соглашения; третий – компании с ограниченной ответственностью, в основе которых лежит объединение капиталов. Отличие самостоятельных и артельных предприятий от компаний с ограниченной ответственностью состоит в неограниченной ответственности по долговым обязательствам, что является причиной для незначительного распространения в государстве первых двух видов частных предприятий.

Виды компаний с ограниченной ответственностью: 1) создаваемые на государственные средства на основе независимых инвестиций, которые осуществляются уполномоченными государственными органами, производящие специфическую продукцию, установленную Государственным советом, и функционирующие в определенных государством сферах; 2) созданные инициаторами, подписавшимися на все акции, которые должны быть выпущены компанией; 3) созданные с помощью привлечения средств для подписки на часть акций, помимо средств основных акционеров [3].

В настоящее время частные компании составляют серьезную конкуренцию государственным, однако продолжают находиться под государственным контролем.

Виды государственных предприятий: 1) государственное промышленное предприятие – это социалистическая организация, производящая товары и самостоятельно ведущая хозяйственную деятельность в соответствии с действующим законом, самостоятельно отвечающая за прибыли и убытки, использующая самостоятельный хозяйственный расчет; 2) коллективное предприятие, созданное на основе паевого (долевого участия), существуют как городские предприятия коллективной собственности, так и волостные, деревенские и крестьянские паевые кооперативные предприятия [2].

Классификация юридических лиц в КНР имеет специфический характер в силу государственного контроля над их деятельностью и наличия плановой экономики. Однако это не стоит относить к недостаткам формирование рыночной системы, а скорее наоборот, государственный контроль является фактором сдерживания для развития негативных тенденций в социально-экономических отношениях в стране.

В настоящее время в КНР существует значительное количество форм собственности на юридическое лицо, при этом китайские правовые формы имеют значительные отличия от действующих в нашей стране при наличии только некоторых аналогий, что необходимо учитывать в ходе анализа организационно-правовых форм в этом государстве.

Предприятие с полностью иностранным капиталом является исключительной собственностью иностранных инвесторов. В качестве формы юридического лица оно появилось достаточно недавно, имеет распространение в ограниченных секторах экономики, находится под государственным запретом для китайцев, предоставляет полный контроль над капиталом и управленческими решениями. Важным условием выступает необходимость при регистрации компании внесения на специальный счет уставного капитала определенной суммы [4].

Совместное предприятие предполагает участие в коммерческой деятельности китайских представителей с возможностью ведения бизнеса в отраслях экономики, выходящих за пределы деятельности предприятий с полным иностранным капиталом.

Представительство не является самостоятельным юридическим лицом, регистрируется в упрощенном порядке, но имеет значительные ограничения в сфере деятельности для иностранцев, в т.ч. действует запрет на самостоятельный наем рабочих и ряд финансовых операций.

Индивидуальный предприниматель – такая форма предполагает единоличное управление предприятием, которое распространено в среде самозанятого населения в виде небольших предприятий [5].

Форма юридического лица обозначается в бизнес-лицензии. По аналогии с Россией можно сравнить со свидетельством о регистрации юридического лица. Бизнес-лицензия является документом, изготовленным в бумажном формате определенного типа, и имеет ряд разновидностей. В КНР контролирует выдачу бизнес-лицензий коммерческим организациям и регулирует предпринимательскую деятельность в государстве Администрация промышленно-

сти и торговли [1]. Традиционно фирма приобретает ряд сертификатов, удостоверяющих наличие бизнес-лицензии, каждый из которых имеет на лицевой стороне изображение герба КНР. С 2014 года был принят к использованию сертификат с портретной ориентацией, гербом и QR-кодом, предполагающий возможность сканирования. Все регистрационные документы, касающиеся организационно-правовой формы юридического лица, заполняются только на китайском языке, что представляет определенные трудности для иностранных партнеров и создает возможности для мошеннических манипуляций.

Бизнес-лицензия включает в себя название компании, имя законного представителя, регистрационный номер, дату получения документа и дату окончания действия лицензии, уставный капитал, сферу деятельности, наименование организации, выдавшей лицензию [7].

В деловом пространстве КНР имеется понятие законного представителя компании, его персональные данные обозначаются в бизнес-лицензии и предоставляют возможность заключать контракты, заниматься ведением переговоров от имени организации без использования доверенности. В России подобным правом может воспользоваться руководитель компании, имеющий неограниченные полномочия, в т.ч. право на действия без соответствующей доверенности. При некоторой схожести существует значительное различие во внутреннем содержании понятия законного представителя в КНР и России. Законный представитель в Китае не обязательно должен быть главой компании. В этом качестве может действовать любой сотрудник, проработавший длительное время и имеющий высокий уровень доверия со стороны руководства корпорации. Этот сотрудник ограничен в принятии решений по широкому кругу вопросов и выполняет, как правило, исключительно ему предписанные обязанности. В рамках ведения переговоров по заключению сделки с китайской стороны законный представитель физически может не присутствовать. В этом случае условия сделки озвучивает высшее лицо компании или его заместитель.

Таким образом, наличие бизнес-лицензии не является гарантией полномочий переговорщика, необходимы также доверенность и учредительные документы, составленные на китайском языке. Такая практика является традиционной для бизнес-контактов частных китайских компаний с иностранцами. В случае подписания контракта законным представителем уровень его ответственности значительно повышается, т.к. он начинает выступать в качестве гаранта выполнения обязательств компанией. Однако в конфликтных ситуациях предполагается привлечение к ответственности не лиц, подписавших контракт, а тех, кто принимал решение. В ходе разбирательства выясняется уровень корпоративных обязанностей сотрудников компании и в случае выявления нарушений закона, вне зависимости являются ли они представителями с правом подписи, генеральным директором или акционером компании, решается вопрос о привлечении к ответственности виновного [9].

В Законе КНР «Об индивидуальных частных предприятиях» достаточно детально обозначены случаи наступления различных видов юридической ответственности. Так, при выявлении подложных документов либо иной противозаконной деятельности, направленной на осуществление регистрации компании, выдается предписание о необходимости устранить допущенные правонарушения и накладывается штраф в размере до 5000 юаней. В случае присутствия отягчающих нарушение обстоятельств свидетельство о праве на занятие предпринимательской деятельности аннулируется. Если компания или частное индивидуальное предприятие использует название, которое имеет различия с записанным в нормативных актах государственного органа регистрации, издается предписание об устранении нарушений в установленный срок и назначается штраф в сумме до 2000 юаней. При предоставлении свидетельства о праве заниматься предпринимательской деятельностью иным лицам приобретенная прибыль подлежит конфискации, назначается штраф в сумме до 3000 юаней.

При наличии отягчающих обстоятельств аннулируется свидетельство о праве предпринимательской деятельности [2].

При подделке свидетельства о праве предпринимательской деятельности выносится предписание о прекращении деятельности компании, изымается полученный доход, взимается штраф в сумме до 5000 юаней, а при присутствии признаков состава преступления правонарушитель привлекается к уголовной ответственности. В случае если частное предприятие по истечении шести месяцев не начинает без серьезных оснований своей деятельности со времени регистрации, либо прекращает свою деятельность на срок не менее шести месяцев, то выносится решение о лишении свидетельства на право осуществления предпринимательской деятельности.

Если происходят изменения в данных частного предприятия, но при этом ответственное лицо не внесло соответствующие коррективы в акты регистрации, выдается предписание об оформлении изменений в определенный срок, в случае невыполнения требования назначается штраф в сумме до 2000 юаней. Когда происходит допущение нарушения по вине доверенного либо нанятого для управления компанией лица, то на него возлагается ответственность по возмещению вреда, причиненного лицу, его нанявшему.

Если допускаются нарушения со стороны компании в отношении законных прав сотрудников или работников фирмы, не обеспечивается в надлежащей степени охрана труда, не выполняются требования по обеспечению социального страхования, то к ответственным лицам применяется штраф или иной вид юридической ответственности.

Если происходит принуждение компании к предоставлению финансовых, материальных или трудовых ресурсов, при этом существуют факты, свидетельствующие о нарушении действующего законодательства, выносится решение о наложении штрафа или о привлечении к иным видам юридической ответственности. При уклонении фирмой или ответственным лицом компании от погашения установленных обязательств с использованием сокрытия либо перемещения имущества «до или в период проведения окончательных расчетов при ликвидации, имущество в соответствии с законодательством подлежит возврату, а также применяется штраф; при наличии признаков состава преступления виновное лицо привлекается к уголовной ответственности».

В случае выявления нарушения действующего законодательства ответственное лицо компании несет гражданскую ответственность с обязанностью по возмещению нанесенного ущерба и выплаты штрафов. При этом обозначенное лицо несет гражданскую ответственность по возмещению вреда в приоритетном порядке.

Дисциплинарное взыскание применяется к лицам государственных органов регистрации, которые в нарушение действующего законодательства необоснованно отказали в регистрации частного предприятия либо произвели регистрацию с нарушением установленных законодательно требований.

В случае выявления признаков состава преступления виновные лица привлекаются к уголовной ответственности [2].

Если возникает ситуация, когда сотрудники органа регистрации оказываются под давлением вышестоящей структуры с требованием зарегистрировать частное предприятие либо отказать в регистрации компании, на ответственных лиц налагается дисциплинарное взыскание, при наличии признаков состава преступления следует решение о привлечении к уголовной ответственности.

При немотивированном отказе органа в регистрации заявления либо отсутствии информации о решении по вопросу регистрации государственным органом в определенные законодателем сроки обратившаяся сторона имеет право на обращение для административного рассмотрения ситуации в государственный орган либо обратиться в суд для возбуждения административного судопроизводства [2].

В качестве заключения можно обозначить, что деятельность юридических лиц в КНР, независимо от организационно-правовых форм, находится под контролем государства. Имеются существенные различия между пониманием юридического лица в России и в Китае, общими являются лишь некоторые термины. Так, в частности, особая роль отводится законному представителю при своеобразном определении его ответственности в условиях переговорного процесса, а также бизнес-лицензии – основополагающего документа, необходимого для функционирования юридического лица. Понимание этих общих и особенных черт предоставляет возможность для установления более эффективных контактов между юристами и представителями бизнес-структур, в т.ч. на уровне межрегионального сотрудничества.

Литература

1. Бизнес-лицензия в Китае. URL: https://chinacheck.ru/informasia/organizatsionno-pravovye-formykitajskikh-kompanij (дата обращения: 07.06.2020).

2. Мещерякова А.А. Особенности правового положения юридических лиц Китая: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-polozheniya-yuridicheskih-lits-kitaya (дата обращения: 07.06.2020).

3. О компаниях: Закон КНР. URL: http://law.uglc.ru/company.htm (дата обращения: 17.06.2020).

4. О предприятиях с иностранным капиталом: Закон КНР. URL: http://law.uglc.ru/company.htm (дата обращения: 20.06.2020).

5. Об индивидуальных частных предприятиях: Закон КНР. URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_individual_proprietorship_law_1999_russian/ (дата обращения: 17.06.2020).

6. Общие положения гражданского права КНР (в ред. 2009 г.) URL: https://chinalaw.center/civil_law/china_general_principles_of_civil_law_revised_2009_russian// (дата обращения: 20.06.2020).

7. Организационно-правовые формы китайских компаний. URL: https://chinacheck.ru/informasia/organizatsionno-pravovye-formykitajskikh-kompanij (дата обращения: 07.06.2020).

8. Проверка компании в Китае. URL: https://chinacheck.ru/informasia/organizatsionno-pravovye-formy-kitajskikh-kompanij (дата обращения: 07.06.2020).

9. Что такое законный представитель китайской компании? URL: https://chinacheck.ru/informasia/organizatsionno-pravovye-formy-kitajskikh-kompanij (дата обращения: 07.06.2020).

УДК 347.5

П.Д. Портянова
аспирант Юридического института Южно-Уральского государственного университета
E-mail: ivapola@mail.ru

ДИСКРЕТНОСТЬ ПРАВА В ОБЛАСТИ ПРИМЕНЕНИЯ «ПРАВА НА ЗАБВЕНИЕ»

Статья посвящена анализу одного из новых для российского законодательства способов защиты права – «права на забвение», реализация которого означает прекращение выдачи ссылок на интернет-ресурсы, содержащие определенную информацию о заявителе. Проведен сравнительный анализ содержания и реализации «права на забвение» в отечественном и европейском праве. Проанализированы требования законодательства к информации, к которой может быть применено «право на забвение», а также основания для признания информации неактуальной. Проведено сравнение категорий «неактуальная информация» и «информация, утратившая значение для заявителя». Рассмотрена конкуренция признаков общественной значимости информации и наличия общественного интереса к информации с «правом на забвение». Рассмотрены случаи отказа в удовлетворении запросов о применении «права на забвение» поисковыми системами, основания и правомерность такого поведения. Сделан вывод о наличии признаков дискретности российского законодательства в указанной области в форме правовой неопределенности и наличия недействующей нормы.

Ключевые слова: дискретность законодательства, «право на забвение».

P.D. Portyanova
postgraduate student of the South Ural State University
E-mail: ivapola@mail.ru

DISCRETENESS OF LAW IN THE APPLICATION OF RIGHT TO BE FORGOTTEN

The article is devoted to the analysis of one of the new ways of protecting the right for the Russian legislation: the «right to be forgotten» (stopping the display of links to Internet content containing certain information about the applicant). There is a comparative analysis of the content and implementation of the «right to be forgotten» in domestic and European law. The requirements of the legislation on information to which the «right to be forgotten» can be applied are analyzed, as well as the grounds for recognizing information as irrelevant. The categories «irrelevant information» and «information that has lost importance for the applicant» are compared. The competition of signs of public importance of information and the presence of public interest in information with the «right to be forgotten» is considered. Cases of refusal to satisfy requests for the application of the «right to be forgotten» by search engines, the grounds and legitimacy of such behavior are considered. It is concluded that there are signs of discreteness of Russian legislation in this area in the form of legal uncertainty and the presence of an invalid norm.

Key words: discreteness of the legislation, «right to be forgotten».

Одним из новых способов гражданско-правовой защиты, а потому представляющих особый интерес в качестве предмета научного исследования, является «право на забвение» (right to be forgotten).

Указанный способ защиты права был имплементирован в национальную правовую систему из европейского права. Последним из документов, наиболее подробно рассматривающих указанный вопрос до момента введения «права на забвение» в России, были: Резолюция Еврпейского парламента от 12 марта 2014 г. [13] и решение Суда Европейского Союза по делу Google Spain v. AEPD and Mario Costeja González от 13 мая 2014 г. [15].

Международная ассоциация по защите свободы слова (IFEX) дает три возможных определения «права на забвение» [4], однако ни одно из них не совпадает полностью с тем способом защиты права, который был введен в национальную систему права в 2016 г. путем внесения изменений в статью 10.3 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) [7].

Согласно новой редакции статьи любое лицо наделено правом обратиться к оператору, распространяющему в сети Интернет рекламу, с запросом о прекращении выдачи ссылок на сайты в сети Интернет, позволяющих получить доступ к определенной нежелательной информации о данном лице.

Таким образом, предоставлено право подать заявку поисковой системе (в частности, русскоязычным Google, Яндекс, Мэйл.ру, Рамблер) о неотображении ссылок на определенные сайты по запросу, содержащему имя и (или) фамилию заявителя.

Перечень информации, выдача ссылок на которую подлежит прекращению, определен в той же статье 10.3 Закона об информации: *«информация о заявителе, распространяемая с нарушением законодательства Российской Федерации, являющаяся недостоверной, а также неактуальной, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость»* [7].

Исходя из буквального толкования процитированного законоположения, «право на забвение» применимо:

1) к информации, распространяемой с нарушением законодательства РФ;

2) недостоверной информации;

3) неактуальной информации.

Перечень указанной информации шире того, который описан в Резолюции Еврпейского парламента от 12 марта 2014 г. [13] и решении Суда Европейского Союза по делу Google Spain v. AEPD and Mario Costeja González от 13 мая 2014 г. (недостоверная, нерелевантная и/или неактуальная информация) [15].

Возможно, отчасти в связи с этим наполнение каждой из названных групп в процессе реализации «права на забвение» вызывает большое количество вопросов. Центр по международной поддержке СМИ к их числу относит, например, отсутствие разграничения между частными и общественными интересами – персональными данными и оценочными суждениями, что создает широкое пространство для злоупотреблений [4].

Однако это не единственный требующий разъяснения вопрос. Правовая дискретность в указанном случае представлена сразу в нескольких видах и формах, которые будут названы в рамках дальнейшего анализа.

Первая группа информации, указанная в ст. 10.3 Закона об информации, – это распространяемая с нарушением законодательства (незаконная) информация.

Для того чтобы оценить информацию как незаконную, поисковая система должна самостоятельно соотнести содержание информации с действующим законодательством, по сути, приняв на себя функции суда или специалиста/эксперта.

Например, информация, содержащая нелитературные эпитеты, могла бы быть квалифицирована как оскорбительная и, следовательно, незаконная, однако в связи с отсутствием стилистической пометы «неприличная» в лингвистике, отсутствием возможности установления по словарям относимости лексем к числу неприличных для точного определения наличия в тексте оскорблений желателен анализ лингвиста. То есть необходимы специальные знания, которыми представители поисковых систем, рассматривающие запросы граждан, не обладают.

Аналогичное замечание справедливо практически в отношении любой информации, незаконность которой неочевидна.

Также имеются и иные препятствия, в частности, в случае если лицо утверждает, что на сайте распространена информация, содержащая его персональные данные, на обработку которых он согласия не давал. Оценить истинность подобного заявления можно после установления факта отсутствия у сайта-распространителя соответствующего согласия. Однако отсутствующий факт не может быть подтвержден никаким иным способом, кроме как путем непредставления согласия со стороны сайта-распространителя, а обязанности и полномочий осуществлять запрос о предоставлении данного доказательства у поисковой системы нет.

Таким образом, идентификация информации как незаконной поисковыми системами на практике затруднена. По этой причине на большинство запросов о прекращении выдачи ссылок приходит отказ (согласно приведенной яндекс-статистике [3]), норма не работает.

В данном случае можно говорить о наличии законодательной дискретности в форме наличия неисполнимой (мертвой) нормы.

Вторая группа информации, доступ к которой может быть ограничен, – недостоверная информация.

Представляется, что недостоверной информацией в целях применения «права на забвение» может быть признана:

1) информация, признанная недостоверной на основании судебного акта;

2) иная информация, достоверность которой, безусловно, опровергается предоставленными заявителем документами, в т.ч. не являющаяся порочащей.

Первая группа, казалось бы, четко определена, и споров между заявителем и поисковой системой в отношении информации, признанной судом недостоверной, возникать не должно. Однако может иметь место ситуация, когда информация, прекращения выдачи ссылок на которую желает добиться заявитель, не полностью совпадает с указанной в судебном акте, но по смыслу подобна ей. В этом случае поисковая система может отказать в удовлетворении заявки по формальным основаниям и может оказаться неправа.

Подобная ситуация описана в решении Одинцовского городского суда Московской области по делу № 2-2715/2017 [11] по иску экс-министра сельского хозяйства Е.Б. Скрынник к ООО «Яндекс». Предметом рассмотрения суда стал отказ поисковой системы прекратить выдачу ссылок на ресурсы, на которых содержалась информация, аналогичная признанной ранее недостоверной в судебном порядке, но не указанная в точных формулировках. Яндекс сослался на то, что на основании представленного решения невозможно сделать однозначный вывод о недостоверности информации. Суд, напротив, пришел к выводу, что информация, содержащаяся в ссылках, указанных в иске, является по смыслу идентичной информации, признанной судебными решениями негативной, недостоверной, порочащей честь, достоинство и деловую репутацию Е.Б. Скрынник.

Наполнение второй группы (иная информация, достоверность которой, безусловно, опровергается предоставленными заявителем документами) вызывает еще большее количество вопросов.

Представляется, что к ней может быть отнесена информация о совершении преступления в случае предъявления справки об отсутствии судимости. Поисковые системы, однако, даже в такой ситуации могут отказать в удовлетворении запроса.

Иллюстрацией этому тезису служит судебный спор по делу № 2-1432/18, рассмотренному в Кировском районном суде города Перми (в апелляционной инстанции – № 3119/2019), в рамках которого истец заявлял о недостоверности заявлений о его причастности к каким-либо преступным сообществам, организованным преступным сообществам ввиду того, что указанное деяние является уголовно наказуемым и должно быть доказано в судебном порядке, а справка об отсутствии судимости доказывает обратное. Поисковая система утверждала, что не наделена полномочиями по проверке достоверности и актуальности сведений, указывала на необходимость предварительного получения решения суда о признании распространенных сведений недействительными [10].

Суд с таким доводом не согласился. В Апелляционном определении Пермского краевого суда от 01.04.2019 [2] указано, что освобождение оператора поисковой системы от обязанности принимать определенные меры к проверке доводов заявителя о недействительности и неактуальности сведений делало бы недействующим и лишало бы смысла установление правового механизма, предусмотренного ст. 10.3 Закона об информации.

Данное обстоятельство требует от оператора поисковой системы проверки доводов обращения и направления мотивированного ответа на требования заявителя о прекращении выдачи ссылок, если их недостоверность и неактуальность небесспорны.

В итоге следует заключить, что доказательства достоверности информации должны полностью опровергать утверждения, содержащиеся на странице в сети Интернет, выдачу ссылок на которую хочет прекратить заявитель.

Третья группа сведений, указанная в ст. 10.3 Закона об информации и требующая особо пристального рассмотрения, – неактуальная информация.

Определение содержания данной группы вызывает проблемы в связи с допущением такой формы дискретности законодательства, как правовая неопределенность: неясно, перечисляет ли законодатель неактуальную информацию и информацию, утратившую значение для заявителя, в качестве однородных членов предложения или же они соотносятся как общее и частное, и законодатель уточняет, какая именно неактуальная информация имеется в виду. Небольшого дискурса в филологию в подобной ситуации не избежать.

Правила русского языка в данном случае не дают однозначного ответа. С одной стороны, причастный оборот относится к главному слову «информация», с другой стороны, это не означает, что параллельно он не может быть уточнением по отношению к слову «неактуальная». Более того, неактуальная информация (согласно толковому словарю Т.Ф. Ефремовой) –

это *«не имеющая важного значения в настоящее время»* [5], т.е. это и есть «утратившая значение» информация.

Указанный анализ важен потому, что в случае первого толкования закон указывает на более широкий перечень ситуаций. Ряд сведений может входить в категорию «неактуальная информация», но не являться информацией, утратившей значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

Например, информация о том, что лицо находилось в эпицентре политического скандала энное количество лет назад, может перестать быть актуальной, но не по причине наступления каких-либо событий или действий заявителя, а исключительно по причине давности события и отсутствия интереса к нему со стороны общества.

Представляется, что воля законодателя все же была направлена на уточнение характера неактуальной информации, т.к. в противном случае имело бы место перечисление общего и частного, полностью поглощаемого общим, в качестве однородных членов предложения, а это очевидное нарушение правил логики.

Таким образом, третий вид информации следует читать так: «неактуальная информация, а именно: информация, утратившая значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя, за исключением информации о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информации о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость».

И здесь возникает целый ряд новых вопросов о содержании такой информации, поскольку критерии его определения крайне субъективны.

Сразу следует отметить, что конституционность статьи 10.3 Закона об информации уже проверялась Конституционным Судом РФ.

В Определении от 26.03.2019 № 849-О Конституционный Суд РФ пояснил, что использование федеральным законодателем таких понятий, как «неактуальная информация» и «информация, утратившая для заявителя значение в силу последующих событий или его действий», само по себе не свидетельствует о неопределенности их содержания и преследует цель эффективного применения нормы к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций. Названные понятия, как и иные используемые федеральным законодателем оценочные понятия, предполагают, что они будут наполняться смыслом в зависимости от фактических обстоятельств конкретного дела и с учетом толкования этого законодательного термина в правоприменительной практике [8].

Итак, вернемся к определению содержания понятия «неактуальная информация».

Первым значимым моментом является необходимость доказать факт неактуальности размещенной информации. Об обязательности подобного доказывания заявил Ленинградский областной суд в Апелляционном определении от 14.02.2018 № 33-847/2018 по делу № 2-701/2017: *«Одно лишь указание заявителя на то, что, по его мнению, информация является неактуальной, не является надлежащим подтверждением. Противное означало бы явное отступление от конституционного принципа гласности и свободы слова, так как любой гражданин мог бы затруднить доступ к любой информации о себе, в том числе и общественно значимой информации, на недопустимость чего обратил внимание Конституционный суд РФ в постановлении от 09.07.2013 № 18-П в отношении владельцев сайтов, на которых непосредственно размещена информация»* [1].

Указанная обязанность на первый взгляд кажется неисполнимой, поскольку у заявителя отсутствуют рабочие механизмы доказывания неактуальности информации при подаче заявки в поисковую систему, а у поисковой системы соответствующие способы проверки информации на актуальность. Можно лишь предположить, что при рассмотрении подобных запросов поисковая система учитывает посещаемость спорной интернет-страницы, из чего можно сделать вывод об актуальности информации для неопределенного круга лиц.

Однако при более пристальном изучении проблемы становится ясно, что обязанность доказывания связана с тем самым уточнением перечня неактуальной информации, о котором говорилось ранее: об утрате значения информации для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя.

Если признак актуальности доказать практически невозможно, то доказать событие, в связи с которым информация перестала быть актуальной, можно.

Так, например, в судебном деле № 2-1432/18, рассмотренном в Кировском районном суде города Перми, суд признал неактуальной информацию о задержании 9 лет назад лица по подозрению в совершении уголовных преступлений по причине последующей реабилитации лица. Суд счел, что *«истцом представлены надлежащие и достаточные доказательства того, что уголовное преследование и задержание истца было незаконным, а это свидетельствует о том, что для истца информация о его задержании в рамках данного уголовного дела является неактуальной»* [10]. Апелляционной инстанцией указанное правопонимание воспринято, акт оставлен в силе [2].

В данном случае информация перестала быть актуальной в связи с последующим опровержением первоначальных подозрений.

В связи со сравнительной новизной «права на забвение» приведенное правопонимание не является пока общепризнанным. Из анализа судебной практики о применении «права на забвение» не следует, что утрата значения информации для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя является обстоятельством, подлежащим доказыванию в данной категории споров.

Более того, поисковые системы, рассматривая запросы граждан о прекращении выдачи ссылок, особое внимание уделяют другому: наличию общественного интереса к размещенной по ссылке информации, а также общественной значимости данной информации.

Наличие общественного интереса можно оценить, изучив посещаемость страницы, частоту интернет-запросов, по результатам которых выходит спорный интернет-ресурс.

Второй же критерий общественной значимости неактуальной информации является исключительно субъективным.

Таким образом, на сегодняшний день отсутствует законодательное, доктринальное и даже основанное на материалах судебной практики толкование понятия «неактуальная информация» в значении, необходимом для применения «права на забвение».

В Определении Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 849-О также указано, что при рассмотрении исков о применении «права на забвение» в отношении неактуальной информации судам необходимо находить баланс между конституционно защищаемыми ценностями (доступом граждан к информации, с одной стороны, и защитой прав граждан при распространении информации о них – с другой) на основе установления и исследования фактических обстоятельств конкретного дела [8].

Поисковыми системами при рассмотрении запросов «общественная значимость» очень активно используется как повод для отказа. В «отказных» ответах поисковые системы ссылаются на то, что в данном случае право общества на распространение и получение указанной информации в связи с наличием к ней общественного интереса превалирует над правом заявителя на неприкосновенность частной жизни.

При этом такая позиция поисковых систем строится на концепции «права на забвение», закрепленной в европейском праве, из которого понятие было заимствовано национальной правовой системой. Подобная взаимосвязь подробно рассмотрена А.Р. Мухгалиным [6], Р.Т. Нуруллаевым [17, с. 185], Н.А. Чикишевым [12], ссылающимися на неприменимость «права на забвение» к публичным личностям ввиду прямого на то указания в ряде актов европейского права.

Поисковые системы, вероятно, акцентируя внимание на обязательном признаке незначительности неактуальной информации для общества, на своих ресурсах приводят такие примеры неактуальной информации, как: неактуальные номер телефона, адрес электронной почты или информация о прежнем месте работы.

Однако указанные примеры не очень удачны, поскольку названные данные в случае, если они размещены не лично заявителем, а третьими лицами, чаще всего опубликованы одновременно с информацией об аналогичных данных в отношении третьих лиц. А прекращение выдачи ссылки возможно только в том случае, если интернет-страница содержит неактуальную информацию лишь о заявителе, поскольку удаление всех сведений целиком могло бы привести к ущемлению права всех заинтересованных лиц на свободный доступ к информации. Указанный вывод содержится также в судебной практике [1].

К слову, другими примерами неактуальной информации, доступ к которой не подлежит ограничению по причине отнесенности к иным, помимо заявителя, лицам, могут быть названы: протоколы соревнований, списочные результаты сдачи экзаменов, справочная информация о коллективе организации, иная информация о группе лиц.

Интересно, что изначально именно персональная информация, предоставленная ранее самим заявителем (номера телефонов, место жительства и т.д.), планировалась к указанию в законе о забвении на уровне европейского права. На это обращала внимание, в частности, Viviane Reding [18]. Информация о событиях в указанный список не входила, но позже перечень был расширен.

Отдельно следует выделить информацию о совершении преступления.

Согласно ст. 10.3 Закона об информации не предусмотрено прекращение выдачи ссылок на информацию *«о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли, и информацию о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость»*.

Казалось бы, отпадение перечисленных оснований (истечение сроков) для прекращения выдачи ссылок на информацию должно означать право заявителя использовать «право на забвение». На это в том числе указывают зарубежные источники [14, 16].

Однако российский правоприменитель, рассматривая круг данных сведений, распространяет ограничение использования «права на забвение» и на сведения о погашенной судимости в том случае, если данная информация может представлять интерес для неопределённого круга лиц.

Так, Конституционный Суд РФ в Определении от 26.11.2018 № 3087-О в отношении указанного законоположения пояснил, что судимость имеет не только уголовно-правовые, но и общеправовые последствия, уголовные дела о тяжких преступлениях хранятся 15 лет, а потому соответствующая информация также должна быть доступна в течение данного срока. Применительно к обстоятельствам конкретного спора судом был сделан вывод, что по этой причине актуальность информации, выдачу ссылки на которую просил прекратить заявитель, не утрачена. Дополнительным доводом стало то, что преступление было совершено заявителем в связи с осуществлением профессиональной деятельности адвоката, являющейся публично значимой, и заявитель вновь получил статус адвоката, но на сайте адвокатской коллегии, в которой он состоит, в разделе, содержащем биографические данные, нет информации о привлечении заявителя к уголовной ответственности [9].

Отдельно следует упомянуть, что надлежащим ответчиком является оператор поисковой системы, а не Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, к которой особенно часто обращались с требованиями в течение первых двух лет после вступления в силу поправок в Закон об информации.

Литература

1. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 14.02.2018 по делу № 33-847/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 01.04.2019 по делу № 2-1432/18 (№ 33-3119/2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Блог Яндекса. О применении закона «о праве на забвение». URL: https://yandex.ru/blog/company/o-primenenii-zakona-o-prave-na-zabvenie (дата обращения: 01.11.2019).

4. Доклад, опубликованный Центром по международной поддержке СМИ (The Center for International Media Assistance) (сокращенный перевод). URL: https://roskomsvoboda.org/35507/ (дата обращения: 01.11.2019).

5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: в 2 т. М.: Рус. яз., 2000. 1209 с. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/193360/%D0%9D%D0%B5%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9 (дата обращения: 08.11.2019).

6. Мухгалин А.Р. Некоторые аспекты применения «права на забвение» в сети Интернет // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 20. С. 27-33. URL: http://ipcmagazine.ru/legal-issues/some-aspects-of-the-application-of-the-right-to-oblivion-in-the-internet (дата обращения: 09.11.2019).

7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и ст. 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ (ред. 18.03.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр "Сова"» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 849-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина К. на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 3 и частью 1 статьи 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 26.11.2018 № 3087-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Решение Кировского районного суда города Перми от 13 ноября 2018 г. по делу № 2-1432/18. URL: https://kirov--perm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=116413597&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 01.11.2019).

11. Решение Одинцовского городского суда Московской области от 06.04.2017 по делу № 2-2715/2017. URL: https://odintsovo--mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=43334049&_uid=&_deloId=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1 (дата обращения: 14.11.2019).

12. Чикишев Н.А. Право на забвение в европейском цифровом законодательстве (на примере Франции) // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: http://www.mediascope.ru/2348 (дата обращения: 09.11.2019).

13. European Parliament legislative resolution of 12 March 2014 on the proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council on the protection of individuals with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data (General Data Protection Regulation), Amendment 27. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2014-0212&language=EN (дата обращения: 09.11.2019).

14. Georgetown University. Center for Transnational Legal Studies Colloquium. Research Paper, no. 2, May, pp. 285-300. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1401357 (дата обращения: 09.11.2019).

15. Google Spain v. AEPD and Mario Costeja González. URL: http://curia.europa.eu/juris/document/document_print.jsf?doclang=EN&docid=152065 (дата обращения: 10.11.20189).

16. Rosen Jeffrey, Stanford Law Review Online The Right to BeForgotten. URL: https://www.stanfordlawreview.org/online/privacy-paradox-the-right-to-be-forgotten/ (дата обращения: 09.11.2019).

17. Ruslan Nurullaev. Right to Be Forgotten in the European Union and Russia: Comparison and Criticism // Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki. 2015. No. 3. P. 181-193. URL: https://www.hse.ru/data/2015/10/11/1076267685/nurullaev.pdf (дата обращения: 09.11.2019).

18. Viviane Reding, Vice President, Eur. Comm'n, The EU Data Protection Reform 2012: Making Europe the Standard Setter for Modern Data Protection Rules in the Digital Age 5 (Jan. 22, 2012). URL: http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/12/26&format=PDF (дата обращения: 09.11.2019).

УДК 349.3
М.Г. Чельцова, *канд. пед. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации
E-mail: miki7575@mail.ru;
М.В. Чельцов, *канд. пед. наук*
Сибирский университет потребительской кооперации
E-mail: marn99@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ РИСК И ПРОБЛЕМЫ ЕГО УЧЕТА В ПРАВЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

В статье определяется сущностное содержание понятия «социальный риск», соотношение и взаимовлияние данного понятия и права социального обеспечения, равно и определяемых ими правовых явлений. Проводится анализ характеристик социальных рисков. Рассматриваются признаки и динамика как классических, так и современных (модернизированных) социальных рисков. Определяются основные признаки социальных рисков в современном социуме, проявляющиеся в юридических основаниях права социального обеспечения. Определяется влияние социального риска на систему права социального обеспечения. На основе проделанной работы утверждается, что ситуация, определяемая как социальный риск, в т.ч. по ее сущностному содержанию, может не совпадать с определенным законодательством основанием социального обеспечения. Делается вывод о том, что понятие «социальный риск» в системе права социального обеспечения с учетом современного состояния социума является непрерывно трансформирующимся, не полностью компенсируется в практике социальной деятельности и, соответственно, требует дальнейших исследований по способам реализации непосредственных прав граждан в системе социального обеспечения.

Ключевые слова: право, право социального обеспечения, социальный риск, ситуация социального риска, учет рисков, социум, социальная защита, правоотношения по социальному обеспечению, общество.

M.G. Cheltsova, *Candidate of Pedagogical Sciences*
Siberian University of Consumer Cooperatives
E-mail: miki7575@mail.ru;
M.V. Cheltsov, *Candidate of Pedagogical Sciences*
Siberian University of Consumer Cooperatives
E-mail: marn99@mail.ru

SOCIAL RISK AND PROBLEMS OF ITS ACCOUNTING IN SOCIAL SECURITY LAW

The article defines the concept of «social risk». The relationship and mutual influence of this concept and social security law are considered. Legal phenomena are also identified. The analysis of characteristics of social risks is carried out. The signs and dynamics of classic and modern (modernized) social risks are considered. The main signs of social risks in modern society are determined. Their manifestation in legal grounds of the human right to social security is considered. Determine the impact of social risk on the social security law system. Based on the work done, it is argued that the situation, which is defined as social risk, may not coincide with the basis of social security defined by law. It is concluded that the concept of «social risk», in the system of law, is continuously transforming. The concept is not fully compensated in the practice of social activity. It requires further research on how to exercise the direct rights of citizens in the social security system.

Key words: law, social security law, social risk, social risk situation, risk accounting, society, social protection, social security legal relations, society.

В современном социуме, несмотря на постепенное улучшение качества жизни, человек продолжает нуждаться в защите. Более того, растет число обращений в структуры, оказывающие социальную защиту и поддержку, причиной чему являются трудные жизненные ситуации или, другими словами, ситуации социального риска, преодолеть которые человек самостоятельно не может. Проблема, которой мы пытаемся найти решение, опираясь на формализованные подходы (Ю. Хабермас, С.А. Красиков, О.Н. Яницкий и другие ученые, изучающие проблемы соотношения общества, социальных рисков и права), представляет установление того, как трансформирующийся под воздействием различных ситуаций социум формирует социальные риски, влияющие, в свою очередь, на основания прав социального обеспечения.

Очевидным является тот факт, что современные социальные отношения значительным образом изменились. В настоящее время общество можно определить как «постмодернистское сетевое пространство, основанное на системе коммуникаций в рамках повседневного опыта непрерывно трансформирующегося мира» (в частности, М.В. Чельцов) [14, с. 40-47], в котором перспективы будущего формируются в прямой зависимости от складывающихся социальных взаимодействий. Именно неопределенность, изменчивость реальности и стремительная модернизация современного социума формируют социальные риски. Это определяет появление утверждения об «обществе риска», где человек в стремлении к инновационности постоянно порождает риски различного толка: от технологических до общих социальных [1, с. 161-168].

Во многом социальные риски сегодня сложнее и опаснее всех остальных. Они вызываются элементом доверия к определенной системе, которое имеет свойство уменьшаться при ряде неблагоприятных обстоятельств [2, с. 107-134]. И мы можем утверждать, что современный социум порождает риски абсолютно во всех сферах жизни. При этом сам по себе риск приобретает свойство накопления, аккумуляции, формируя неизвестность как фактор будущего. Риск становится универсальным, глобальным, выходит за рамки отдельных культур, стран и даже за пределы воспринимаемой реальности (риски за пределами «культурной видимости» (culture of visibility), связанные с экспертным сообществом [1, с. 161-168]). Это многократно усложняет социальные риски и увеличивает непредсказуемые, непреднамеренные последствия социальных действий. Получается, что любое социальное действие, как и бездействие, в современном социуме приобрело рискогенный характер. Риск – и причина, и результат решений, деятельности индивида.

Здесь особой проблемой является не только возможное качество оценки риска, но и принятие ответственности за риск (ответственность принимается на себя или перекладывается на других лиц). В этом смысле риск как характерный набор опасностей (минимизированных или глобальных) создает собственную специфическую среду. А его интенсификация с легкостью преодолевает любые экономические, социальные или политические барьеры, сохраняя определенную дифференциацию относительно некоторых социальных слоев и профессий. При этом риски в жизни отдельного человека не могут существовать отдельно от рисков всей конкретной социальной системы, а риски этого социума, в свою очередь, являются как производными, так и генераторами риска всего человеческого сообщества.

Важным, по нашему мнению, является и исследование рисков в современной психологии (Е.П. Ильин, Г.Н. Солнцева, В.А. Петровский и др.), дающих значительную часть понимания составляющих понятия «социальный риск» в области права. Здесь акцентируется внимание на противоречии для индивида между потребностью выполнить определенное действие и ухудшением физического или субъективного благополучия. Мы полагаем, что понятие «социальные риски» как производное более общего точнее отражает происхождение и характер трудных обстоятельств и, как следствие, указывает пути создания средств их преодоления. При этом понятие социального риска оказывается достаточно широким, в него возможно включить и сопутствующие элементы.

По сути, любая опасная ситуация, угрожающая личностной целостности, её ценностям и самой жизни, которая проявляется в виде оказывающих давление или иное негативное воздействие внешних факторов, в т.ч. воспринимаемых человеком как конфликт, может рассматриваться с позиции социального риска, который нуждается в регуляции, и с позиции права социального обеспечения.

Характерными признаками, позволяющими называть определенные события, происходящие в жизни человека, социальным риском, служат: обусловленность экономической системой и общественной организацией труда; имущественные последствия в виде отсутствия дохода от трудовой деятельности или внутрисемейного содержания, дополнительные расходы на нетрудоспособных членов семьи; заинтересованность государства и общества в смягчении и преодолении последствий наступления указанных событий [6, с. 59-72].

В целом, опираясь на идеи И.Т. Балабановой, У. Бека, Я.Д. Вишнякова, Э. Гидденса, Н. Лумана, П. Тейлора-Губи, В.Н. Шубкина и ряда других исследователей, мы можем определить риск (в контексте возможности использования понятия в праве социального обеспечения) как систематическое взаимодействие личности с угрозами и опасностями,

угрожающими психическому, социальному, биологическому ее существованию, которые индуцируются и производятся социумом в процессе непрерывных инноваций. Риск носит универсальный характер при общей социальной неопределенности, порождает чувства неуверенности, страха, агрессии, паники и не может быть преодолен (невозможность избежать риска или его последствий) окончательно.

Пространство воздействия риска определяется социальными, техногенными, культурными и естественными опасностями, создающими риски. Мы можем выделить несколько общих характеристик социальных рисков, которые необходимо учитывать в праве социального обеспечения: всеобщность, глобальность; универсальность; постоянство производства и воспроизводства; слабая предсказуемость (скорее отсутствие вероятного определения), неопределенность, но при этом предполагаемый характер; компактность при большой объемности; постоянное усложнение; прямая связь с организацией трудовой деятельности; отсутствие единственно верных решений; объективные причины наступления. К этому списку также следует добавить определение фактических рисков в системе социальной защиты как вероятностной потери, которая может быть компенсирована с учетом только негативных последствий за исключением, пожалуй, целенаправленного опасного поведения индивида, сориентированного на самого себя или других людей.

Данные характеристики определяют социальные обязательства государства перед гражданином, регулируемые правом социального обеспечения.

В большинстве случаев социальные обязательства реализуются в рамках материальной помощи (компенсационные выплаты) и через систему социальных услуг (оказание непосредственной помощи) человеку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации, сформировавшейся в результате воздействий социальных рисков. И в данном случае система права служит основанием для реализации социальных обязательств. Однако в системе права социального обеспечения фактически отсутствуют закрепленные базовые определения категорий и понятий, а используются общенаучные, причем зачастую применительно к отдельным видам социального обеспечения и его правовым формам.

Основанием предоставления социального обеспечения является страховой случай. Страховым случаем признается свершившееся событие, которое привело к необходимости реализовывать страховщиком свои обязательства (например, ст. 1 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. (в действующей редакции) № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»).

Социальный риск в таком случае представляется свершившимся событием, которое дает право на социальное обеспечение за счет определенного бюджета. Страховой случай в виде свершившегося события по факту является реализовавшимся социальным (или иным видом) риском. Здесь социальный риск рассматривается как часть социального страхования и в соответствии с представлениями А. Вагнера как форма высшей социальной солидарности. Выстраивается триада: социальный риск – свершившееся событие – страховой случай, которая выступает обоснованием, способом легализации используемых понятий. Социальный риск – возможность возникновения трудных жизненных ситуаций, определяющих необходимость оказания помощи со стороны государства. Свершившееся событие – реализованный социальный риск, требующий непосредственного вмешательства и реализации права социального обеспечения. Социальный риск в виде свершившегося события может определяться как страховой случай, т.е. страховой случай представляется частным проявлением страхового риска, порождающим правоотношения по социальному обеспечению.

Правоотношения по социальному обеспечению определяются как проработанными концепциями (основными из них являются, например, разработанные такими авторами, как В.С. Андреев, Р.И. Иванова, М.Л. Захаров и др.), так и элементами социальной практики.

Любая деятельность человека потенциально опасна. Так, В.М. Губанов указывает, что «ни в одном виде деятельности невозможно достичь абсолютной безопасности... всегда сохраняется некоторый остаточный риск» [3, с. 52-54]. Этот остаточный риск может носить общий или индивидуальный характер в зависимости от частоты событий и числа охваченных (свершившимся событием и его последствиями) людей.

Свершившийся социальный риск представляет собой состоявшуюся реализацию потенциальных опасностей, которые чаще всего называют причинами. Они характеризуются набором обстоятельств, проявляющихся в конкретной точке (пространстве) социума и вызывающих нежелательные социальные последствия и/или ущерб. Соотношение социального риска (как потенциальной возможности проблем) и причины (как реализации потенциальных опасностей) приводит к нежелательным последствиям (нежелательным, опасным социальным событиям), требующим реализации прав социального обеспечения.

Считается, что, локализуя причинно-следственную связь, можно в определенной степени прогнозировать свершение социальных рисков, а в некоторых случаях управлять ими и определять их. Для этого нужно использовать не только количественные, но и качественные показатели. К ним можно отнести, по мнению М.М. Рожкова, «...события, процессы, про-

явления, сведения, эффекты, позволяющие заблаговременно обнаружить опасности, их характер, источники, направленность, масштабы и возможные сроки наступления. Они, по существу, являются признаками, симптомами, сигналами опасности, их качественными характеристиками» [11].

М.Ю. Федорова, мнение которой представляется нам наиболее релевантным и дает возможность более глубокого осмысления содержания и взаимосвязи социального риска с системой права социального обеспечения, доказывает, что управление социальными рисками, выражающееся в специальной форме, осуществляется через «...правовое регулирование социального обеспечения, как нормативное, так и индивидуальное» [13, с. 220-226].

Это связано с этапами правового регулирования социального обеспечения и необходимостью учитывать структуру социального риска для них.

Так, на начальном этапе нормативного правового регулирования происходит формализация социального риска. Это позволяет законодательным образом установить модель риска, в которой заложены компенсационные механизмы последствий его реализации.

В последующем осуществляется персонифицированная оценка социального риска (этап индивидуального правового регулирования). Данная оценка позволяет определить её соответствие нормативной модели начального этапа. Определение соответствий запускает непосредственный механизм предоставления социальных услуг, благ или материальных выплат.

Норма, зафиксированная в ч. 1 ст. 39 Конституции РФ, определяет несколько видов событий, при наступлении которых гражданину должна быть оказана социальная услуга или материальное обеспечение: достижение определенного возраста, болезнь, потеря кормильца, инвалидность, воспитание детей, оказавшихся без попечения родителей и/или утративших возможности получения средств к существованию, человек любого возраста, утративший место жительства, средства к существованию, способность к самообслуживанию.

Перечисленные события явным образом требуют государственного вмешательства и выступают основаниями социального обеспечения [10, с. 43]. При этом в случае наступления таких событий их последствия требуют формального подтверждения в виде проведения специальных экспертиз и др. Достигнутое формальное заключение позволяет получить соответствующие услуги и материальные выплаты (например, по болезни или при наступлении инвалидности). В некоторых случаях последствия презюмируются, когда не требуется дополнительного подтверждения наступивших последствий (к примеру, получение страховой пенсии по старости не требует подтверждения утраты трудоспособности).

Можно утверждать, что в широком смысле социальный риск важен не сам по себе, а в связи с последствиями, которые ведут к необходимости предоставления социального обеспечения. Это определяет понимание социального риска как вероятности наступления материальной необеспеченности работников вследствие утраты заработка из-за потери трудоспособности (профессиональные и общие заболевания, несчастные случаи) или отсутствия спроса на труд (безработица). Данный подход, по нашему мнению, в большей степени отражает практику права социального обеспечения.

Таким образом, учитывая все вышеизложенное, с позиции права социального обеспечения представляется, что социальный риск – свершившееся событие, обусловленное угрозами и опасностями социальной действительности, с высокой вероятностью приводящее к утрате возможностей заниматься деятельностью, приносящей легальный трудовой доход, часто в совокупности с нарушением или полной потерей способностей самообслуживания, при возникновении потребностей в медицинских и социальных услугах, а также в связи с возникновением дополнительных расходов по содержанию членов семьи, нуждающихся в помощи.

В результате воздействие социального риска и его последствия образуют характерные ситуации, влекущие за собой необходимость компенсации.

Однако не все социальные риски могут покрываться государством, поскольку оно не обладает неограниченностью ресурсов. Именно поэтому определяются основания социального обеспечения в виде нормативной модели, которая на практике реализуется в форме социальных выплат различного характера, которые компенсируют ситуации риска. Основаниями социального обеспечения выступают жизненные ситуации, которые покрываются социальными обязательствами государства [15, с. 192-198]. Они являются главными юридическими факторами социально-обеспечительных правоотношений. Данные отношения регулируются рядом общепризнанных международных норм и принципов, а также актов, ратифицированных Российской Федерацией и совокупностью внутринациональных правовых норм, регулирующих соответствующие общественные отношения в конкретном поле. Так, например, общественные отношения по выплате разного вида пенсий регулируются Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (последняя редакция) «О страховых пенсиях», а выплаты пособия по временной нетрудоспособности для работающего пенсионера – ст. 5, 6, 7 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (последняя редакция) «Об

обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством». При этом возможные злоупотребления правами граждан на социальное обеспечение в данном случае могут пресекаться ст. 28 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ и соответствующими статьями (например, ст. 10) Гражданского кодекса РФ одновременно.

Можно утверждать, что ситуация социального риска компенсируется или может быть минимизирована лишь при наличии правовых оснований – предусмотренных в законодательстве (соответствующей его части) условий предоставления выплат и/или услуг. Эти условия определяются для каждого вида социальных рисков отдельно и отличаются в применении. Возможно несовпадение в силу наличия временных ограничений для определенных видов социального обеспечения, самой по себе ситуации и основания социального обеспечения. Примером может служить прекращение выплаты пособия по уходу за ребенком до трех лет, а необходимость продолжения ухода и, соответственно, ситуация социального риска из-за отсутствия работы у родителя сохранятся.

М.Ю. Федорова справедливо указывает, что «...социально-рисковая ситуация, как правило, возникает раньше правоотношения по социальному обеспечению, поскольку реализация права на социальные выплаты и услуги осуществляется в ходе правоприменительной процедуры, опосредуемой процедурными правовыми связями» [13, с. 220-226]. Выносимое в такой ситуации правоприменительное решение порождает материально-правовые отношения, но не может способствовать хронологическому совмещению социально-рисковой ситуации и необходимого обеспечительного отношения.

С целью преодоления указанной ситуации социальной несправедливости, порождаемой внешними факторами, как указывает М.Ю. Федорова, «...законодательством может предусматриваться назначение соответствующих выплат ранее чем со дня обращения за ними, но не ранее чем со дня реализации определенного социального риска» [13, с. 220-226]. Например, ежемесячные страховые выплаты, назначаемые со дня утраты профессиональной трудоспособности, исключая период выплаты пособия по временной нетрудоспособности, регулируются ст. 15 Федерального закона от 24.07.1998 № 125-ФЗ, в т.ч. на основании ст. 184 ТК РФ.

Подобные хронологические, а в некоторых случаях и содержательные несовпадения приводят к тому, что понятие социального риска может включать реальные обстоятельства, требующие вмешательства государства, но не признаваемые юридическими фактами. Данное противоречие также может создавать условия, в которых применение социального обеспечения оказывается возможным без достаточных правовых оснований либо, наоборот, недопустимо применение части норм социального обеспечения в отношении ряда граждан на тех же правовых основаниях. Так, представляется нарушением принципов социальной справедливости исключение ряда педагогических работников из числа тех, кто имеет право на назначение досрочных страховых пенсий.

Возможность регулирования отношений по праву социального обеспечения несколько снижает остроту указанных противоречий, поскольку осуществляется в индивидуальном порядке, персонифицировано, несмотря на то, что сам по себе социальный риск имеет массовый характер. Правильно соотнесенная ситуация социального риска с основанием социального обеспечения позволяет персонифицировать проблемы и средства их преодоления.

Таким образом, уточнение определения категории «социальный риск» и последующее ее закрепление в законодательной базе могут служить основанием для права социального обеспечения и фактическим ориентиром правового регулирования отношений в данной сфере.

Литература

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Альманах Thesis. 1994. № 5. С. 161-168.

2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // Альманах Thesis. 1994. № 5. С. 107-134.

3. Губанов В.М., Михайлов Л.А., Соломин В.П. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них. М.: Дрофа, 2007. 536 с.

4. Истомина Е.А. Нетипичные социальные риски в праве социального обеспечения // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2016. № 3. С. 76-82.

5. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Молокостова А.М., Бендас Т.В. Социальные риски в будущей профессиональной деятельности студентов // Организационная психология. 2015. Т. 5. № 1. С. 59-72.

7. О страховых пенсиях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 255-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [Электронный ресурс]: федеральный закон от 24.07.1998 № 125-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Прощалыгин Р.А. Роль участкового уполномоченного полиции в работе с неблагополучными семьями // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 2 (29). С. 41-43.

11. Рожков М.М. Риск как категория безопасности жизнедеятельности. Критерии качества жизни населения Российской Федерации // Статистика и экономика. 2014. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/risk-kak-kategoriya-bezopasnosti-zhiznedeyatelnosti-kriterii-kachestva-zhizni-naseleniya-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 19.11.2018).

12. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 № 197-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Федорова М.Ю. Ситуация социального риска и основание социального обеспечения: вопросы соотношения // Вестник СГЮА. 2016. № 6 (113). С. 220-226.

14. Чельцов М.В. Влияние современных трактовок понятия «общество» на осмысление процесса воспитания гражданственности и патриотизма молодежи в журнале // Вестник пед. инноваций. 2017. № 3 (47). С. 40-47.

15. Чельцова М.Г. Социальные риски в контексте права социального обеспечения в современной России // Наука и социум: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции. 2017. № 1. С. 192-198.